

DOCTOR WHO

ЛАНГБЭРРОУ

МАРК ПЛАТТ

T H E N E W
A D V E N T U R E S

LUNGBARROW

M A R C P L A T T

Лангбэрроу

Марк Платт

Серия «New Adventures»

NA 60, март 1997

Иллюстрации: Daryl Joyсе

Перевод: Светлана Федосеева

Редактор: Марина Резникова

Перевод выполнен с целью ознакомления
и не предназначен для коммерческого использования.

2015 г.

ПРОЛОГ

Розы времени источали аромат памяти. Здесь находился сад, в котором они росли. Ветви прошлого прививались к настоящему. Запах, который воскрешал память о том, что давно прошло. Шипы, которые могли порвать одежду, как клюв хищной птицы — падаль. Стебли, которые могли задушить и связать как змеи в «Сепалчезм»¹.

Сад рос на вершине Цитадели, возвышаясь над холодными улицами, свободный от бесконечной телепатической болтовни, сплетен и слухов, заполнявших умы жителей Галлифрея. Иногда они говорили каждый о своём, иногда обсуждали что-то одно. Надежду, или страх, или желание умереть.

Великая мать ушла. Пифия была мертва, свергнута своими детьми. И с нею исчезла возможность деторождения. Галлифрейцы стали бесплодной расой. После длительного шока от матереубийства проклятые люди научились держать мысли и тайны при себе. Они стали замкнутыми и скрытными. Они привыкли к одиночеству. И это сделало их более сердитыми.

¹ «Сепалчезм» (Sepulchasm) — настольная экстрасенсорная игра Повелителей Времени. В неё играли вдвоём или в одиночку. Дословно переводится как «могильная бездна».

Облако дыма скрыло Пазити Галлифрея². Залитый лунным светом сад на башне погрузился во тьму.

Новый, более резкий свет появился внизу. В городе начался пожар.

Высоко над ним, на вершине мемориала Омеги, одинокая фигура наблюдала, как западный район города исчезает в огне. Пожар начался в заброшенном храме. Он мог услышать отдалённый стук противопожарного орудия. Охранники кланов боролись со стихией.

Это не предвещало ничего хорошего. Бегущие инакомыслящие (Рассилон называл их мятежниками) нашли убежище в храме Пифии. Он предупреждал Рассилона сотни раз. Это священное место не должно быть осквернено. Вместо насилия против инакомыслящих, их следовало собрать и выслать с Галлифрея со своими устройствами. Он никогда бы не принял участия в резне.

Внезапно коробка вернулась.

Она висела в воздухе чуть ниже уровня его глаз. Летающий гроб. Одна сторона в темноте, другая — в лучах яркого света от пожара. Она защёлкала, затрещала, издала негромкий визг и слегка наклонилась одной стороной. Это напоминало жест человеческой ласки.

— Кыш! Уходи, глупая, — сказал он, слегка грубо, вспоминая продолжительные споры с Рассилоном о

² Пазити Галлифрея (Pazithi Gallifreya) — естественный спутник (луна) Галлифрея, обращающаяся вокруг планеты за 27 дней. Она медного цвета и видна даже в солнечном свете.

различных формах жизни. Он слишком устал от их подтверждения.

Коробка тосковала. Она соскучилась по своему создателю. Она всегда разрывала свои цепи и сбегала из ангара, чтобы спрятаться возле мемориала Омеги. Это продолжалось в течение многих лет. Когда они переместили ангар, она сидела, с недовольством окрашивая главный двигатель всеми цветами радуги, а затем сбежала снова. Рассилон встревожился, хотя это было бессмысленно. Для почти разумного межзвёздного механизма, который мог пересекать горящие звёзды и различные измерения, это было довольно безопасно. Она просто не поддавалась дрессировке.

У Омеги, несмотря на его жертву, все ещё оставалась одна рука.

Это была скорее хорошая шутка, подумал он, но Рассилон не считал её забавной. Однажды ночью они стояли в саду на башне и наблюдали очередную смерть Омеги. В свете умирающей звезды, внезапно вспыхнувшей в созвездии Эо, в девятый раз — спустя шесть лет после того, как они наблюдали это на экране монитора в комнате управления.

Рассилон снова плакал. Всё, что делал этот человек, он делал с любовью. Но иногда любовь бывает удивительно близорукой.

Фигура на мемориале вздрогнула и крепче закуталась в плащ. Вспышка сверхновой всё ещё была видна в небе над городом — точнее, будет, когда рассеется дым. В последнее время коробка, также известная как Рука Омеги, приходила к нему. Она неотступно следовала за ним, частенько появляясь

в неподходящий момент. Это мешало его делам и привлекало внимание к личной жизни, которую он предпочитал скрывать.

Тем более, что он устал, смертельно устал от манипуляций и власти. Он старался уйти, освободиться от правил и стремлений других людей, и, тем более, освободиться от себя. Он мог сбросить эту тёмную, задумчивую личность легче, чем змея сбрасывала свою кожу. Но если бы он действительно ушёл, то пути назад бы не было. И Рассилон остался бы с неограниченной властью. Без контроля, без равновесия.

Расстроившись, он снял ботинок и бросил его в коробку. Рука Омеги ускользнула настолько быстро, что ботинок, казалось, пролетел сквозь неё. Он остался стоять в одном ботинке.

— Что ж. И что ты сделаешь, если я сойду?

Действительно, глупый вопрос. Коробка находилась у его ног. Готовая поймать его. До того, как свершится самоубийство.

— Самовлюблённая тварь! — пожаловался он.

Он заметил внизу фигуры, прячущиеся в тени мемориала. Они явно не мятежники, а агенты, присланные Рассилоном, чтобы арестовать его. Он подумал, что должен чувствовать себя польщённым. Слишком хорош, чтобы потерять.

В воздухе он уловил запах горячей плоти. Он принял решение, хотя подготовиться к прощанию всегда нелегко.

Проигнорировав коробку, он спустился вниз по каменному виражу символа Омеги и упал на землю. Тени

быстро вышли из темноты. Он был удивлён наличием у них ножей.

Они были удивлены ударом энергии, которая разбросала их как кукол на его пути. Коробка трещала возле него, перемещаясь, кажется, быстрее, чем его собственная тень. Он отцепил цветок от своего плаща. Молочный аромат розы напомнил ему о детях и потерянном будущем. Он положил его к подножию памятника и склонил голову. Коробка, нетипично для себя, остановилась возле цветка. Он знал, что она смотрела ему вслед, когда он искал свой ботинок во мраке. Не сумев найти его, он выбросил другой и отправился босиком в горящий город

* * *

— Я Доктор. Я. Я. Я!

После резкого падения Крис Кведж лежал возле деревянной стены, наблюдая, как комната раскачивается вокруг него. У него закружилась голова. Белые стволы стен переходили в чёрный потолок, который из-за естественных прожилок выглядел как дикая растительность. Всё казалось оранжевым в лучах света.

Он закрыл глаза — это лучше, чем продолжать смотреть.

Его сердце билось со скоростью двух.

Его пальцы дотрагивались и цеплялись за вещи, которых там не было.

Его ум вспоминал вещи, множество вещей, о которых он прежде не знал. Он мечтал, чтобы они оставили его в покое. Убрались прочь из его головы. Он снял с себя ботинок и бросил его.

Комната продолжала плавать. В нескольких метрах от него сидели женщины, что-то нашёптывающие. В круге виднелась нога их жертвы. Она была одета в коричневую шнурованную обувь.

Новые воспоминания, возникавшие в его голове, становились более тусклыми. Ослабевали.

Восьмой человек связан

Не пророни ни звука

Саван покроет всё

Длинный и Низкий

Старый и Громкий

Юный и Тёмный

И Высокий.³

Женщины держались за руки. Президент и сорвиголова, и кузен, и воин. Они бормотали заклинания, которые делали его мысли доступными. Его ум обнажался: сухожилия, с которых снимают кожу, кожу сознания.

— Почему Вы ушли?

— Где Вы были?

— Кто Вы? Кем, чёрт побери, Вы себя считаете?

³ В оригинале:

Eighth man bound

Make no sound

The shroud covers all

The Long and the Short

And the Old and the Loud

And the Young and the Dark

And the Tall

Крис хочет уйти, но нить держит его, медленно вращая над бездной.

— *Я! Я! Я!*

Они рвутся в его ум с отвратительными клювами.

— Стервятники! — кричит жертва, лежащая в их круге. В его голосе слышен шотландский акцент.

— Меня не поймать, — доносится из горла Криса.

Как только женщины начинают съедать его во сне, всё погружается во тьму.

* * *

Дом наполнен солнечным светом. Тени прячутся по углам. Панельные стены, натёртые пчелиным воском, блестят среди белых колонн и арок. Время от времени доносится ленивый скрип половиц или плиток. Иногда передвигается стул, чтобы пропустить кузена на галерею. На мгновение глубокий вздох разносится от одного конца Дома к другому. Это походит на шелест листьев на ветру.

Дом дремлет. Но слушает.

Чирк. Чирк. Чирк.

... и разгневавшись, Рассилон приказал изгнать Другого с Галлифрея, чтобы тот никогда бы не смог вернуться. И настала великая радость для Цитадели. Убегая, Другой захватил с собой Руку Омеги — и навсегда покинул этот мир.

Чирк. Чирк. Чирк.

Ученик вырезал свое имя на лакированной поверхности большого рабочего стола. Заколка для волос кузины Инносет лучше справлялась с этой задачей, чем неуклюжая бритва клана, которую старый Квинц подарил ему на последние

именины. Задача заключалась в том, чтобы как можно глубже вырезать своё имя прежде, чем выйти из-за стола.

— Вы слушаете? — спросил наставник.

— Да, конечно, — ответил он, продолжая вырезать. — ...и Другой навсегда покинул этот мир.

— Отлично.

Наступила тишина. Он знал, что огромных размеров наставник подходит к столу, но ему нужно было закончить свою работу.

— Вы же знаете, что я слушаю, — добавил он, безуспешно пытаясь смотреть прямо в глаза.

Солнечный свет из высокого окна поблескивал на одежде наставника. Зазубренные чёрные полосы тени падали на его белоснежную кожу. Ученик чувствовал взгляд изучающих его стеклянных глаз, дополнявшихся внушающими страх клыками.

Волнуясь, он смазал заключительный штрих. Слишком быстро. Лак отслоился. Большой стол задрожал. Это походило на кашель протестующего дерева, и он обхватил поверхность стола, чтобы успокоить его.

— Почему Вы отвлекаетесь? — голос наставника, казалось, выходил из его груди, а не горла. Рога, которые вились с обеих сторон его головы, были достаточно большими, чтобы повесить на них плащ. Ученик покачивал ногами.

— Почему мы не можем отправиться на экскурсию? — Он привык отвечать вопросом на вопрос. Его ноги даже не касались пола.

— Что сказано в учебном плане?

Ученик пожал плечами и выглянул из окна.

— А как насчёт практики? Мы могли бы спуститься в сад. Сейчас так жарко, фуксии, должно быть, уже расцвели. — Он открыл стол и стал рыться среди хаоса внутри в поисках рогатки. — Я мог бы пострелять в них с веток, — крикнул он из-под тяжёлой крышки.

— Повторите Семейный завет.

Он застонал.

— И тогда я могу уйти?

— Как Вы родились?

— Это скучно.

— Где Вы родились?

Он со стуком захлопнул крышку стола.

— Я родился в этом Доме, — нараспев произнёс он, с ярко выраженным презрением к тому, что должен повторять для наставника давно вызубренный материал. — Дом Лангбэрроу — один из многих Домов, основанных, чтобы стабилизировать население после Большого Раскола, когда Проклятие Пифии сделало жителей Галлифрея бесплодными. Я родился в семейном станке⁴ Дома, каждый станок ткёт кузенов, количество которых определяет Почтенный Центральный Справочник Населения Капитолия.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. За белой деревянной рамой полуденное солнце поблескивало на

⁴ Станок, он же Лум (Loom). В данном переводе используется первый вариант, лучше передающий смысл.

серебряной листве деревьев. Наставник положил руку на стол.

— Количество?

— Количество кузенов, определённых для Дома Лангбэрроу, равняется сорока пяти. Когда кузен умирает или использует все свои тринадцать инкарнаций, ткнут нового кузена в качестве его замены.

Он снова остановился и посмотрел на своего наставника.

— Продолжайте, — сказал тот.

— Я помню, как ждал своего рождения, — сознательно произнёс ученик, чтобы увидеть реакцию наставника.

— Невозможно. Это невозможно.

— Вы — просто машина. Что Вы можете знать об этом?

Автоматизированный наставник колебался. Но его неловкость не выглядела убедительной. Она была слишком точной для живого существа. И все же огромный пушистый аватроид, с его чопорными и безукоризненными манерами, был более безумным и привлекательным, чем любой член семьи Дома.

Молодой ученик продолжал:

— Это походило на то, словно я был растянут. Полностью распутан в Станке. Я был разделён на крошечные части.

— Возможно, теперь Вы учите меня, — сказал наставник. Его большие плечи слегка поникли.

— Я не мог думать. Не связывал мысли вместе.

— Грамматика, — упрёкнул наставник.

— Но я знал, где нахожусь, и что происходит. Я ждал, чтобы выйти. И затем я родился. Мои лёгкие почти

взорвались. Первый вдох был настолько холодным. И, конечно, все они были там. Все сорок четыре. Они смеялись из-за... потому что... Я никогда не прощу им этого. Говорят, что первый взгляд после рождения, первая вещь, которую видишь, определяет будущие поступки. Но когда это — сорок четыре кузена, ждущие вас, смеясь, хихикая, и подталкивая друг друга, чего вам ожидать в дальнейшем?

Как обычно, он сменил тему.

— И Саттралоп хлопнула меня настолько сильно, что я почти пошёл.

— Когда Вам рассказали это? Как Вы действительно можете помнить?

— Я просто помню. И не дразните меня. Вы всегда дразните меня. Я не новосотканый. Мне почти пять и три четверти.

— И Вы очень рано развились, — наставник указал на цветной монолит, лежащий на столе. — Откройте свою книгу «Победа Рассилона».

— Что происходило до Большого Раскола? Как тогда ткали людей? — он ухмылялся, надеясь, что это звучит небрежно и грубо. — Кто такие... матери?

— Матери были женщинами, которые рожали детей.

— Что, как и станок? — он ухмыльнулся еще шире. — Держу пари, что Саттралоп не способна на это. Дети росли в своих матерях? Как у птиц? Позади кладовой находилось гнездо, но лошади нашли его прежде, чем я смог достать их. Или матери метали икру в реке, как певчие рыбы?

— Это *моя* работа — задавать вопросы.

— Какой в этом смысл, если Вы знаете все ответы? Как дети растут? И почему животные не используют станки? Почему они только у людей?

— Мы изучим...

— У них происходили поединки на мечях с пиратами, рептилиями и монстрами?

Наставник взял диск с данными в сильные лапы и начал вставлять его в пульт управления в столе.

— Мы изучим происхождение галлифрейской культуры.

— Это — тот детский стишок, не так ли? *И теперь все дети рождаются в станке. Насвистите мелодию, и я спою его. Это не тьма, это не холод, ищите будущее...* Домоправительница Саттралоп запрещает петь во время урока, — состроил гримасу молодой человек. — И она пахнет как старые шкафы. Квинц не стал бы возражать. И он дал мне Вас.

— Ординал-Генерал Квинц запрограммировал меня, чтобы развить Ваши способности. Вы повторите «Победы Рассилона».

— Опять? Но Вы обещали.

— Победы.

— Но они и вправду скучные.

— Начинайте.

Ученик мельком взглянул на экран.

— Без подсказок, — скомандовал Барсук. — Наизусть.

Стол отключил экран с негромким звуком разочарования. Молодой человек тоже вздохнул и начал:

— Послушайте теперь о Рассилоне и его великих деяниях.
Он в одиночку победил тьму и...

Он оглянулся.

— Кузина Инносет, что ты делаешь?

Наставник с громким шумом пытался протиснуться в узкое пространство. Большой стол вздрогнул. Комната опустела. Пурпурное ядро, вылетевшее из рогатки, просвистело возле одного из вьющихся рогов Барсука. К тому времени, когда пушистая машина пришла в себя, виновник уже забрался на подоконник и перелез через открытое окно, цепляясь за виноградную лозу, которая росла возле Дома.

— Инносет, передай, что я опоздаю к ужину, — крикнул он с улицы. — Ты лучше всех справляешься с Саттралоп, когда она в боевом настроении.

Оставив своего косматого наставника в состоянии недоумения, он спустился вниз по виноградной лозе и выбежал на солнечную поляну с длинной густой травой.

— Меня не поймать!

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Вы можете счесть, что происходящее напоминает Шекспира, и здесь действительно присутствует «пропасть времени» из «Бури». «Буря» также — последняя пьеса Шекспира, и Просперо — ещё одна волшебная фигура и архиманипулятор, похожий на Доктора. Возможно, он тоже Доктор, в 12-ой или 13-ой инкарнации. Есть такая идея. Говорят, что, если бы Шекспир жил в наше время, он бы писал сценарии для телевидения...

Сад Другого напоминает о розарии, в котором мы видим Первого Доктора, Хартнелла в «Трёх Докторах» и Харндалла в «Пяти Докторах»⁵. Он также появляется как воображаемый сад Доктора в «Auld Mortality»⁶. Согласно «Cat's Cradle: Time's Crucible»⁷, древние галлифрейцы были телепатами. В их головах шла бесконечная беседа, отражающая настроение и мнение общества. Слегка напоминает нынешний чат. Ко времени Доктора эта способность уменьшилась, являясь лишь крошечным остатком былых времен, но всё ещё существует в пределах семей. Предполагается, что между Доктором и Сьюзен, существовала некая телепатическая связь. Кузина Доктора Инносет смогла развить эту способность. Дом также находится в телепатическом

⁵ «Три Доктора» — серия эпохи Третьего Доктора, «Пять Докторов» — эпохи Пятого.

⁶ «Auld Mortality» — пьеса «Big Finish» из серии «Unbound».

⁷ «Cat's Cradle: Time's Crucible» — книга из серии «New Adventures» (NA).

согласии с домоправительницей. И, конечно, есть телепатическая связь с ТАРДИС. Бен Ааронович и Эндрю Картмел особенно гордились Рукой Омеги, потому что она была старой, изношенной и правдоподобной. Непохожей на блестящий материал большей части телевизионной научной фантастики.

«Восьмой человек связан» впервые появилась в «Christmas on a Rational Planet»⁸ Лоуренса Майлза. Это — игра студентов Галлифрея, в которой они предвидят свои возможные будущие жизни. Стих в голове Криса, кажется, перечисляет жизни Доктора до нынешней. Доктор не мог видеть дальше своего седьмого воплощения, и будущее волновало его...

Сцена с Барсуком — что-то вроде начальной информации, чтобы показать местоположение и семью. Но это также напоминает о волшебных годах детства в классических детских книгах. Начало Большого Приключения. Это — К.С. Льюис и Артур Рэнсом. Все эти старые здания, и классные комнаты, и солнечный свет. Мне казалось, это подходит под описание детства Доктора. Даже если он выглядит двадцатилетним. Барсук, по существу, первый спутник Доктора. Когда мы нуждались в визуальном оформлении для обложки книги, я попросил Майка Такера придумать дизайн. Майк — Боже, благослови его — появился на моём пороге с макетом из пластилина — с витыми рогами, опущенным взглядом и всем прочим. Его дизайн слегка отличался от

⁸ «Christmas on a Rational Planet» — книга из серии «New Adventures» (NA).

оригинального, но Дэрил Джойс для замечательных иллюстраций вернулся к оригиналу. Зигзагообразный мех барсука сделан из меха, который носят отшельники в «The Invasion of Time»⁹.

⁹ «The Invasion of Time» — серия эпохи Четвертого.

ГЛАВА 1

КУБИЧЕСКИЙ ПАРИЖ

— Засекреченное послание службы безопасности, сэр, — объявил молодой капитан охраны канцлера¹⁰, и вручил контейнер.

Главный секретарь Хофвинтер, ветеран, проработавший около девятисот девяноста шести лет в пространственно-временном бюро доступа¹¹, генерации и регенерации, зарегистрировал поставку в журнале. Контейнер загудел и раскрылся как чёрный цветок, позволяя извлечь кристалл с данными из его сердцевины.

Он взвесил устройство в руке и дыхнул на поверхность.

— Засекречено, — заметил он. Капитан в великолепной красно-белой униформе не шелохнулся. — Спасибо, ээ...

— Джомдек, сэр.

— Да, спасибо, капитан Джомдек. Ответа не будет.

— Кастелян приказал ждать, пока информация не будет полностью передана, сэр.

— А? Интересно, почему. Всё будет доставлено. Вам вряд ли стоит ждать результата.

— Хорошая идея, сэр.

— О, всё ясно.

¹⁰ Охранник канцлера — в оригинале Chancellery Guard.

¹¹ Пространственно-временное бюро доступа — в оригинале Space/Time Accession Bureau.

Старый секретарь подошел к окну, выходящему на здание Капитолия. Во внутреннем дворе несколько отрядов охраны усердно работали над парадной строевой подготовкой. Что весьма неожиданно.

— Они заставляют всех напряжённо трудиться, — сказал он. — Должно быть, чего-то ждут.

Не обращая внимания на капитана, Хофвинтер установил кристаллический куб на панель передатчика. Объект тут же стал излучать зелёный свет.

Он ждал нужного кода.

* * *

Кто-то преследовал Дороти. Она не замечала никого подозрительного среди покупателей в проходах продуктового отдела «Маркс и Спенсер», но он был там. Она инстинктивно чувствовала его. Знала, что он наблюдает за нею. Дороти подумала «он», но это могли оказаться и «она», и даже «оно».

Она встала в очередь к кассе и впилась взглядом в толстую парижанку, которая тщательно исследовала содержимое корзины. Камера видеонаблюдения на потолке повернулась, указывая прямо на неё.

Слишком очевидно. Такого не могло быть.

Она начала перебирать франки в своем бумажнике, удостоверяясь, что они — нужного года выпуска. То же самое предчувствие появлялось за два дня до этого — в кафе «Момус» в Латинском квартале. Был сочельник за столетие до этого, и она находилась там с друзьями. Как только принесли пирожные с заварным кремом (её любимые), она почувствовала слезку. Звук и освещение кафе, казалось,

потускнели, когда она повернулась, чтобы отыскать наблюдателя. Возможно, за одним из столиков, среди шумных денди из жокей-клуба или слишком ярко одетых танцовщиц, только что пришедших из оперного балета. Он мог быть кем угодно среди беспорядочно движущейся толпы за окнами. Она едва заметила проходящий мимо духовой оркестр. Она смотрела, как падает снег в свете газовых ламп.

Тогда её мысли исчезли вместе с вином под внимательным взглядом монсеньора Сера.

Но теперь это чувство возникло снова. Спустя более, чем столетие, теплым июньским утром в парижском универмаге.

Очередь двигалась медленно, поэтому она попыталась думать о других вещах. В последнее время она часто вспоминала Доктора. Она не видела его больше года, и было забавно представить его в продуктовом отделе — к примеру, таком, как этот. Она решила, что он бы вскоре заскучал, рассматривая бесчисленное количество еды, и принялся бы жонглировать авокадо. Она и не предполагала, что Макиавелли может понравиться шоппинг...

Она подошла к кассе, оплатила покупку, и вышла из магазина. Но на улице она продолжала чувствовать слежку. У него либо имелось устройство для перемещения во времени, либо оно прибыло вместе с ней.

Воспоминание о том путешествии во времени все изменило. Внезапно «он» превратился в «оно».

Она быстро зашагала назад к Рю Массен и свернула в проулок.

— Чёрт! — Высокий жандарм на велосипеде приближался к ней. В 2001-м году её мотоцикл не выглядел столь высокотехнологичным, как в более ранние годы, но всё ещё мог привлечь внимание. Почему она припарковалась в переулке? Она надеялась, что доберётся прежде, чем он поднимет тревогу, и половина Парижа прибудет, чтобы вытаращить глаза от удивления.

Он присел, чтобы внимательней изучить устройство, помогающее передвижению во времени — чёрный ящик с надписью «Осторожно» на множестве языков. Коробка начала сердито жужжать.

Дороти вытащила заколку из волос и встряхнула их. Затем подняла свои пакеты «Маркс и Спенсер» и, пошатываясь, стала приближаться к нему.

— Ой, мистер, — закричала она, с нарочито преувеличенным перивальским акцентом. — Помогите мне. Эти два типа просто подскочили ко мне и стянули чёртов кошелек. Что мне теперь делать?

Жандарм посмотрел на неё, скользнув взглядом по кожаному чёрному комбинезону и лёгкой кремовой блузке.

— Ну, давайте же. Помогите мне. — Затем она добавила на французском. — Вы говорите по-английски?

Он оставался невозмутим. Возможно, он видел её прибытие.

— Cette moto, madame? (Даже не мадемуазель!) Elle est tris sophistique pour une Lambretta, n'est ce pas? — он указал на

цифры спидометра. — Qui est Monsieur Schwarzenegger? Dans la sacoche? Avez-vous un permis de conduire?¹²

Это, должно быть, шутка, подумала она. Как же мне сбежать? Теперь он следил и за её пакетами.

— Смотрите, — сказала она, высыпая содержимое на землю. — Вуаля. Это — еда и напитки, понятно? Rien du crack. Rien de la contrabande¹³.

Он схватил её за руку. Она гневно высвободила её ударом, который должен был повалить его наземь. Вместо этого он просто сильнее заломил ей руку за спину и сбил с ног.

Их можно выбрасывать на свалку, подумала она о булочках, смявшихся от её падения.

Он трижды пронзительно свистнул и стал передавать инструкции по рации. У входа в переулок показались люди.

В этот раз она, без сомнения, попалась. Она сложила руки и ударила его по затылку. Он упал, растянувшись на куче продуктов.

Кажется, ситуация улучшалась.

К ней подходили несколько здоровенных рабочих. Она подняла сумки, пнула по велосипеду и ударила по гудку. Мужчины отступили, зажимая уши. Она ожидала этот громкий звук, но всё равно он причинил ей боль.

¹² Это Ваш мотоцикл, мадам? Это — какая-то модель «Ламбретты», не так ли? Как у господина Шварценеггера? Что у Вас сумке? У Вас есть водительские права?

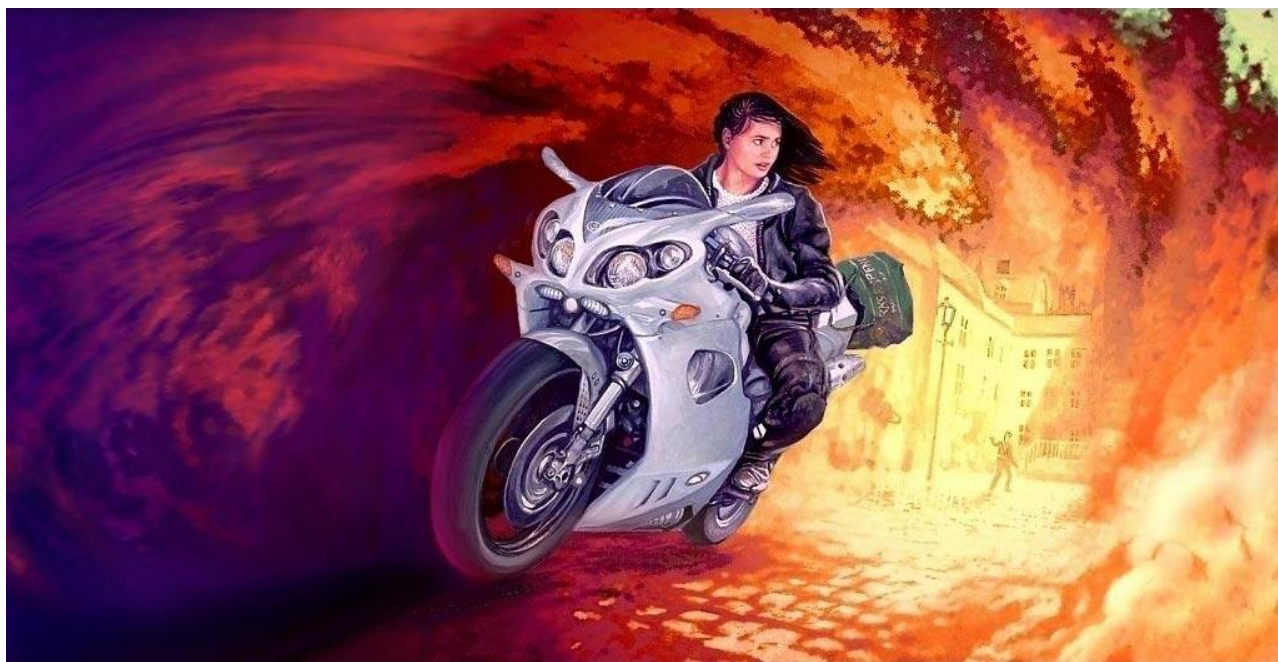
¹³ Никаких наркотиков. Никакой контрабанды.

Дороти ударила по зубчатому валику, и двигатель ожил. Она проехала по переулку, распугивая отшатывающихся прохожих. Минус сто двенадцать лет за десять секунд.

Время взорвалось в золотом шаре вокруг неё. Впереди простиралась временная воронка. Она как раз успеет к чаю, окажется дома рядом с неизменно внимательным Жоржем Сера.

Она повернула боковое зеркало, чтобы посмотреть на своё лицо. Её глаза сверкали холодом и ненавистью. Это было не тем, что она чувствовала. Волосы разметались по сторонам. Увиденное показывало, что она находилась на грани.

Двигатель сильно вибрировал, и руль дергался в её руках. Туннель быстро расширялся. Он уходил вверх. Неопределённые блестящие формы, которые всегда проносились мимо в этих поездках, стемнели и исчезли. Она сняла руки с руля, давая мотоциклу возможность самому находить дорогу.

Тонкие полосы света двигались вдоль границ тоннеля. Красный — впереди, синий — позади.

Воздух казался холодным. Она чувствовала себя падающей звездой. Она расслабилась и позволила Временному Вихрю поглотить себя.

* * *

Куб всё ещё пылал зелёным.

Матрица сегодня необычайно медлила с ответом.

В ожидании Хофвинтер продолжал просматривать инструкции куба, уверенный, что молодой капитан не сочтёт это незаконным. Раз Хофвинтер участвовал в передаче сверхсекретных посланий, он хотел узнать, что происходило.

Вся эта необычная деятельность внизу была, вероятно, связана с появлением нового кастеляна. Хофвинтер с трудом припоминал то время, когда почтенный старый кастелян Спандрелл не отвечал за безопасность в Цитадели. Периоды двух предыдущих пенсий Спандрелла, когда старик не был при исполнении служебных обязанностей, казались несущественными промежутками в знаменитой карьере. На сей раз он настоял, что не станет возвращаться.

— Некоторые люди никогда не знают, когда остановиться, — произнес он на своей третьей и заключительной пенсионной церемонии. — Я и так стал слишком осведомлённым для этой работы, поэтому считаю нужным передать её кому-то с меньшим количеством опыта.

По слухам, Спандрелл с трудом поспевал за реформами президента Романадворатрелундар. Высший Совет по-прежнему продолжал предоставлять кров инакомыслящим, в

основном, из кланов Дромиан и Аркалиан, но ничего особенного, казалось, не мешало президенту следовать собственным путём. Она даже объявила о визите нынешнего властителя Арголиса.

Хофвинтер покачал седой головой. Считалось, что Андред, новый кастелян, был сторонником традиций, но на самом деле это едва ли соответствовало истине. Супруга Андреда, по слухам, была родом не с Галлифрея, но она, конечно, пыталась избежать общественного внимания. Скорость, с которой реформа следовала за реформой, вызывала тревогу. Говорили также, что президент Романа, как она предпочитала себя называть, была слишком несдержанной в речах.

В Агентстве по Вмешательству существовала враждебная фракция, но никто никогда не знал, что они замышляют, пока не становилось слишком поздно, чтобы остановить их. Президент также являлась номинальным главой Агентства, но, как и предыдущие президенты, знала об их действиях не больше, чем остальное население.

Куб всё ещё пылал зелёным. Хофвинтер заворчал и перевёл взгляд на своего посетителя.

— Вы знаете о содержимом этого трансдукционного послания, капитан?

— Оно засекречено, сэр. — Джомдек смотрел на блюдо с фруктами, лежащее на столе.

Хофвинтер улыбнулся.

— Вы, солдаты, проводите всё время в бессмысленных церемониях, которых не понимаете.

— Это — традиция, сэр. История.

— Ну, что ж. Если Вы не хотите знать...

Джомдек пожал плечами. Хофвинтер пододвинул к нему блюдо.

— Угощайтесь, Джомдек. Они остались после очередного дипломатического приема.

— Спасибо, сэр.

— После встречи с каким-то иностранным дипломатом с восемью глазами и ногами. Мой кузен из бюро поставки отправил мне оставшееся.

Джомдек слегка помедлил. Затем снял свои белые церемониальные перчатки и красный шлем, распустив белокурые волосы, и взял один из фруктов.

— Вы получили звание недавно? — предположил Хофвинтер.

— Ну, в общем-то, да, — пробормотал юноша с набитым ртом.

— О?

— Моя семья в течение нескольких поколений состояла из одних женщин. И я, ну, в общем, я — что-то вроде изгоя.

— Конечно, нет.

— О, да. Я даже не сдавал вступительные экзамены в Академию. Так что семья купила для меня должность охранника канцлера.

— Основы Капитолия, — ответил Хофвинтер с поклоном. Он заметил, что куб наконец-то сменил свой цвет на белый. Результат получался интригующим. — Вы что-нибудь знаете о планете под названием Земля? — спросил он.

— Где она находится? — молодой капитан всмотрелся в красный диск, который появился на экране порта. — Это — она?

Хофвинтер терпеливо повернул кристаллический куб. — Нет. Это — изображение категории допуска. Разрешает нам доступ к подматрице.

— Чёрт возьми, — изумлённо произнёс Джомдек.

Хофвинтер настроил расплывчатое изображение. На экране появилась сине-белая планета.

— Земля, — сказал он.

— Выглядит не очень, не так ли? Но кто-то явно положил на неё глаз.

— Вы имеете в виду Высший Совет?

— Среди прочих... У неё, должно быть, отличное стратегическое положение, но я никогда не думал, что... — Лицо Джомдека внезапно осветилось гордостью. — Вот куда направлен луч трансдукции!

Куб на панели стал синим.

— Сейчас он начал поиск, — сказал Хофвинтер. — Мыслеидентичность по секретному посланию. Почти как искать иголку в стоге сена, но он может вычислить один мозговой образец среди миллиардов населения.

На лице Джомдека появилось беспокойство.

— Но послание секретное...

— Оно может быть засекреченным, — ответил Хофвинтер, — но чья будет вина, если всё пойдет не так, как надо, а? Я следил за выполнением секретных поручений в бюро ещё в те времена, когда здесь управлял Мазвен. Ещё

четыре года, и я получу своё тысячелетнее право на отдых. И никогда и ничто здесь не терялось.

Он искал взглядом что-нибудь хрупкое, чтобы разбить на удачу, но видел только твёрдый углерод, кремний и слюдяную пыль.

В комнате раздался сигнал тревоги. Куб вспыхнул красным пламенем. Хофвинтер почувствовал, что у него пересохло горло. Бог Судьбы должен был соблазниться. Как рыба в ледяных реках Галлифрея, что клюёт только на самую сочную приманку.

— Что произошло? — спросил капитан. — Мы что-то нашли?

Хофвинтер принялся щёлкать по кнопкам на порте.

— Исчез, — хрипло произнёс он.

— Что исчезло?

— Луч. Что-то обрезало его. Отключило. Мы потеряли объект.

Джомдек выглядел испуганным.

— Но в таком случае, что мы можем сделать?

— Ничего! — тут же ответил Хофвинтер. — Мы просто следовали инструкциям. Мы ничего не делали и ничего не знаем!

* * *

Куда ты направляешься?

— Домой. Я иду домой, — подумала она.

Дороти перемещалась без осязания и других чувств. Просто её мысли разделялись. Она должна была держаться за

них или отбросить прочь в темноту. Где в данный момент находились её тело и мотоцикл.

Куда?

— Земля. Англия. Нет, теперь это — Франция. Париж.

Нужно быть увереннее, не так ли?

— Париж, — заверила она.

Ты считаешь, что снова увидишь его?

Голос следователя был жестким и дразнящим. Голос другой женщины в её собственных мыслях. Это переворачивало и разбивало их. Они были её собственными.

— Что тебе нужно? — подумала она.

Скажи сама.

— Я хочу домой!

И это — Париж, не так ли?

— Да!

Лгунья!

— Никто не называет меня так.

Никто никак не называет тебя.

— Ты только что назвала меня лгуньей.

Должно быть, это твоё имя.

Трудно возражать кому-то в своих мыслях.

— Прекрасно. Можешь звать меня лгуньей. А кто ты? Что ты называешь собой?

Разве ты не знаешь?

Дороти попробовала усмехнуться. Ребяческий смех, так жестоки могут быть только дети. Это и испугало её, и в то же время было утешительно знакомо.

Я — твой злейший враг. Я нахожусь рядом с тобой, —
услышала она в ответ.

— Где? Кто ты?

Скажи мне, где ты хочешь, чтобы я была?

— Что я хочу — так это оказаться дома!

Всё закрутилось.

— Чёрт возьми!

Дороти сидела на низкой кровати. Белая комната была пустой и холодной. Шесть глухих стен без окон или дверей. Позади неё послышался шум. Она обернулась.

Девочка была в чёрном, простом чёрном костюме и ботинках. Она выглядела просто тенью, лицо девочки было скрыто во тьме. Оно выглядело бесформенным, незаконченным или неопределённым.

Затем тень поднялась, и лицо стало проявляться. У неё были длинные каштановые волосы и большие карие глаза, которые пристально смотрели на Дороти. Она видела этот взгляд раньше. Холодный и обвиняющий.

Она всегда считала, что во Вселенной любой мог оказаться похожим на неё. Но здесь было что-то другое.

— Возвращайся в зеркало, — сказала она.

— Зеркала не огрызаются, — ответила девочка. Она подошла ближе. — Я... Эйс.

— Вот чёрт, — сказала Дороти.

— Точно.

— Докажи.

Эйс подняла гладкий черный карабин, который был прикреплен ремнём к плечу, и выстрелила в Дороти в упор.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Парижское отделение «Маркс и Спенсер» закрылось в начале 2001 года, таким образом, мне просто сошёл с рук этот факт! Предупреждение! Если Вы пойдете в «Вулвортс» в Южной Африке, то заметите, что он немного больше, чем магазин «Вулвортс» в Великобритании.

Если бы Дороти праздновала сочельник в кафе «Момус» в Париже в 19-ого века, то могло бы оказаться, что её шумные соседи — Мими, Рудольфо и прочие герои «Богемы» Пуччини. Жорж Сера, с которым веселится Дороти — французский художник (1859—1891). Его картины составлены из тысяч цветных пятен. В пьесе Стивена Сондхейма «Воскресенье в парке с Джорджем», которую я очень люблю, любовницу Сера зовут Дот. Извините, но я не смог удержаться.

Галлифрей Роберта Холмса — это смесь между уютным джентльменским клубом и Ватиканом, и я всегда использовал его в качестве образца для изображения Капитолия. Он очень стар. Если бы общество перестало развиваться, то ритуалам потребовалось бы ещё множество веков, чтобы сойти на нет. Здесь возникает большое количество обществ и странно названных чиновников, соперничающих друг с другом. У большинства работников — аналитический склад ума, они примечают множество мелких деталей. Они изучают Вселенную, записывая и пересматривая свои наблюдения, в то время как их лидеры

заняты в бесконечно изменяющемся, сложном и
величественном танце власти.

ГЛАВА 2

ДЛИННАЯ ТЕНЬ

Кабинет кастеляна, где велось обсуждение всех вопросов безопасности Капитолия, был практически пуст. Беспристрастное место без окон и мнений. Он находился в основе Цитадели, втиснутый как запоздалая мысль в древнюю каменную кладку величественного и обширного здания.

Кастелян Андред сидел за столом, раздражённо постукивая пальцами в ожидании доклада. Сообщение о сверхсекретном посетителе Капитолия слегка запоздало, и в настоящее время никто не мог сказать ничего определённого.

Андред вступил в должность около года назад, но продолжал чувствовать себя новичком.

Старейшие Повелители Времени, в основном, ленивые и высокопоставленные, стремились встретиться с ним с такой регулярностью, что он подозревал, что они составили расписание дежурства. Он мог бы обратить внимание на неисправность лифта в третьей башне? Когда будут вычищены вестибюли Паноптикума? Охрана канцлера стала слишком небрежной — то грязная форма, то неправильное поведение на церемониях. Ничего подобного не происходило при Спандрелле.

Большинство этих *дружественных* замечаний вообще не имело ничего общего с вопросами безопасности. Андред был

уверен, что братство китриархов просто осторожно исследовало его.

В настоящее время его тревожило, почему последний из этого парада, почтенный алмонер¹⁴ Йукс выбрал столь неподходящее время, чтобы нанести ему дружеский визит.

— Я попытался встретиться с президентом этим утром, — прогудел Йукс, — но мне сказали, что она будет недоступна до следующего уведомления. Они попытались всучить мне ту ужасную женщину, канцлера Теорасдаворамилонитен. Я имею в виду, что Внутренний Совет теперь полностью состоит из женщин. Они, кажется...

— Я тоже вхожу во Внутренний Совет, — кратко ответил Андред.

— Да, но... Извините, но Вы — лишь формальный ординал, ведь так?

Андред воздержался от грубого возражения. Он попытался вспомнить, в чём состояла работа алмонера. Название уходило слишком глубоко в геральдические традиции для любого, кто попытался бы вспомнить.

— У президента действительно весьма плотный график, — сказал он.

— О, вполне возможно. — Йукс неотрывно смотрел на Андреда. — Но позднее в архиве причинно-следственных записей¹⁵ я встретил кардинала Перандина, и он столкнулся с

¹⁴ Алмонер (Almoner) — должностное лицо, ведающее оплатой лечения и бытовым обслуживанием больных.

¹⁵ Архив причинно-следственных записей — Causal Archive Record Office.

той же самой ситуацией три дня назад. И он всё ещё не видел президента. Она даже не присутствовала на приёме для посланника Хелониан. Я имею в виду, никто не знает, где она.

К своему облегчению Андред увидел мигающий сигнал на столе. Он поднялся.

— Сожалею, алмонер, но у меня есть ещё некоторые неотложные дела.

Йукс не сводил с него взгляда.

— Я понимаю, но многим хотелось бы узнать её местонахождение, кастелян. Иначе нет никакого смысла в Вас и Вашей службе безопасности.

Внезапно дверь открылась. Рядом с охранником стояла высокая девушка в темно-зеленой одежде. Сердца Андреда упали. Её он меньше всего хотел бы видеть в данный момент.

— Войдите, капитан, — произнес Андред, и посмотрел на Йукса. Алмонер неотрывно смотрел на девушку, которая вслед за Джомдеком вошла в комнату. Капитан нёс стеклянный куб так, словно это была одна из церемониальных реликвий из музея Паноптикума.

— Трансдукционный приказ, сэр, — объявил он, оглядываясь по сторонам.

— Спасибо, Джомдек! — Андред взял куб.

Йукс с самодовольной усмешкой кивнул Андреду.

— Спасибо за потраченное время, кастелян. Не буду мешать Вашим делам.

Он холодно взглянул на девушку и вышел. На лице капитана Джомдека появилось разочарование.

— Надеюсь, что в бюро доступа всё прошло нормально?

— рявкнул Андред.

— Я следовал Вашим указаниям. Да, сэр.

Кастелян начал опускать палец на кнопку коммуникатора, затем передумал.

— Спасибо, Джомдек. Свободны.

Джомдек неловко кивнул и вышел.

Лила посмотрела на закрывающуюся дверь. Лила была высокой и уверенной в себе, её каштановые волосы были заплетены вокруг головы. Сегодня она добавила в косы две бисерные заколки, которых Андред не видел прежде — красную и темно-синюю.

— У капитана весь подол залит бордовым соком, — сказала она. Как всегда, она превратила банальное происшествие в нечто удивительное. Эта способность поражала его.

— Дрянная дисциплина, — проворчал Андред. Он позволил себе слегка улыбнуться. — В этом нет ничего смешного. Я просил не приходить сюда, пока я работаю.

Она присела на край стола и щёлкнула по кипе отчетов.

— Ты только и делаешь, что работаешь, пока ты здесь.

Он взял её за руку. Она склонилась над столом и поцеловала его в лоб.

— Ты чем-то встревожен, — заметила она.

— Ты знаешь, что у меня нет права распространяться об этом.

— Знаю. Глава держит тайны племени на своих плечах.

Он усмехнулся и сжал её руку.

— Как скажешь.

— Не смейся.

— Смех полезен для меня.

— Если ты слишком занят, я могу поговорить с Романой.

— Отлично, — ответил он. — Может, тогда она назначит тебя главной.

Она присела рядом и посмотрела ему в глаза.

— Я и так главная.

Они быстро подскочили, поскольку дверь вновь открылась.

— Хозяйка?

В комнате появилась небольшая металлическая конструкция.

— Он всегда так делает, — простонала Лила.

Андред откинулся на спинку стула.

— Он — твоя собака.

— Наша собака. — Она повернулась, чтобы посмотреть на автоматизированного помощника, который вилял своим металлическим хвостом. Его угловатая конструкция слегка потрепалась за время пребывания на Галлифрее. — К-9, почему ты никогда не стучишь? — спросила Лила.

Искусственный монотонный голос машины то вызывал прилив умиления, то раздражал.

— Извините, хозяйка и хозяин.

— Неважно, — произнесла Лила.

— Вы пришли вместе или он последовал за тобой? — спросил Андред.

— Есть новости, хозяйка, — прервал К-9.

— Подожди, К-9.

— Наше открытие...

— Мы работали с ним, — добавила Лила.

— Работали над чем? — поинтересовался Андред. — Думаю, это может подождать, пока...

— Это насчёт твоей семьи, — быстро сказала она.

Андред выглядел рассерженным.

— Что они сделали? Я знаю, что они раздражают тебя, но...

— Ничего, хозяин. Они ничего не сделали, — прервал К-9.

— Что ж, это радует.

Лила покачала головой.

— Нет. Это — проблема.

Он вздохнул. У него всё ещё оставалось множество работы.

— Расскажи мне.

Она присела на стул, который до этого занимал Йукс.

— Мне скучно, — начала она. — Не с кем поговорить. Родан отправилась на курс межкультурных связей. Романа отсутствует.

— Президент недоступен, — поправил он.

— Она отсутствует.

— Да, но предполагается, что ты ничего об этом не знаешь.

— Она сама сказала мне.

Неудивительно, что Спандрелл покинул пост, подумал Андред. Романа — сущий кошмар для службы безопасности.

— Она не сказала, куда направилась, — добавила Лила.

— Хорошо, — сказал он.

— Я запретила ей говорить об этом.

— Ну, ты же главная, — объявил Андред. — И что же ты сделала?

— Я решила, что должна узнать больше о твоей семье.

— Это слегка неожиданно.

Она посмотрела на К-9.

— Это — твоё наследие. Каждый из нас должен знать своих предков.

Андред кивнул. Он понимал, что её предки находились далеко отсюда в отсталом, примитивном мире, у которого даже не было собственного названия.

— Моя родословная не слишком захватывающая, — сказал он. — Просто длинная линия военных ординалов. Должно быть, в этом виноват станок.

— Но мы обнаружили тайну. — Сейчас Лила выглядела серьезной.

— Подтверждаю, — вмешался К-9. — Аномалия со значительными последствиями.

— Шестьсот семьдесят три года назад один из твоих кузенов был капитаном охраны клана Прайдон¹⁶.

— Его звали Редред, — добавил К-9.

Кастелян Андред молчал.

— И этого Редреда отправили с миссией в Дом Лангбэрроу в южных горах.

¹⁶ Клан Прайдон (Prydon Chapters). Общество Повелителей Времени поделено на шесть главных кланов (Chaptershouse): Прайдон, Аркал, Патрикс, Серулиан, Дром, Сэндлс.

— Никогда не слышал о нём.

— Потому, что он не вернулся, — сказала Ли́ла. — Он исчез.

— Это невозможно, — ответил Андре́д. — Должны остаться отчёты. — Он начал поворачивать кубы на своём столе.

— Я проверил все доступные данные, — объявил К-9. — Все отчёты этой миссии были изъяты по приказу Прайдонского клана.

— Тогда как вы об этом узнали? — Андре́д просмотрел информацию, появившуюся на плазменном экране. — Нет никаких упоминаний о Доме Лангбэрроу.

— К-9 очень умен, — с гордостью произнесла Ли́ла.

— Думаю, что нам предстоит долгий разговор о том, что тебе запрещён доступ к информации.

— Есть ещё кое-что, — сказал К-9.

— Позже, — тут же ответил он и почувствовал, что должен извиниться. — Почему бы тебе пока не спуститься в Дом Редлумс и не поведать моих кузенов? Оставь Капитолий на какое-то время. Они тебе понравятся.

— Им не нравлюсь я.

— Конечно, нравишься.

— Клану я тоже не нравлюсь.

— Вот чёрт.

— Это точно.

— Но здесь нет ничего, кроме стола.

— Я останусь здесь, в Капитолии, где мебель не спрашивает, хочу ли я сидеть на ней.

Он с любовью посмотрел на неё.

— Мне нравятся твои украшения. Они что-то символизируют?

Она отвела взгляд.

— Синяя — в память о твоём кузене.

— Это чудесно, — сказал он, явно растроганный. — А красная?

— Хозяин Андред, есть кое-что ещё, — повторил К-9.

Он умел был настырным. Лила выглядела серьёзной, и это говорило о долгих бессонных ночах, так что Андред сдался.

— Что ж, продолжай.

К-9 придвинулся ближе к столу, как будто хотел прошептать.

— Согласно отчётам Матриархальной скамьи Исследовательниц Провидения Дом Лангбэрроу находился на горе Ланг в южных горах. Затем он бесследно пропал.

Андред рассмеялся.

— Что? Дом не может просто исчезнуть! Это смешно.

— Тогда где записи о нём? — поинтересовалась Лила.

Иногда она была невыносима.

— Я разберусь с этим позже, — ответил он.

— У тебя нет чувства семейной гордости, — холодно сказала она.

— Отнюдь. Я просто слишком занят вопросами безопасности, чтобы разбираться с древней историей. Как только у меня появится свободное время, мы узнаем, что случилось. Мы сделаем это вместе. Вам не стоит действовать самостоятельно.

— Есть ещё кое-что, — добавила она.

С экрана раздался короткий электронный звук. Ему пришло сообщение. Засекреченное послание из-за пределов Галлифрея.

— Расскажешь мне позднее, — сказал он Лиле.

Она кивнула, затем повернулась и вышла из комнаты. К-9 последовал за ней. Андрес перевёл взгляд на экран, где появилось сердитое лицо президента Романы. Он отметил, что она находится в белом церемониальном облачении с золотым воротником.

— Кастелян Андрес? Где трансдукционный приказ, что я передала Вам?

Он поднял кристаллический куб, чтобы она смогла увидеть его.

— Он здесь, мадам. Мне только что доставили его из бюро.

— Тогда почему трансдукция не была закончена?

Он почувствовал, что у него закружилась голова.

— Но она была закончена. Я жду подтверждения от канцлера Теоры.

— *Наш гость* не прибыл. — В её голосе слышались непривычные нотки паники. — Вы знаете, что я не смогу разобраться с этой ситуацией самостоятельно. Не теперь. Если Агентство узнает, то...

— Я завершу её, мадам, — спокойно ответил он. Он не слишком удивился, что Романа полностью погрузилась в интриги — главным образом, свои собственные, хотя позиционировала себя как главного защитника новой —

открытой — государственной политики. Рано или поздно все бы обо всём узнали. Андред сохранял в тайне разговор об этом негаллифрейце, но предпочитал не знать, что происходит. Он просто следовал инструкциям канцлера. И они ценили его доверие. Но даже в этом случае...

— Вы могли бы сказать точно, кем является *наш гость*?
— рискнул спросить он.

Она покачала головой.

— Я не могу сказать Вам, Андред. Безопасность...

— Безопасность — это я, мадам президент.

— Да, но Вам он не понравится.

— Как скажете.

Она вздохнула.

— Андред, за всё моё время в должности президента не было ничего важнее этих переговоров. Фактически, не было ничего настолько важного в течение тысяч лет. От них многое зависит. Мы не можем позволить себе ошибиться. Поэтому я прошу Вас узнать, что случилось с трансдукционной передачей.

— Хорошо, мадам.

— Спасибо. — На её серьёзном лице появилась улыбка. — Как Ли́ла?

— Всё в порядке, — ответил он.

— Что ж, это радует.

— Почему? — недоумённо спросил Андред.

Она нервно рассмеялась.

— О, неважно. Я просто спросила.

* * *

— Ваша форма испачкалась фруктовым соком, — заметил алмонер Йукс, отрывая взгляд от чашки с чаем. — Кастелян Спандрелл не допустил бы такой небрежности.

Капитан Джомдек улыбнулся.

— Кастелян — не мой командир, сэр.

— Нет, конечно, нет. Как бы Андред ни рассматривал своё повышение, его низвели до уровня лакея мадам президента. Совет — просто пешки в её неудачной попытке открытой дипломатии.

— Да, сэр.

— Всё было в порядке, пока мы просто наблюдали за инопланетянами, или вносили необходимые корректировки в их развитие. Но теперь мы в самом деле беседуем с ними за ужином... Что ж, это совершенно другие приправы. Омега знает, когда это кончится.— Это всё, сэр?

Йукс устало махнул рукой.

— Да, капитан. Я сейчас же отправлю рапорт. Не сомневаюсь, что Ваше начальство также будет Вам благодарно.

— А объект трансдукционного приказа?

Йукс внимательного посмотрел на честолюбивого молодого человека.

— Её нужно убить, — твердо произнес он.

— Может, лучше просто извлечь нужную информацию? Этого будет достаточно?

Алмонер налил себе ещё чая.

— Достаточно чего, капитан?

— Информации о бывшем президенте, сэр. Докторе.

— Посмотрим, — ответил старик и продолжил чаепитие.

Лила откинулась на спинку стула на балконе их с Андредом квартиры. Ей хотелось выйти на свежий воздух. Она заполнила комнаты растениями и цветами, но это было лишь жестом протеста против скучного вида на соседние башни. На 119-ом уровне Цитадели было слишком холодно для открытого балкона. Посмотрев вниз через стекло, можно было увидеть облака, плывущие по долине между зданиями.

Так как К-9 был поглощен какими-то собственными вычислениями, она открыла каталог древнего оружия, который Андред принёс ей из музея склада оружия Капитолия. Повелители Времени относились к оружию, как к созданию варваров, но их проекты заинтриговали Лилу. Однажды она посетила музей и не на шутку встревожила хранителя, проверяя дальность броска кинжала с лопастями. После этого Андред запретил ей носить оружие в Капитолии.

Поскольку Родан и Романа отсутствовали, она подумала об очередном визите в Дом Редлумс. Ради Андреда она соглашалась терпеть его кузенов в течение всего дня, чтобы ночью сделать вылазку в лес рядом с семейным поместьем. Она несколько раз оставалась ночевать на улице, и возвращалась со связкой шкур животных. Однажды Андред присоединился к ней, и они вместе лежали под звёздами, горящими в оранжевом небе. Галлифрейский лес отличался того, где она росла и училась охотиться. У одних деревьев листья были прозрачными, как вода, у других — как серебро. Цветы мерцали в темноте как крошечные свечи.

Как-то раз, когда она охотилась в одиночку, на неё напало лесное животное — по виду, смесь медведя и свиньи — и попыталось затащить в дерево. Оно ужасно расцарапало ей руку, но она убила его своим ножом, и вернулась в Дом Редлумс с ушами животного в качестве трофея.

Ни один из кузенов Андреда не знал, как вылечить рану, ведь обычно у галлифрейцев они заживали в течение дня. Из Капитолия был вызван хирург, но Лила отказалась встретиться с ним, заявив, что он — не Доктор. Вместо этого она приготовила отвар из ягод и листьев на открытом огне, что встревожило семью Андреда и весь Дом.

— Хозяйка? — сказал К-9.

— Что?

— Информация, которую мы не успели передать хозяину Андреду.

— Да?

— Файлы из бюро станкографических записей¹⁷.

— Да?

— Они были изъяты.

— Ты имеешь в виду, что сейчас их кто-то просматривает?

— Ответ отрицательный. Изъяты в значении «стёрты, удалены».

Лила стукнула кулаком по спинке стула.

— Кто-то обнаружил наше открытие.

— Это должно было произойти. — К-9 замер. — Минуту, хозяйка.

¹⁷ Бюро станкографических записей — Bureau of Loomographic Record.

Его уши слегка раскачивались. Лила могла услышать звук передачи данных в его компьютерном корпусе.

— С кем ты говоришь? — спросила она.

Звук резко прекратился.

— Извините, хозяйка.

— С кем ты говорил, К-9?

— С собой, — ответил он.

— Мы должны были сказать Андреду, — пожаловалась она. — Мы должны были рассказать ему всё о Доме Лангбэрроу. Тогда он, возможно, послушал бы нас.

— Дом Лангбэрроу отсутствует, — подвёл итог К-9. — Стёрт, удалён.

— Да, — печально заметила она. — И это был Дом Доктора.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Ли́ла. Что она нашла в Андресе? Почему перестала путешествовать с Доктором? Я сейчас говорю о персонаже, а не о покинувшей шоу Луиз Джеймсон. То, что она увидела на Галлифрее в «The Invasion of Time» вряд ли способствовало её желанию остаться. Возможно, она признала в отшельниках родственную душу? Или была охвачена великолепием и роскошью этого таинственного места? Но вряд ли. Думаю, что Андрес — единственный привлекательный мужчина, которого встречала Ли́ла, но, в целом, её уход выглядит весьма странной запоздалой вклейкой в сюжет. Интересно, чем же сможет заняться эта опытная воительница и смелая девушка в таком смертельно унылом месте. Итак, ей скучно, а Доктор — самый важный и влиятельный человек в её жизни — ушёл. Чего же ещё можно ожидать — естественно, она попытается разузнать о его прошлом.

Романа вернулась на Галлифрей из Е-пространства в «Blood Harvest» Терренса Дикса. К тому времени, когда мы доберемся до «Harry Endings» Пола Корнелла, она будет избрана президентом Высшего Совета. Её персонаж прекрасно подходит для того, чтобы можно было изображать её то авторитетной, то фривольной. И у неё по-прежнему внешность Лаллы Уорд.

Ли́ла не знает названия полосатого медведя-свиньи, с которым сталкивается в лесу, но это вполне мог оказаться далекий предок Барсука.

ГЛАВА 3

РАЗГОВОР С СОБОЙ

Гарпия завопила и расправила изодранные чёрные крылья. Взлетев, она направилась в сторону Криса, обдавая его своим зловонным дыханием. Он поднял руки, защищаясь от её когтей. Её грязные перья были увешаны звенящими драгоценностями и амулетами, на глазах была повязка.

Крис бросился назад, но она схватила его, взгромоздилась на груди и вырвала сердце своим клювом.

* * *

Крис Кведж закричал, просыпаясь, и со всплеском упал с надувного матраса. Он оказался в бассейне, подняв небольшую волну, и схватился за правую сторону груди.

Даже находясь в воде в бассейне ТАРДИС, он чувствовал, как с него стекает пот. Снова кошмары.

— Всё в порядке, — стал он повторять себе, пытаясь нормализовать дыхание.

— Всё пройдёт, если ты немного поплаваешь. Только следи за тем, чтобы не лицом вниз, — сказал ему Доктор.

Обычно Крис не тревожился из-за таких вещей, но в последнее время на его долю выпало много напряжённых моментов. Он продолжал жадно глотать воздух. Хотя, наверно, пройдут годы прежде, чем это случится. Он не должен изображать цветущий вид, и всё же... Он понял, что

держится не за ту сторону груди, где находится сердце, и почувствовал себя намного лучше.

Что-то качнулось напротив него. Пластмассовая утка Доктора с глупой улыбкой. На мгновение он подумал, что она смеётся.

Он перевернулся и поднял голову. Каким образом мочалка всегда тонула и опускалась на дно, в то время как всё другое держалось на плаву? Он даже не мог нырнуть за ней. Плотность воды выталкивала его обратно. Прекратив попытки, он подплыл к бортику и вышел из бассейна.

Они, должно быть, уже достигли Большого Экстанса. Идиллический мир на окраине, вдали от космических магистралей (как гласила брошюра), с захватывающими дух пляжами и экзотической ночной жизнью. Доктор пробормотал что-то о москитах, и пообещал доставить их туда пятьюдесятью годами ранее, прежде, чем место заполнится туристами. Что было не совсем тем, чего хотел Крис.

Крис взял полотенце и вытер светлые волосы. Затем он вспомнил, что произошло с Роз. Он использовал её полотенце. Оно всё ещё пахло ею. Оно по-прежнему оставалось здесь. Все ещё новое, благодаря ТАРДИС. Он уткнулся лицом в полотенце, слушая, как капли воды стучат по плиткам бассейна.

Проклятье. Как он мог забыть? Это было непростительно.

Он почувствовал резкую боль в спине. Даже знакомое жужжание ТАРДИС раздражало его. Он устал, но если бы ему продолжало сниться нечто похожее, он предпочел бы не

спать вообще. Ты уже проходил через это, напомнил он себе. Используй тот же принцип. Прежде всего, ты должен простить себя.

Что ж. Он простил. Легко. Чертовски легко. Ему захотелось пойти и что-нибудь разбить.

Или рассказать обо всём Доктору.

* * *

Дороти Макшейн открыла глаза и посмотрела на белый потолок. Она чувствовала боль в груди, когда кто-то... кто-то вышел из зеркала и выстрелил в неё.

Оружие было высокоимпульсным карабином — сверхпрочное оружие, входившее в обмундирование команды, сражавшейся против далеков в траншеях Фловы, в то время, когда она находилась в нерегулярных войсках. Один лазерный луч мог разрезать далека на расстоянии шестидесяти метров.

Она давно не вспоминала об этом.

Она перевела взгляд. Рядом с ней сидела эта девочка, Эйс. Ее волосы были убраны в «конский хвост», она носила чёрные кожаные брюки, футболку со «Stone Roses» и чёрную куртку-бомбер, украшенную значками. Молодёжь без чувства стиля.

— Ты находилась в состоянии клинической смерти в течение двадцати минут, — сказала она.

Дороти взглянула на свою блузку и увидела шрам. Небольшая рана, просвечивающаяся сквозь ткань. Крови не было.

— На таком расстоянии ты едва ли могла промазать. Не думаю, что можно регулировать мощность этих штук.

Эйс изучала оружие.

— Нельзя, — сказала она.

— Тогда почему я всё ещё здесь? — Дороти села и схватила оружие. — Объясни.

— Потому, — отрезала Эйс. Она достала небольшую флягу из кармана куртки. — Вот. Выпей это. — Увидев недоверие на лице Дороти, она проворчала: — Да. Я бы почувствовала то же самое. — Она открыла крышку и сделала здоровенный глоток. — На другом краю Вселенной, но по-прежнему бодрит.

Дороти взяла флягу.

— Я оставила это дома. В моей комнате в Париже. Как ты раздобыла это?

На лице девочки показалась улыбка.

— Это был подарок солдата. Подарок на память. За оказанные услуги.

— Не совсем, — ответила Дороти, сопротивляясь желанию придушить маленькую суку.

— Да?

— Мы были вместе шесть дней. На станции Крокару. Перед тем, как я отправилась на задание. Мы не знали, вернусь ли я.

— Скажу тебе вот о чём, — прервала её Эйс. — Когда я это сделала, база была уничтожена марш-далеками. Я положила флягу в вещевой мешок. Я всё ещё кричу, когда я вспоминаю об этом.

Дороти почувствовала гнев.

— Это была я! Я сделала это. Никто не знает об этом. Я никогда и никому не рассказывала!

У Эйс покатились слёзы.

Дороти припала к фляге. Эта Эйс точно знала, как сыграть на её чувствах. Однако бренди дал нужный эффект. Она могла обмануть себя, что не была голодна и напугана. Достаточно перепить её мучителя. Она отдала флягу назад и принялась изучать девочку.

Лицо Эйс казалось неправильным. Оно не выглядело зеркальным отображением, скорее наоборот. Дороти стало плохо от мысли, что эта девочка и была настоящей.

— Знаешь, что, — произнесла она. — Нет никакой загробной жизни. Нет туннеля с ярким светом в конце.

— Жаль, — ответила Эйс и глотнула бренди. Она пересела на кровати чуть дальше. — Как долго ты следовала за мной?

Дороти приподнялась с подушки.

— Но мне казалось, что ты следовала за мной.

— Первый признак безумия. Разговор с собой.

— Но ты ведь не я? — спросила Дороти. — Я — Дороти Макшейн. И я никогда не носила эти брюки с жакетом.

Эйс наклонилась вперед. В её глазах застыл лед.

— Но мы обе не может быть настоящими, не так ли?

Дороти отказывалась в это верить.

— Это какой-то фокус, — сказала она.

— Хорошо, — кивнула Эйс, ничуть не встревоженная. — Будь моим гостем.

— Сперва скажи, кто ты.

— Легко, — ответила та. — Я — женщина-кошка. Я — убийца далеков и охотник на львов. Я — Наблюдатель Времени. Меня зовут Эйс. А как насчёт тебя?

* * *

Доктор находился в комнате управления ТАРДИС, как и предполагал Крис. Он сидел на стуле, уставившись в экран сканера, который был выключен. Под жакетом на нём был надет старый пуловер — тот самый, с вопросительными знаками. Он задумался, менялся ли характер Доктора, когда он снимал шляпу. Крис надеялся, что это сигнализировало о возвращении к старому упрямому Доктору. Не тревожащемуся о внезапной смерти и регенерации.

— Чай закончился, — бесцельно пожаловался Доктор.

Крис был не рад узнать, что кто-то находился в ещё худшем настроении, чем он сам.

— У тебя бывали проблемы со сном? — спросил он.

— О, сон, некоторые кузены называли его смертью, — произнёс Доктор. Он пожал плечами. — Я не назвал бы его проблемой. А что? У тебя с ним проблемы?

— Да.

— Не можешь заснуть?

— Да. То есть, я хочу сказать, что сплю. Всё дело во снах.

Доктор вздохнул и уставился на пустой экран.

— Кажется, мне давно уже ничего не снится. Когда доживёшь до моего возраста, ты тоже забудешь о снах.

Доктор встал и подошёл к пульту. Его пальцы нависли над огромным количеством средств управления. Затем он, кажется, передумал. Он вернулся к стулу и сел снова. Он всё

ещё не смотрел на Криса. Помощи, в которой нуждался молодой человек, явно не будет. Он повернулся, чтобы уйти.

— Кристофер, ты изменял координаты?

Крис остановился.

— Нет.

— Как насчёт модуля генератора времени? — голос Доктора был столь же язвительным, как у наставника академии, боровшегося с несправедным новобранцем.

— Вектор времени, что? Почему? Что случилось с Большим Экстансом? Я думал, что мы...

— Неважно, — Доктор пристально разглядывал пол. — Так что насчёт снов, Крис? Разные или один и тот же?

Крис стоял в дверном проёме. В руке он держал полотенце Роз. Он не знал, что ответить. Это не имело значения.

— Плохо, — сказал Доктор. — Одевайся, и затем всё мне расскажешь.

* * *

Эйс хлопала, пока Дороти выпивала содержимое фляги. Бренди жёг ее горло, но она поднимала флягу всё выше и выше. Она почти захлебнулась и бросила её на пол с глухим стуком.

— Готово, — объявила она и вытерла рот.

Они обе много выпили, пока сравнивали идентичные события. Дороти помнила многое, но Эйс вспоминала события с фотографической точностью, даже те вещи, для которых она выглядела слишком молодой, чтобы помнить. Почти час они обменивались мнениями о взрывчатках и местах, в которых побывали, о нахальных слугах и мужчинах

(они мало чем отличались). Они сравнивали шрамы, победы и опасные случаи. Дороти потеряла Харли и вернула его. Эйс выиграла отпуск в Париже в год на усмотрение. Она упала на спинку кровати, наблюдая за Дороти вниз головой. Всё это время она держала тяжёлое оружие.

— Мне казалось, — сказала Дороти, — мне казалось, что мы не смогли бы встретиться. Эффект Бронтозавра... или как там его...

Эйс усмехнулась.

— Эффект Блиновича.

— Нет, нет, Доктор сказал... подожди, он сказал, что предупреждал Рассилона, и что будет много сложностей с рукой.

— Верно. Рука Омеги. Помнишь, что сказала леди Пейнфорт? Кто знает, кем он был в действительности?

— Да, и даже Киберлидер не хотел узнать. Надо было видеть его лицо, — Дороти изобразила металлический угрюмый вид, и Эйс ответила тем же.

— И твоё тоже, — засмеялась она..

Но Дороти отметила, что её глаза не смеялись. Они всё ещё походили на лёд.

— Ты не веришь во все это? — продолжила Эйс.

Дороти покачала головой, падая с кровати на колени.

— Кому есть дело до этого? Я — чёртов паралитик.

— Как ты думаешь, что он имел в виду?

— Не знаю. Я не понимаю и половины того, что он имеет в виду. Он просто позволяет событиям идти своим чередом.

— Она положила голову на пол и закрыла глаза.

Голос Эйс послышался совсем близко.

— У него весьма странная компания, ты не находишь? Мастер и далеки. И Рассилон.

— И Адольф Гитлер, — пробормотала Дороти. — И Леонардо.

— И президент Романадворатрелундар. Что за фрик, а? Хочет подняться по социальной лестнице?

— И Летбридж-Стюарт, — прошептала Дороти. — И старая добрая Шкода Бирианивич.

— Что? — внезапно Эйс стала серьёзной. Она наклонилась ближе. — Шкода кто? Никогда не слышала о ней. Кто она?

Дороти покачнулась, уклоняясь от кулака Эйс. Прежде, чем Эйс успела повторить, она посмотрела на ствол её собственного оружия.

— Не знаешь меня настолько хорошо, да? — сказала Дороти. — Думала, что я попадусь на удочку? — Эйс ничего не ответила, поэтому Дороти указала на один из значков на её куртке. — Видишь? Это — ошибка. Его не должно быть здесь.

Эйс кивнула.

— Значок в знак ухода. Потерянный на Башне Часов.

— Ты знаешь слишком много, — быстро продолжила Дороти. — Не знаю, как, но ты побывала в моей голове. У тебя есть все факты, но ты не знаешь, что я чувствую. В любом случае, это не связано со мной, так?

— Ты думаешь? — холодно ответила Эйс.

— Считаешь себя следователем? Тебе не хватило бы времени расспросить полицейского. Ты — не Эйс. Я — Эйс и Дороти. — Она улыбнулась. — Тайны Доктора — его, не мои. Итак, кто отправил тебя? Что это за игра?

Комната стемнела. Дороти осталась наедине со своими мыслями.

* * *

— Мне снилось, что я стою перед огромной стеной. Из огромных камней, действительно древних. Нет, даже старше. Как будто они находились там всегда. Камни были ржавого цвета. Справа стена уходила в облака, и над ней летали птицы. Может, стервятники? Я не знаю. В стене были две большие двери. Должно быть, из бронзы, но она потускнела.

— Это очень ясная картинка, — сказал Доктор.

Крис покачал головой.

— Да. Я не припомню ничего похожего. Когда я просыпаюсь, я продолжаю видеть все детали перед глазами.

— Что дальше? Там был кто-нибудь ещё?

— Позднее. Перед дверями был каменный настил. Я стоял на нём, но, когда смотрел на землю, она перемещалась. Она скользила под тротуаром. Под стеной. Вся стена перемещалась.

Он ждал реакции, но Доктор молчал.

— Итак, стоя у стены, я видел, как из тумана появляется солнце. В тумане проскальзывали чьи-то силуэты, но я не мог разобрать их против солнца. Я хотел пройти в двери, но они оказались заперты.

И затем там появилась женщина, вся в коричневом, в коричневых лохмотьях. Её лицо было тоже коричневым, загорелым и вытянутым. Она была пышной — так правильно? Я не знаю, откуда она появилась. Она просто была там.

Она сказала, что эта дверь — Дверь в Прошлое. Я просмотрел в глазок, с другой стороны пейзаж был залит красным от заката. Если это действительно было прошлое, то оно всё истекало кровью как какое-то поле битвы, и облака были сделаны из костей. И смуглая женщина сказала мне, что с другой стороны — Дверь в Будущее. Странно, но она пахла розами. Я раньше никогда не чувствовал запах вещей во снах, но она пахла мёдом и розами. Как лету полагается пахнуть в книгах.

— Очень поэтично, — заметил Доктор. — Это всё?

— Нет. Это — только начало. Я слышал пение детских голосов. Они пели что-то о восьмом связанном человеке.

Доктор прокашлялся.

— *Восьмой человек связан*

Не пророни ни звука

Саван покроет всё

Длинный и Низкий...

Его голос затих.

— Да, именно так, — сказал Крис. — Как ты..., как я мог узнать что-то, что знаешь ты, хотя я никогда его не слышал?

— Должно быть, всё-таки слышал где-нибудь, — ответил Доктор. — Детский стишок на коленях матери?

— Она всегда усаживала нас перед телевизором.

Доктор нахмурился.

— Телевизором?

— Да. Это происходит в большинстве семей.

Доктор казался расстроенным.

— Ну, тогда расовая память, — предположил он. — Такое бывает.

— Женщина в коричневом сказала, что голоса принадлежат будущим детям. Ждущим, чтобы родиться. Ожидающим жизни. И затем она сняла свои коричневые лохмотья. — Он задумался. — Да, так и было. Они походили на саван. Как в песне. И под ними оказалась старая ведьма. Она была одета в грязные черные тряпки, скорее стервятник, чем женщина. Ее лицо было изрезано морщинами, нос походил на клюв, а на глазах — повязка.

— И что она говорила? — спросил Доктор.

— Что-то вроде «он ушёл, привратник». Её голос напоминал карканье. И затем она сказала «Дверь в Прошлое заперта. Ничто не сможет пройти. Это запрещено». А потом, кажется, «Прошное для мёртвецов». Это меня рассердило. Не знаю, почему, но я подошел к бронзовым дверям. Но мне бы не дали войти. Женщина в коричневом исчезла, но сумасшедшая старая ведьма была всё ещё там. Она продолжала каркать. «Ты знаешь меня», сказала она, «я помню тебя». Несколько стервятников приземлились на тротуар позади неё. Они вытягивали свои шеи, как будто оценивая обед. Тогда она подняла свои крылья — все перья были изодраны — и побежала ко мне, обдавая зловонным запахом. Я попытался отогнать ее, но она схватила меня

своими когтями. На когтях были кольца, да и вообще она вся оказалась увешанной драгоценностями. Она взгромоздилась мне на грудь, затем протянула свой грязный клюв и вырвала моё сердце...

Он понял, что снова схватился за правую сторону груди и неловко опустил руку. Доктор посмотрел на пульт управления, затем вернулся к Крису.

— И что произошло дальше?

— Я завопил и упал в бассейн, — ответил Крис. — А что ты хотел?

— Я хотел бы, чтобы ты перестал волноваться. Может, ты что-то не то съел. Сыр или..

— Это ты съел весь сыр, — сказал Крис.

— Хм. — Доктор задумался. — Как ты сейчас себя чувствуешь?

— По-моему, мне нужно на свежий воздух. Мне казалось, что мы направляемся на Большой Экстанс.

— Да, направлялись. Но координаты изменились.

— Не смотри на меня. Я был в бассейне.

— Да.

— Итак, когда мы туда доберёмся?

— Смотря, что ты подразумеваешь под словом «туда».

— Боже, — пожаловался Крис. — Мы хоть куда-нибудь прибыли?

— О, да, — ответил Доктор. Он, казалось, ожидал подобный вопрос. — Мы находимся здесь около двух часов. Я сказал бы раньше, но ты был в бассейне.

Крис подошел к сканеру.

— Тогда давай посмотрим...

— Нет! — отрезал Доктор. Крис отступил, как будто пульт управления был заминирован. — Оставь его. Я запрещаю тебе касаться его!

Лицо Доктора покраснело от гнева. Крис медленно попятился. Никаких резких движений. Он присел перед стулом Доктора и мягко сказал:

— Хорошо. И что же мы будем делать?

Доктор посмотрел на него.

— Мы остаёмся внутри. Мне надо подумать.

— Хорошо, — ответил Крис. — Можешь думать, а я пока раздобуду что-нибудь выпить.

Он медленно встал и вышел из комнаты управления.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

В оригинале издания это была четвёртая глава.

Мы видели бассейн ТАРДИС и прежде. В одной из старых записей «Audio Visuals», где Доктора играет Ник Бриггс, есть сцена в бассейне с Доктором и его пластмассовой уткой, которая смеётся над ним.

Эти две Эйс — мне хотелось показать развитие Дороти, кем она стала. Если бы было ещё несколько сезонов по ТВ, то об Эйс стало бы известно больше. Однако её персонаж продолжил жить в книгах. Она оставляет Доктора, становится бойцом в войнах с далеками, возвращается к Доктору и поселяется в Париже 19-го века, используя мотоцикл для путешествий во времени, который принадлежал Кадията Летбридж-Стюарт (темнокожей женщине — потомку Бригадира!). Дороти и Эйс пьют и ведут ночные беседы, в такое время люди часто способны рассказывать правду о себе или делиться секретами. Во время сериала фамилия Эйс — Гейл, как придумал её создатель, Йен Бриггс. В книгах же она становится Макшейн или Гейл—Макшейн, или просто Гейл. Это — полная неразбериха. Возможно, похищенная парижанка — Дороти Макшейн, а её вооружённая мучительница — Эйс Гейл.

Марш-далек появляется в «Книге Далека», изданной к рождеству 1964. Мне действительно понравились марш-далеки. Они были довольно гладкими, напоминая своего рода консервную банку, с отделенными друг от друга глазом и

оружием. Они патрулировали болота на планете Гарниан, где не смогли бы пройти обычные далеки.

Большие Ворота Прошлого или Будущего, которые показывают изображения того или другого, впервые появились в «Time's Crucible». К сожалению, пока я не могу раскрыть, кем являются та женщина в коричневом и старая гарпия с повязкой на глазах.

ГЛАВА 4

ВСЁ РУШИТСЯ

Кузен Аркхью поджал губы и начал карабкаться по краю парапета. Шаг за шагом, погружая влажные пальцы в пыль, он приближался к уединённой галерее с неисправными часами.

Старое дерево протестуяще скрипело. Большой Зал, находившийся этажом ниже, был погружён во тьму. В этот час единственный свет исходил от двух масляных ламп, находившихся рядом со Станком в дальнем конце Зала.

Внезапный шум удивил молодого человека — словно скрип металла по камню. Он замер, крепче цепляясь и наблюдая за другим источником света, появившимся на противоположной стороне галереи. Кто-то, держа свечу, двигался по коридору.

Свет исчез. За долгие годы глаза Аркхью привыкли к мраку. Ему нужно было добраться до часов. Ему нужно было узнать, верны ли слухи. Если он найдёт пропажу, то станет героем. Никто и никогда больше не будет смеяться над ним. Конечно, не все кузены так относились к нему, но он должен был положить этому конец. Он стал разгибать пальцы, которые слегка оцепенели, и продолжил идти.

Часы находились вне досягаемости — тщательно продуманное множество разноцветных дисков и кругов, и астрономических, и астрологических, которые когда-то

поворачивались и вращались, переходя в сферы друг друга. Давно остановившиеся, они смотрели с балюстрады слепым глазом.

Внезапное движение воздуха смахнуло пыль с края. Аркхью отпрянул, когда вихри пыли с жадностью потянулись к нему. Пальцы мертвеца, схватившие Вас, чтобы отправить назад в прошлое. Кузен Мэлджамин однажды попал в их ловушку и пролежал без сознания восемь дней. Когда он, наконец, проснулся, то думал, что пил чай со старым кузеном Фаргом, который был мёртв уже свыше двухсот лет.

Завитки постепенно улеглись. Аркхью цеплялся за край кончиками пальцев.

Появился другой источник света. Он поднимался из Зала. Лампа высветила фигуру, чья угловатая конструкция заставила его покраснеть.

Драдж¹⁸ Дома остановился как раз под Аркхью. Он не смел дышать, пытался ни о чём не думать, прося Бога Боли,

¹⁸ Drudges — были слугами Повелителей Времени. Они, казалось, были вырезаны из древесины, покрытой лаком. Они были гермафродитами, но гуманоидами по внешности, примерно 2,5 метра высотой. Они не умели говорить, но могли издавать скрип, а также общаться с домом и его мебелью невербальными способами. Их обязанности состояли в том, чтобы следить за порядком в Доме. Они также готовили для семьи и ухаживали за садами. Они подчинялись домоправительнице, но также повиновались приказам любого члена семьи (если они не противоречили приказу более высокопоставленного члена семьи).

чтобы сердца перестали так стучать. Его пальцы теряли свою власть.

Кузен Оуис споткнулся и упал, приземлившись на деревянный пол с кучей ругательств. Он долго шарил руками в темноте, пока не нашел объект, с которым он столкнулся. Как он и думал, это была нора землеройки, и внутри что-то царапалось.

— Ага, попалась, маленькая... Перестань визжать. Хватит!

— он залез внутрь и схватил крошечное существо в толстую руку.

— Всегда найдётся, что съесть, не так ли? — произнёс голос.

Оуис вздрогнул и оглянулся. Перед ним с лампой в руках стоял высокий галлифреец. Он смотрел прямо на Оуиса. Он был одет в тёмно-бордовую тунику и выглядел моложе, чем был на самом деле — обычное дело для галлифрейцев. Его длинные выющиеся каштановые волосы были разделены по центру на две части, оттеняя бледные орлиные черты лица.

— Глоспин, убери лампу, — испугано произнес Оуис. — Это привлечет драджа. — Он попытался засунуть животное в карман.

Глоспин улыбнулся.

— Ты снова был на кухне?

— Нет, — возразил ему Оуис. — Я просто ходил прогуляться.

— И как кузина Инносет? Продолжает нянчиться с тобой? — спросил он.

Оуис чувствовал жар от лампы.

— Уткнулась в свои книги, как обычно. Ничего не изменилось.

Глоспин отодвинул лампу и присел. Он схватил кузена за руку и заломил её за спину. Затем положил голову на плечо Оуиса и прошептал:

— Помнишь черепа? Те, что живут под домом? Они хотят познакомиться с тобой, Оуис.

Оуис завизжал.

— Не делай мне больно! Пожалуйста, я сделаю все, что угодно!

— Как ты можешь быть таким толстым, когда все остальные кузены — тонкие как корни?

Оуис попытался освободиться от захвата.

— Не знаю! Не знаю!

— Черепа говорят, что всё дело в сале. Вот почему лампы продолжают гореть.

— Пожалуйста, отпусти меня. Пожалуйста!

— Я ничего не скажу черепам, если ты обещаешь выполнить то, что я прикажу.

— Да. Да, я обещаю.

— Не забудь. И никому не рассказывай, — Глоспин толкнул Оуиса в спину, отчего тот упал на пол. — Теперь отдай то, что ты взял на кухне.

Оуис неохотно вытащил пакет из жакета и передал его. Глоспин высыпал себе на ладонь горстку высушенных грибов и отдал пакет обратно.

— Держи. Можешь уходить со своей землеройкой. Постарайся добежать до своей комнаты раньше, чем драдж успеет поймать тебя.

Оуис помчался, спасаясь, но, добежав до следующего коридора, услышал шум драки позади. Он оглянулся и увидел в свете лампы, что Глоспина схватило высокое, похожее на дерево, чёрное существо — один из драджей.

— Я не виноват, — кричал он. — Это был Оуис. Он украл её. Я поймал его! Вы можете догнать его, если поспешите.

Драдж поднял Глоспина на руки и понес его прочь, видимо, для наказания. Оуис почувствовал, как Дом вздрогнул. Даже воздух казался сердитым. Он проверил свой улов и поспешил в убежище — комнаты кухни Инносет.

* * *

Аркхью вытянул шею, наблюдая за тем, как мерцающий свет исчезает в одном из коридоров, ведущих к Залу. Он почувствовал, как кровь быстро потекла по жилам. Ему казалось, что Драдж никогда не сдвинется с места. Аркхью знал, что тот прислушивается. Его пальцы почти сорвались с парапета, когда слуга неожиданно пошел вперёд, словно вспомнив про неотложное дело.

Аркхью понадобились минуты, чтобы отдышаться. Его мысли мчались наряду с кровью. Возможно, это была уловка. Договорённость между остальными, чтобы выставить его дураком.

Возможно, это не так. Возможно, что часы что-то скрывают. Все будут смеяться, если он ничего не найдёт.

Аркхью надеялся, что однажды наступит то время, когда он будет всё понимать и помнить без желания заплакать или спрятаться.

Конечно, это пронеслось до того, как всё стемнело. Не думать. Не помнить. Согнуть пальцы. Продолжить задуманное.

Он пролез вдоль последних цифр к часам и схватился за тусклые металлические провода, которые вращали устройство, представляя орбиты местных планет. Он проскользнул под ними, найдя новую опору на цветных

решётках сфер. Одна внутри другой, они изображали Дома звёзд и Дома Богов: красный/чёрный — для Смерти, белый — для Боли и неопределённый — для Времени. Когда часы умерли, сферы соединили свои открытые сегменты, оставив центр циферблата пустым, как слепой глаз.

Аркхью наклонился над отверстием, насколько мог. Внутри было темно. Он добрался до места, но понимал не больше, чем видел.

Он медленно спустился по циферблату в чёрный глаз.

* * *

Старец пламени поднялся в воздух над столом. Он слегка покачался, а затем мягко лёг на вершину, сформированную тройкой душ, шестёркой облаков и последним из глубин.

Кузина Инносет закрыла глаза. Строительство карточного домика отнимало много сил. Здесь начиналось искусство гадания на картах, и удерживание круглых карт на одном месте стоило огромного напряжения. Похожая на конус конструкция состояла уже из семи ярусов. Оставалось всего несколько карт, чтобы завершить, но последние шаги всегда были самыми трудными. Один промах мог разрушить весь домик, и не нужно гадать на картах, чтобы это понять.

Она залезла на высокий табурет, чувствуя тяжесть своих волос. Они были настолько длинными, что их приходилось заплетать в косу и обматывать вокруг головы и спины, что напоминало раковину у улитки. Волосы были путешествием во время. Они были белыми, но когда она путешествовала назад, они становились серыми, а в самых далеких пределах

— около шестисот лет назад — красно-золотыми как первые цветы после зимнего снега.

Она никогда не стригла их. Ей приходилось сидеть на табурете, так как стулья с высокой спинкой больше не подходили для неё.

В комнате находилось несколько вещей, которые спасали её после наступления темноты. Скучная подборка редких книг, бюст писателя Квартиниана, несколько игр и гербарий в стеклянном шкафу. Большая мебель была потёртой, но все еще пригодной. Особенно выделялся массивный туалетный столик, чьи открытые зеркала Инносет задрапировала тяжёлым платком.

Тонкий, старческий голос нарушил её сосредоточенность.

— Когда он приедет? Он сказал, что будет здесь.

— Кто? — спросила Инносет, поднимая следующую карту.

Кузина Джобиска сидела в глубине гигантского кресла. Она была столь старой и крошечной, что её голова раскачивалась, когда она говорила.

— Как же его бишь там...

— Оуис? — устало предложила Инносет. Джобиска навещала её два дня назад и ни слова не проронила об отъезде.

— Нет, не он. Я говорю о своём кузене, дорогом...

Инносет опустила обратно герцога домино.

— Мы все здесь — Ваши кузены.

— Это был Аркхью, — объявила старая дама. — Он обещал сыграть со мной в «Сепалчезм».

Она затихла, поэтому у Инносет появилась возможность поставить герцога домино на карточный домик. Как только она поднесла его к краю, она услышала рыдание Джобиски. Лицо пожилой женщины напоминало сморщенный орех.

— Отведите меня домой, дорогая, — умоляла она. — Я хочу пойти домой.

Инносет не хотела отвлекаться от колеблющейся карты.

— До Вашей комнаты далеко, — сказала она. — Оставайтесь здесь, и я отведу Вас домой, как только рассветёт.

Джобиска покачала головой.

— Нет, нет. Я говорила не про этот дом. Я имею в виду Дом домов.

К облегчению Инносет, дверь открылась, и перед ними показался кузен Оуис. Она знала, что его вежливость не предвещала ничего хорошего, но сейчас не было смысла спорить. Он положил подбородок на высокий стол и наблюдал за карточным домиком.

— Мне казалось, ты бросила эту затею, — произнес он. — Они всегда рушатся.

— Дом был встревожен сегодня вечером, — ответила Инносет.

Оуис засмеялся.

— Это тревожит сильнее, чем обычно?

— Аркхью? Это ты? — спросила Джобиска из своего кресла.

Оуис повернулся с усмешкой.

— Привет, бабуля, — сказал он снисходительно. — Я — Оуис, помните?

— Не нужно так кричать, — парировала старая дама. — Мне всего четыре тысячи триста двадцать два. Пятая инкарнация.

— Оуис, — обратилась к нему Инносет, — если тебе нечем заняться, сыграй с ней в «Сепалчезм».

Джобиска восхищённо рассмеялась, когда в комнату вкатился квадратный стол. На нём располагалась модель холмистого пейзажа. Извилистый путь пролегал между несколькими миниатюрными зданиями. Оуис достал игровой кубик и несколько цветных фишек, по три на каждого игрока.

Игнорируя их взволнованные крики, Инносет начала поднимать заключительные карты для домика. Она установила двойку глубин и двенадцать сов, и уже хотела взяться за последнюю карту — руку душ, когда в комнате раздался шум.

— Он жульничает! — вопила Джобиска. — Он заставляет фишки измениться в нужный ему цвет, чтобы их у него стало больше!

— Я ничего не делал! — воскликнул Оуис.

— Я видела!

Оуис сел обратно на стул.

— Это скучно. Игровое поле всё ещё не изрезано ущельями.

Инносет задрожала, внезапно почувствовав холод. Карточный домик слегка раскачивался.

— Где Аркхью? — серьёзно спросила она.

Оуис пожал плечами, но это выглядело неубедительно.

— Не видел его после наступления темноты, — солгал он.

С треском вершина игровой доски раскололась, и в ней возникла широкая пропасть.

— Сепалчезм! — торжествующе произнесла Джобиска.

Оуис нахмурился, глядя на фишки, висящие над миниатюрной пропастью. Он проиграл. Все фишки медленно упали вниз.

Новая вибрация пронеслась по Дому. Инносет раскачала верхушку. Карточный домик рухнул на стол. Она посмотрела на конфигурацию.

Та же самая форма, в которую они попадали каждый раз, когда она пыталась предугадать будущее этим методом. Они всегда падали в красно-чёрном круге — символе Смерти.

Но на сей раз было отличие. Над столом в воздухе парила верхняя карта — рука душ. Но это продолжалось недолго. Она изменялась — в облако, в слёзы, а затем в сову. Картой был бродяга — всегда скрытый, меняющий значения — и она не признала его.

Она задрожала. Во вращении и мигании освещённой свечами карты она видела, что надвигается большая беда.

Снова Дом задрожал от предчувствия.

Был «так», за которым последовал «тик».

В глазу часов Аркхью почувствовал лязг древних колёс, начинающих поворачиваться. Он поднял голову, чтобы увидеть выход, но промежуток закрылся, поскольку сферы начали медленно вращаться друг в друге. Через

пересекающиеся решетки он видел небольшие планеты солнечной системы Галлифрея,двигающиеся вдоль их орбитальных проводов по ложному небу. Холодный газовый гигант Поларфрей соединился со своим противоположным пылающим Карном. Астрологическая фигура плясала над кольцом астероидов. Это был Кастерборус Фибстер, мифологический герой, который тащил за собой колесницу из серебряного огня, в которую он был запряжён Богами.

Древняя пыль, подброшенная внезапным движением, стала оседать в горле испуганного Аркхью, не давая ему вздохнуть.

* * *

Инносет охватил приступ. Она заметила, что Оуис испуганно смотрит на неё. Он что-то говорил, но она не могла разобрать. Тогда ясновидение, которое всегда было первым истинным взором, овладело тем, что она видела. Её голова дернулась. Рот открылся. Из горла шёл таинственный журчащий шум.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Итак, мы наконец-то в Доме Лангбэрроу. Многие сравнивали его с Горменгастом¹⁹ Мервина Пика, и я не стану отрицать это влияние. Я очень люблю работу мистера Пика, не только трилогию про Титуса Гроанского, но и очаровательного и изворотливого г-на Пая, и множество стихов Пика, и его иллюстрации. Оба Дома — огромные здания, которые протягиваются на столько миль, сколько нужно для изображения историй их обитателей. Оба Дома — тюрьмы. Но есть и различия. Горменгаст, по сути, мёртвое место, жители которого увековечивают его бесконечные ритуалы, как будто бы они прекратили существование, если бы остановились. Но Лангбэрроу жив и активно участвует в событиях. Это — собственность жителей. В крайнем случае, он страдает от семейной гордости. У него сильный характер, и он будет дуться в течение многих столетий. Идти по его коридорам — как идти по минному полю. В первые годы работы над оригиналом Лангбэрроу, я поместил примечание на последнем черновике, который я отправил Эндрю Картмелу: «Мебель становится всё более и более хищной». Сопровождаемый руководством «Драджи пасут столы в Большом Зале». Я сомневаюсь относительно сцены позже, где Доктор «скользит» на беглом столе, которая вряд ли могла быть должным образом реализована в студии, но это было началом развития характера Дома. Но книга позволила

¹⁹ Горменгаст — огромный замок со множеством обитателей, также известен как «Замок Четырёх Миров».

мне показать полный спектр. Здесь есть, конечно, элементы «Красавицы и чудовища» — не только версия Диснея, но и жестокого фильма Кокто.

Что насчет семьи? Ну, семьи есть всюду. Не только неизбежные Гроаны и их гонорары, но и отравление Роберта Грэйвса семьей Клавдиев и их политическая карьера в истории Рима; абсолютно сумасшедшая семья Старкаддер из великолепной и забавной «Неуютной фермы» Стеллы Гиббонс. Даже Арчеры. Все сериалы заполнены слегка сумасшедшими семьями, но любая семья сошла бы с ума, если бы они жили в Лангбэрроу. Хуже, чем Альберт-Сквер. Вы не должны быть безумными, чтобы жить в мыльной опере, но она помогает! Один из пунктов книги: как жила бы семья, если бы Доктор был близким родственником?

Большая часть жителей Лангбэрроу играет в игры, но за эти годы, десятилетия, столетия, игры прогрессируют в нечто более причудливое и смертельное. Для начала вам дают тринадцать жизней...

Но в Лангбэрроу, какая там может быть степень родства? Кузены на данный момент: кузен Аркхью, скорее обманутый юноша; легковверный, из тех, кто всегда на отшибе. Кузен Оуис — что-то вроде грустного Билли Бантера — не очень хороший, конечно, и довольно тусклый. Но чрезвычайно понятливый. Кузен Глоспин, главный соперник Доктора. По удивительному совпадению у молодого Глоспина, кажется, есть нечто большее, чем мимолетное байроническое сходство с Полом Макганном²⁰. Кузина Инносет всё ещё обладает

²⁰ Пол Макганн — актер, сыгравший Восьмого Доктора.

остатком старой телепатии галлифрейцев. В старые времена женщины были более высокими, чем мужчины, и Инносет высока и горда, как её предки. Вероятно, что очень высокое тело, которое Романа примеряет прежде, чем регенерировать в Лаллу Уорд²¹, является одной из высоких женщин — провидиц Старого Времени — ну, может быть!

У длинных волос Инносет могут быть корни (ха!) в Рапунцель или Мелисенд Метерлинка или плетёной Невесте в балете Стравинского/Нижинского «Ночь», но их тяжёлая символика полностью отличается, и ничто здесь не связано с потерей невинности. Однажды Инносет будет домоправительницей Лангбэрроу, до тех пор она держит свои книги и строит здания из круглых карт.

Кузина Джобиска: У Поббла Эдварда Лира²² была тетя Джобиска, которая дала ему выпить лавандовую воду, окрашенную розовым. Когда мой близкий родственник страдал от прогрессирующей болезни Альцгеймера и должен был лечь в больницу Хеллингсли, гигантское хаотичное учреждение Министерства здравоохранения в Восточном Сассексе, там находилась крошечная и очень милая старая леди, которая постоянно говорила: «Отведи меня домой, дорогой. Я хочу пойти домой». Благослови её боже, не думаю, что она действительно помнила, где находился её дом. Хелингсли, с его готической архитектурой и садком для

²¹ Лалла Уорд — актриса, сыгравшая Роману II

²² Поббл, у которого нет пальцев на ногах — герой одноименного произведения Эдварда Лира.

кроликов, был ещё одним вдохновением для Лангбэрроу. Он был закрыт, и теперь это место — что-то вроде пентхауза. Дом Лангбэрроу не станет таким.

Бог Боли — один из Богов древних галлифрейцев, иначе Менти Селести, который мог также быть Вечным («Enlightenment»²³). Они часто описываются в серии «New Adventures», в том числе Время (поскольку Доктор был его чемпионом), и Смерть. Я должен был скоординировать написание «Лангбэрроу» с Кейт Орман, чья «Room With No Doors» была предыдущей книгой в серии. Я позвонил Кейт в Сидней, и она находилась на обеде в честь её Дня рождения. После того, как мы оба прекратили восклицать «о, боже!», она указала мне на картину «Смерть Артура» Дж.Г. Арчера, на которой изображен умирающий король Артур, лежащий на побережье, за которым ухаживают три королевы, прежде, чем он будет переправлен на Аваллон. Кейт рассматривала этих трех женщин как воплощение галлифрейских Богов — красно-чёрный для Смерти, белый для Боли и изменчивый — для Времени. Я знал о картине и уже использовал ее в новеллизации «Battlefield»²⁴. Такая вещь, как галлифрейские часы, состоит из сложных взаимосвязанных кругов. И бедный старый Аркхью пойман в ловушку в подобных часах — все планеты, и орбиты, представляя пространство и мифы, начинают активироваться вокруг него. Доктор, конечно, настаивает, что не верит в предзнаменования.

²³ «Enlightenment» («Просвещение») — серия с Пятым Доктором.

²⁴ «Battlefield» («Поле боя») — серия с Седьмым Доктором.

ГЛАВА 5

СМЕТАЯ ПЫЛЬ

Крис стоял у выхода из полицейской будки — ТАРДИС, выглядывая из полуоткрытой двери. Чтобы разрядить ситуацию, он надел самую кричащую футболку, которую смог найти — большие дольки апельсинов и лимонов на тёмно-синем фоне — с парой белых шорт. В чем-то вроде этого он хотел отправиться на Большой Экстанс — конечно, в эпоху туристов, а не идиллической Аркадии. Когда он переоделся и вышел, двери ТАРДИС были открыты, а Доктор отсутствовал.

Из дверей полицейской будки Крис увидел просторную комнату, освещённую единственной большой масляной лампой, которую нёс Доктор. Наклонные стены удлинялись во мраке вне зоны света. Они опирались на основу из белых ветвей, уходящих вверх в темноту. Полу-чердак, полу-лесная тропа, которая случайно очутилась внутри. Доктор осторожно продвигался через беспорядочно расставленную мебель и картины. Мебель затмевала его. Он выглядел лишь третьей частью нужного размера, как будто массивная мебель была построена для гигантов. Иногда он вставал на цыпочки, выглядывая что-то на поверхности стола. Наклонившись, он смог бы пройти под высокими стульями. Но даже в этом случае, он, казалось, боялся к чему-либо прикоснуться.

Крис крепче обхватил кружку с горячим чаем, которую нес Доктору. Себе он налил имбирного пива. Доктор внезапно выпрямился, пробормотав что-то вроде «этого достаточно», и стал возвращаться в комнату управления. Крис подождал, пока он подойдёт к двери, затем протянул чашку.

— Я принёс тебе это, — сказал он.

Изумлённый Доктор посмотрел на кружку и взял её в свободную руку. Крис воспользовался возможностью и проскочил мимо него в тёмную комнату. Воздух был тёплым и несвежим со своего рода земляной сыростью, от которой першило в горле.

— Мрачно, — сказал он, переступая по скрипящему полу.
— Что привело нас сюда?

— Я не знаю, — тревожно ответил Доктор. — Нужно уходить.

Он переводил взгляд с одной занятой руки на другую.

Крис прошёл дальше.

— Крис! — прошипел он. — Возвращайся!

— Хорошо, хорошо. Не торопи. Здесь давным-давно никого уже нет. Эти вещи построены для гигантов, ведь так?

Доктор фыркнул.

— Я видел и больше.

Крис поставил пиво на столик, где-то на уровне своей груди. Он наклонился, чтобы всмотреться в его вырезанные ножки. Они не были похожи на ножки стола — скорее, на передние и задние лапы, вырезанные с анатомической точностью. Он заметил движение на полу и присел, чтобы посмотреть.

— Принеси лампу, Доктор, — крикнул он.

Доктор схватил бутылку со стола и протёр круглый отпечаток, оставшийся на поверхности.

— Извини, — обратился он, возможно, к столу, перед тем как обернуться к Крису. — Кристофер, теперь уходим.

— Смотри, — радостно сказал Крис.

Он указал на пыльную ножку стола. Медные когти медленно вытягивались, как будто они принадлежали сонному животному.

Доктор схватил Криса за руку и потащил его обратно в ТАРДИС.

— Не понимаю, к чему такая спешка, — пожаловался Крис.

— Неважно!

Они обошли монументальное зеркало в форме глаза, которое висело на одной из белых ветвей дерева. Кусок пыльной паутины размером с палатку, которая покрывала зеркало, всколыхнулся, и, казалось, направился к ним. Позади него мерцал яркий свет, и что-то оживилось и зажужжало.

Нить паутины попала в глаз Крису. Это причинило ему ужасную боль. С криком он пытался освободиться от хватки Доктора, чтобы протереть глаз.

— Не трогай её! Не трогай её! — услышал он голос Доктора, но это прозвучало как отдалённое эхо. Боль усилилась. Он схватил сеть, пытаясь отодрать её от лица. Вся голова казалась ужаленной. Окружающее стало расплываться. Он наткнулся на что-то и услышал крик Доктора. Затем он упал.

Удар от падения привёл его в чувство. Через мгновение он поднялся обратно. Он чувствовал странную лёгкость. Он посмотрел вниз и увидел, что Доктор склонился над какой-то фигурой. Затем он понял, что фигура была его собственным телом.

Доктор изо всех сил пытался перевернуть его. Он что-то пробормотал, достал пинцет и стал отдирать сеть от лица. Крис ничего не слышал, так как его голова внезапно наполнилась шумом. Голоса шептали, и смеялись, и кричали, и спрашивали, как будто невидимая толпа проходила мимо.

Дурнота увеличивалась. Он подошел к большому зеркалу. Крис увидел собственное отражение, подходящее, чтобы

встретить его. Он протянул руку, но она прошла сквозь зеркало, как в воду.

В отражённой комнате Доктора не было. Единственный свет шел от зеркала. Оно сияло как окно в действительность. Вскоре свет исчез, и груды старинных безделушек вокруг него погрузились в темноту. Но Крис всё ещё слышал голоса. Он дрейфовал вниз, опускаясь сквозь пол, в дом под ним. Новые огни плясали тут и там, как отражения, формирующие калейдоскоп. Всё больше и больше огоньков. Бесчисленные отражения отражений, простирающиеся от него. Белые ветви, которые проросли сквозь дом, сгибались и скрипели на ветру.

Голоса постепенно успокоились, и настала ужасная тишина. Это походило на затишье перед бурей.

В огромной кухне с высоким потолком Крис увидел двух гигантских существ, примерно двух с половиной метров высотой, с твёрдыми угловатыми лицами, вырезанными из древесины. Даже их длинные накидки напоминали дерево, словно ткань была специально утяжелена. Существа, не обращая внимания на Криса, доставали подносы с дымящимися деликатесами из гигантских духовок. На столах находилось множество оригинально украшенных блюд. Были целые пирамиды из фруктов наподобие тыкв. На подносе лежало зажаренное животное с клювом и лапами. Его клюв был нафарширован фиолетовыми фруктами, а вокруг туши разложены жёлтые ягоды. Повара готовили целый банкет, но от их кулинарных трудов не исходило никакого запаха. Это было похоже на сон. Рядом, но в то же время на расстоянии.

Кухня сменилась клубами пара. Крис проплывал сквозь проходы и галереи, заканчивающиеся высокими белыми стволами, которые проросли через весь дом. Вся мебель была так же массивна, как вещи на чердаке. Он чувствовал себя заблудившимся ребенком.

Время, казалось, здесь не имело значения. Крису пришло в голову, что он находится здесь незаконно, но вряд ли это могло навредить, если он действительно был мёртв.

Из высокого окна он увидел долину, где ряды покрытых серебряной листвой деревьев спускались к уходящей вдаль реке. Место находилось на полпути к склону горы. Еще одна гора возвышалась с другой стороны долины, позади которой спускалось к закату солнце цвета абрикоса.

Непосредственно под окном, в саду, похожем на бассейн, переплетались ряды растений, они свернулись и спутались в цветные узлы. В центре сада, на высоком постаменте, стояла повреждённая непогодой статуя, держащая чёрный жезл. Кристальный наконечник жезла преломлял солнечные лучи, напоминая о статуях с копьём в обычных садах. Крис предположил, что весь сад был тщательно продуманными солнечными часами, возможно, с ещё большим количеством замысловатых часов.

В стороне находилось другое крыло дома. Белые стволы также росли на внешних стенах здания. Они казались неотъемлемой частью архитектуры, узором, в который камень и деревянные стены были сплавлены, или даже сращены. Тут и там виднелась синяя листва или хаотичные побеги, будто сам дом становился растением. Изгибающаяся

крыша возвышалась над фронтонами как чешуйчатая синесерая ящерка.

Крис продолжал перемещаться. Он прошёл мимо портретов сварливых особ в царственной исторической одежде, никто из которых не улыбался

Он зашёл за угол и увидел огромного деревянного слугу, шагавшего непосредственно к нему, неся что-то чёрное на серебряном подносе. Не было времени, чтобы скрыться.

Ему стало плохо, когда слуга прошёл сквозь него. Пытаясь отдышаться, он с недоверием оглянулся.

Его не заметили. Невозможно. Никто не мог не заметить эту футболку.

Он протянулся, чтобы дотронуться до стола. Его рука прошла сквозь твёрдое дерево. Он попробовал ещё раз с тем же самым результатом. На мгновение он остановился, затем ударил кулаком в стену и почти провалился в неё. Он отступил назад.

Он не существовал. Он действительно был мёртв.

— Есть здесь кто-нибудь? — закричал он. — Эй!

Голос звучал странно. Никакого резонанса, как будто он отзывался эхом только в своей пустой голове. Его бросило в жар.

Деревянный гигант исчезал в конце длинного коридора, не слыша его. Он закричал так громко, как смог, и побежал за существом.

Он достиг дальнего угла в тот момент, когда слуга исчез в комнате у следующего коридора. Дверь за ним закрылась.

Крис медленно приближался ко входу, слыша приглушённое проклятие старухи, которая находилась внутри.

Он подумал, что место, возможно, является голограммой, что-то вроде симуляторов в академии на Понтен IV или таинственной темницы капитана Джембори в луна-парке, где он бродил в детстве. Стоит поблагодарить Богиню за эту мысль. Он не верил в призраков, и не собирался начинать теперь. Он выпрямился и смахнул пыль с футболки, как будто собирался впервые зайти в офис контроля над беспорядком в академии.

Затем он медленно прошёл сквозь закрытую дверь. Большая комната с изношенными гобеленами, свисающими с деревянных панелей, в центре которой находилось большое кресло-качалка. Кресло было вырезано в виде руки, чьи распрямленные пальцы создавали спинку. В чашевидной ладони сидела старуха, маленькая, но со свирепым видом, её седые волосы были беспорядочно спутаны. Она смотрела прямо на дверь, где стоял Крис, и он вздрогнул от её прямого взгляда. Но она не видела его. Она снова громко выругалась и схватила чёрный объект с серебряного подноса слуги — чёрную шляпу, которой накрыла свои спутанные волосы. Она продолжала хмуриться, когда деревянная девица завязывала ленты и подворачивала лишние пряди внутрь.

Напротив неё стоял туалетный столик, вырезанный в анималистическом стиле дома с тремя зеркалами на нём. Старуха гневно посмотрела на зеркало. Это было неправильно. Центральное зеркало отражало неправильную комнату.

Крис подошел ближе. Зеркало показывало другую комнату в доме, где очень старый человек сидел прямо в большом кресле. Он кивал головой в очевидном раздражении. Его костлявые пальцы казались столь же древними, как и кресло. Его ноги не касались пола. Он носил аккуратную, но слишком широкую одежду для своего хилого телосложения. Иногда он поглядывал непосредственно из зеркала, как будто знал, что за ним наблюдали.

Старуха продолжала бормотать. Её слуга стоял рядом, его лицо было лишено эмоций.

Внезапно он почувствовал движение воздуха. Рядом с Крисом возникла ещё одна фигура — маленький человек, похожий на крысу, только что прошёл сквозь закрытую дверь. Он был в рваной одежде, а кожа по цвету напоминала труп. Он с таким же недоверием посмотрел на Криса. Стало ясно, что оба видели друг друга.

Человек вздохнул, съёжился и бросился обратно. Крис попытался схватить его, но тот уже исчез. Послышался крик. Крис повернулся и увидел старуху, она смотрела в том же направлении, как будто заметила призрака.

Он выбежал в коридор. Не было никаких признаков маленького парня, но вдалеке он увидел свет, выходящий из-под двери другой комнаты. На полпути Крис понял, что его ноги даже не перемещались. Он прошёл сквозь стену в помещение, залитое искусственным светом.

В комнате находились три человека. Двое из них, мужчины, стояли возле стола, который был заложен документами. Первый был пожилым человеком с тёмными

волосами, ростом где-то метр восемьдесят пять, худощавым и в темно-зелёной одежде. Другой был солдатом, одетым в красно-белую форму и шлем.

Человек в зелёном взял один из документов.

— Моя кузина Инносет. Она была здесь, — гневно сказал он. — Я убью её.

Крис посмотрел на третью фигуру. Она стояла прямо рядом с ним, в том месте, где он проник через стену, не замечая его присутствия. Она закрывала собой погашенный экран. Высокая женщина, более высокая, чем Крис, два метра, по крайней мере, но всё ещё невысокая для той мебели. У неё была бледная кожа и рыжие, заплетенные в косу волосы. Она была одета в платье цвета ржавчины, и её лицо казалось испуганным.

— Мне нужно идти, сэр, — сказал солдат. — Я опаздываю в Капитолий. Что Вы хотите, чтобы я передал?

Человек в зеленом минуту перебирал документы, затем выпрямился.

— Он исчез, — сказал он.

Женщина тяжело вздохнула. В своей руке она сжимала документ.

— Украден? — спросил солдат.

— Потерян, — твёрдо ответил человек в зелёном. — У меня есть копия, капитан. Вы можете взять в Агентство. Этого будет достаточно.

Крис начал подозревать, что они были событиями, которые он, как предполагалось, видел. Часть программы. Женщина слегка переместилась. Человек в зелёном и капитан

обменялись взглядами. Они начали тщательно исследовать комнату и передвигать мебель. Крис с интересом наблюдал за ними. Женщина выглядела так, как будто она была готова закричать или упасть в обморок в любую секунду.

— Занавес, — приказал человек в зелёном, и тяжелая драпировка окон поднялась, чтобы показать, что за ними ничего не было.

Оба мужчины повернулись к экрану. Улучив момент, Крис закричал. Никто не услышал его.

Он подбежал к столу и хотел скинуть с него документы. Его руки прошли прямо сквозь них. Но, должно быть, возникла некоторая реакция, потому что три листка бумаги поднялись с поверхности и упали на пол. Оба человека обернулись на движение и вернулись к столу. Они снова посмотрели друг на друга.

— Экран, — приказал человек в зелёном.

Экран аккуратно сложился, но за ним тоже ничего не было. Крис увидел, что со стороны алькова что-то закрылось, но другие ничего не заметили.

— Вы сказали, что у Вас есть копия документа, сэр, — произнес капитан.

Человек в зелёном нахмурился в притворном гневе. Он достал сложенную бумагу из своей одежды.

— Тысяча двести пандаков, — капитан сделал паузу. Затем он положил документ в свою папку. — Я сожалею о пропавшем указе, сэр.

— Вы — просто посыльный, Капитан. Имя Дома будет очищено.

Крис внезапно начал снижаться сквозь пол. Покажите мне, думал он. Что дальше? Он уже погрузился по грудь в коврик из кожи животных, когда у него промелькнула слабая мысль. Возможно, программа была более интерактивной, чем казалась на первый взгляд. Или, возможно, его кошмары всё ещё продолжаются. Возможно, он был пойман в ловушку в своей собственной голове.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Чердак Лангбэрроу похож на сказочный лес. Гигантская мебель напоминает о тех временах, когда мы были маленькими и могли видеть лишь частичку того, что готовит мама к чаю. Я однажды видел оперу, в которой персонаж возвращался в детство. Лестницу со стороны сцены внезапно заменили гигантской версией той же самой лестницы. Персонаж становился моложе, когда поднимался по ней, шаг за шагом. Это было незабываемое впечатление. Лангбэрроу, конечно, не столь блистателен, но идея присутствует...

В оригинальной версии сквозь зеркало в прошлое Дома проходила Эйс. Для визуализации я скопировал иллюстрацию Алисы, поднимающейся по мантии в зеркало, и заменил нашей перивальской героиней.

Когда я работал на Би-би-си в Вудлендсе в Уайт-Сити, наш офис находился рядом со справочной библиотекой. Однажды я нашел старую фотографию 1930-ых с портретом молодого и щеголеватого комедийного актера по имени Билли Хартнелл. Я предложил, чтобы мы использовали его в качестве основания для картины, которую Доктор увидел бы и поспешно бы скрылся в испуге.

Сад — ещё одна вариация галлифрейских часов с Рассилоном в центре.

Драджи — окончательная форма развития мебели Лангбэрроу. Живые деревянные слуги, которые день за днём ухаживают за Домом. У нас были споры в телевизионном производственном офисе относительно того, должны ли они

быть мужчинами или женщинами. Бен предложил (всегда Бен), что они должны быть и тем, и другим, но Вы никогда не могли быть уверены, кто из них кто. В этом случае Эйс звала бы их Грим и Гриммер. Я всегда рассматривал их как внушающих страх деревянных викторианских гувернанток, но иллюстрации Дэрила Джойса показывают их весьма красивыми существами. Что, в общем-то, правильно. Почему мебель должна быть уродливой?

В этой ретроспекции кузен Глоспин намного старше, чем он был в главе 4. И моложе также. Галлифрейские семьи — кошмар.

ГЛАВА 6

ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Алмонер Йукс дремал в своем офисе, когда поднялась тревога. Экран показал ему, что источником является пространственно-временное бюро доступа. Пожилой секретарь Хофвинтер был способен дискутировать не хуже леди Лиландредлумсагвизэчегесимы.

— Послушай, старик, — она погрозила ему пальцем, — немедленно свяжись с Доктором, или я... Я...

— Что за Доктор? Доктор кто? — задрожал Хофвинтер, уклоняясь от этой странной женщины. — Поясните, о ком Вы говорите, мадам.

— Доктор, который был вашим президентом.

Йукс вытянулся вперед.

— О, *этот* Доктор, — сказал Хофвинтер. — Президент-гуляка. Ну, боюсь, что в этом случае ничем не смогу помочь. Попробуйте обратиться в президентскую канцелярию. Это — то, с чем они обычно имеют дело, ну, Вы знаете. Президенты. Так будет логичней.

— Президент сейчас находится вне Галлифрея, — заявила Лила.

— Действительно? — Йукс стал открывать доступ к личным отчётам Агентства о Лиле на втором плазменном экране.

Хофвинтер в бюро покачал головой.

— Очень жаль, мадам. Я уверен, что её канцелярия поможет Вам, если они, конечно, тоже не исчезли. Или, возможно, кастелян.

— Кастелян Андред занят, — твёрдо сказала она.

— Тренирует охрану канцлера, чтобы сопровождать иностранных сановников?— спросил Хофвинтер. — Очень жаль. Но я занят. Всего хорошего. — Он погрузился в груды докладов.

Йукс наблюдал за тем, как леди Лиландредлумсагвизэчегесима развернулась, а затем исчезла с его экрана. Факт, что эта легковозбудимая женщина являлась супругой кастеляна Цитадели, члена и Высшего и Внутреннего Совета, доказывал, что могла произойти серьёзная угроза безопасности. И она также была негаллифрейцем. Он не мог понять, как это пропустили в процессе повышения Андреда. Он продолжал изучать данные на другом дисплее.

Здесь было дано краткое описание женщины, но без ссылки на её связь с Доктором. Дальнейшие данные были заблокированы: все отчёты находятся в ячейке Команды Преданности Агенству. Йукс отправил запрос относительно попыток леди Лилы связаться с известным оппозиционером и знания местонахождения президента. Ответ пришел почти сразу, от хозяина ячейки Команды Преданности Агенству в Небесном Агентстве по Вмешательству.

«Позвольте ей продолжать, — гласило оно. — Уже под наблюдением». И постскрипtum: «Отлично работаете, друг.

Как насчет обеда завтра? Факультет Квартиниана?» И подпись — «Ф».

Удовлетворенный Йукс налил себе еще одну чашку чая и добавил немного рома.

* * *

— Дайте леди Лиле вывести себя на чистую воду, и она уничтожит себя.

Зал был пуст. Крис наблюдал за последними лучами пёстрого солнца, падающими сквозь высокие окна на деревянный пол.

Зал был разделен на несколько уровней, а балконы украшены зелёными и серебряными гирляндами. С краю, под сложными астрономическими часами, стоящими на вырезанном постаменте, лежала коробка, похожая на саркофаг. Даже на расстоянии, он ощущал энергию, исходящую от неё. Она была даже более, чем живой — с плотно сконцентрированной жизненной силой. Он решил, что это является источником голограммы.

Внезапно мебель начала перемещаться. Массивные столы, стулья и канделябры заскользили по полу, как стадо испуганных животных. В конечном счете, они устроились — с большой перетасовкой — в нужные положения по всему залу. Как молодые кадеты на параде, подумал Крис. Поскольку солнце наконец-то скрылось за горой, на галереях зажглись лампы, освещающие весь зал. Он тихо ждал продолжения, которое, конечно, должно стать кульминационным моментом программы.

Неожиданно он оказался в толпе экстравагантно одетых гостей. Они заполнили зал. Крис решил, что это — некий вид неофициальной встречи, он видел похожее, когда был призван в охрану на городской ежегодный бал, устраиваемый верховным судьёй. Маскарадный костюм прилагался.

Он всё ещё был невидим и мог легко передвигаться среди гостей. Его это устраивало больше, чем проходить сквозь них.

Всюду мебель и детали здания были слишком большими для людей, что жили там. Словно они поселились в замке, брошенном гигантом. Большие столы накрыли роскошной праздничной едой, которую Крис видел в кухне.

— Смотрю, кузен Ринд снова оказал нам честь, — объявил один из гостей и поднял свой кубок над толпой.

— Благоприятного Дня Другого²⁵ нам всем!

— И абсолютно неподходящее время для годовщины смерти, — жаловался другой. — Я должен был стать на триста лет наблюдающим архивариусом за обедом на Дне Другого. Думаю, что старый Квинц мог продержаться немного дольше.

— О, прекратите ворчать, — ответил ему первый, человек в коричневой одежде. — По крайней мере, есть возможность дважды посетить Дом.

Несколько человек кивнули, соглашаясь.

— Я предполагаю, что ни один из нас не вернётся домой в эти дни, за исключением рождений и похорон²⁶, —

²⁵ День Другого — в оригинале Otherside.

²⁶ Рождений и похорон — в оригинале Loomings and Tombings.

продолжил он. — Скажите, Вам досталось что-нибудь по завещанию Квинца, кузен?

Второй, одетый в чёрную тунику, мрачно покачал головой.

— Ни единого медного пандака²⁷. Ординал-Генерал никогда не находил времени для меня.

— Ни один из нас не был достаточно хорош, — согласился третий. — Вредный старик даже не рекомендовал меня в бюро временных аномалий. Он сказал, что быть клерком — не лучшая судьба для члена семьи.

— Он всё-таки заботился о кузинах Целесии и Алманде, — сказала Чёрная Туника. — Кроме этого, все мы знаем, кто собирается принять наследство.

Итак, это — похороны, подумал Крис. Возможно, этот Ординал-Генерал умер при таинственных обстоятельствах. Возможно, это — часть программы.

— Уж не хотите ли Вы сказать, что кузен Глоспин унаследует все, — сказала Коричневая Одежда. Он оглянулся по сторонам. — Его даже нет здесь.

Чёрная Туника улыбнулась.

— Он — очевидный преемник и наследник.

— И он — любимец Саттралоп, — добавил третий.

Коричневая Одежда громко рассмеялась.

— Конечно, этого достаточно, чтобы осудить его полностью. Квинц мог поступить так из принципа.

²⁷ Пандак — один из шести основателей общества Повелителей Времени. Его именем названа местная валюта.

— Верно, — сказал ещё один участник. — Знаете, что говорят? — Он понизил свой голос, чтобы его слышали только собравшиеся рядом. — Я слышал, что должность Глоспина как руководителя факультета евгеники — полный обман.

— Сплетня Цитадели, — усомнилась Чёрная Туника.

— Нет, послушайте, — продолжал говорящий. — Кузен Глоспин был замечен несколько раз покидающим пределы Цитадели.

— Какой ужас, — прошептала Коричневая Одежда.

— Агентство по Вмешательству, — сказал третий.

Крис отметил нервные взгляды, которыми обменялась группа. Даже Чёрная Туника выпила свой кубок без комментариев. Название Агентства, казалось, повергло всех в уныние.

— Через передний или чёрный ход? — громко спросил кто-то, но был проигнорирован.

Наконец, долгая тишина была разрушена криком смеха со всех концов зала. Гости повернулись, чтобы посмотреть с неодобрением.

— Кто это? — спросила Коричневая Одежда.

Молодой человек, полноватый, с вьющимися каштановыми волосами, пододвигал к себе тарелку.

— Кузен Оуис, — сказала Чёрная Туника. — Пример плохой замены.

— Почему? Кто ещё умер?

— Нет, нет. Он — замена.

Коричневая Одежда выглядела удивлённой.

— Я и не думал, что в Доме всё настолько... Большое горе. Поднимется большой переполох, когда власти узнают. Я предполагаю, что это — замена для... — Он умолк и состроил гримасу.

— Тише, — прошипела Чёрная Туника. — Саттралоп запретила произносить это имя в Доме. Но Вы правы: Оуис — замена тому, кого Вы изобразили. Говорят, Квинц никогда не пренебрегал лишением наследства.

— Великое горе, — Коричневая Одежда вновь огляделась. — Наша Семья действительно — неопиcуемый позор! — Он ухмыльнулся. — Глоспину завещано пять тысяч пандаков, не считая имущества.

— Всё ясно, — сказала Чёрная Туника, и согнула пальцы в кулак.

Крис задался вопросом, как кто-то в семье мог быть заменой для кого-то ещё — он сменял в должности, или что-то вроде этого? Он отошёл от группы, чтобы посмотреть на того, кого они называли Оуисом.

Оуис поднялся со стула, чтобы дотянуться до еды. Когда он взял синий фрукт, подошла женщина. Она всё ещё была в платье цвета ржавчины — одежде, в которой Крис недавно видел её.

— Оуис, — резко сказала она. — Что мы вчера учили о запретах?

Оуис, внезапно растерявшись, смотрел на неё поверх полной тарелки.

— Но, кузина Инносет, это — День Другого. Праздник. Ты видела эти яйца дактиля? Они были присланы специально из окружённого Юрфекса.

— Это также — серьёзное и торжественное событие, — холодно сказала Инносет. — Сядь на место. Что, по-твоему, скажет Саттралоп, когда узнает, что ты плохо вёл себя на годовщине смерти Ординала-Генерала?

Оуис отодвинул тарелку и, надувшись, сел обратно.

Крис оглянулся на других скорбящих и не заметил, чтобы кто-нибудь ещё выглядел серьёзным или торжественным.

Затем он увидел фигуру, которая была здесь полностью неуместна. Это был бледный маленький человек в рваной одежде, которого он видел в комнате старухи. Он шёл среди гостей, бросаясь каждому в глаза своим испуганным видом. Гости не замечали его.

Он фактически подскочил, когда увидел Криса, и нырнул в толпу.

Крис направился в его сторону. Поскольку маленький человек начал бежать, Крис стал сокращать путь, пробегая сквозь голограммы людей. Он догнал человека, который в отчаянии остановился в тупике у постамента.

— Кто Вы? — потребовал Крис. — Где мы? Как мне выбраться отсюда?

Маленький человек дрожал.

— Не трогайте меня, — умоляюще произнёс он.

— Я — единственный, кто может навредить Вам, — сказал Крис. — Так что, Вы должны сказать мне, что это за планета и кто Вы.

Глаза маленького человека заполнились слезами. Он указал на одного из гостей.

— Я — он.

Крис повернулся в указанном направлении. Сходство было экстраординарным, за исключением того, что гость был значительно моложе и толще. Его одежда была новой, а цвет лица — здоровее.

— Значит, этот дом — голограмма, и мы застряли в нём, — сказал Крис.

Маленький человек снова задрожал.

— Это не запись. Это реально. Это — прошлое. Оно происходит снова...

Крис сел на пол. Он не хотел тратить оставшуюся часть жизни, будучи пойманным в ловушку в чьей-либо семье, появляющейся для того, чтобы выяснить отношения, либо выпить и посплетничать.

— Как Вас зовут? — спросил Крис. Он указал на молодую версию. — Как его зовут?

— Оставьте меня в покое.

— Имя, — потребовал Крис.

Человек не выдержал и расплакался; слёзы катились, оставляя полосы на его грязном лице. Плач перешел в истерику, как будто открылось что-то, что таилось многие годы. Крис наклонился и неловко обнял его за плечи.

— Всё в порядке. Всё будет хорошо, — бесполезно добавил он в попытке утешить, пока вокруг них бродила призрачная семья.

— Аркхью, — сказал человек, немного успокоившись. — Меня зовут Аркхью. — Он несколько раз вытер нос грязным рукавом.

— Я — Крис Кведж, — мягко сказал Крис. — Я здесь, чтобы помочь.

— Вы действительно пришли, чтобы вывести нас? — Аркхью гневно сжал руку Криса. — Почему только сейчас? Почему Вы ждали? Почему Вы не появились несколько столетий назад?

Крис покачал головой.

— Это — несчастный случай. Я не знаю, где я. Я не знаю, что произошло. Я даже не уверен, что жив.

Аркхью не торопился перед ответом, сглатывая слёзы и сопя. Он пристально посмотрел в окно на надвигающийся сумрак.

— Это — годовщина смерти Ординала-Генерала Квинца. Это — сочельник Дня Другого шестьсот семьдесят три года назад. Мы все здесь. Все кузены. Это — самый несчастный, проклятый день Дома в несчастной, проклятой жизни Лангбэрроу.— Он начал дрожать снова. — Пожалуйста, заставьте это остановиться. Я не хочу это видеть. Остановите это. Не дайте тьме появиться снова!

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Этот сбор — один из тех обычных случаев, когда Вы встречаетесь со всей роднёй, которую обычно избегаете, обмениваясь лишь открытками на Рождество. Есть что-то общее с семейством Форсайт — все эти ужасные праздники с последними сплетнями. В основном большинство кузенов знают, о чём они говорят, и что нужно сказать, чтобы порадовать собравшихся.

В «New Adventures» есть различные единицы валюты галлифрейцев. Пандак назван в честь одного из президентов, из серии «Deadly Assassin»²⁸ мы знаем, что их было, по меньшей мере, трое. Мало чем отличается от французских луидоров.

²⁸ «Deadly Assassin» — серия с Четвертым Доктором.

ГЛАВА 7

ВОССТАНИЕ ИЗ ТЬМЫ

Когда пришла Лила, офис Андреда был пуст. Даже его личный секретарь отсутствовал, но у К-9 были свои методы, как обойти коды на дверях, и они попали внутрь достаточно скоро.

Лила села на стул Андреда и принялась размышлять.

— Жду приказаний, хозяйка, — сказал К-9.

— Кто ещё знает Доктора, К-9? — спросила она.

— Множество людей знакомо с хозяином Доктором.

Перечислить их местоположение?

— Я имела в виду на Галлифрее. Кто его друзья? Кроме Романы, Андреда и Спандрелла. И немного Родан. И Дэймона, что странно, ведь он раз в пятьдесят старше, чем выглядит. И меня, конечно.

— Еще К-9, хозяйка.

— Конечно, ты тоже, К-9. Но кто ещё действительно хорошо его знает?

К-9 с треском раздумывал.

— Хозяйка? «Кто хорошо знает» подразумевает долгую продолжительность знакомства?

Лила повернулась на стуле.

— Возможно. Но если это так, то люди, которые знают человека лучше всех — его родители.

— На Галлифрее нет никаких родителей.

— Нет, — вздохнула она. — И это весьма печально.

— Поэтому самые ранние знакомые Доктора — его кузены из Дома Лангбэрроу.

— Мы ходим кругами, — ответила она. — Ведь должны были остаться кузены.

— Хозяйка?

— Семья Доктора. Люди покидают деревню, К-9. Это — инициация, когда они оставляют племя, чтобы охотиться в лесу в одиночку. Это — всего лишь Дом, который исчез.

— Дом — это люди, — сказал К-9.

Лила удивилась.

— Но должны были остаться отчёты других кузенов.

— Ответ отрицательный, хозяйка. Отчётов нет. Я проверил.

Она потянула бусинку из волос.

— Что с ними случилось? Не могли же они все умереть.

К-9 опустил голову.

— Информации нет, хозяйка.

— Тогда мы должны найти их.

Она подумала и добавила:

— Тебе известны коды доступа хозяина Андреда? Те, что он не хочет рассказывать мне.

— Минуту, — сказал К-9.

Снова раздался треск, который наводил на мысль, что он откуда-то получал данные.

— Подтверждаю, хозяйка. У меня есть коды.

— Что ж, только не говори мне. Я не должна знать.

— Подтверждаю.

— Теперь используй коды, которых я не знаю, чтобы открыть доступ к системе хозяина Андреда.

Из центра головы К-9 выдвинулся датчик, который коснулся порта на столе Андреда.

— Доступ разрешён, — сказал К-9. — Отсюда у меня есть доступ к восьмидесяти шести тысячам трёхсот сорока шести системам.

— Хорошо, — сказала Лила. — Он не мог проверить их все. Узнай, не содержит ли какая-нибудь из них слово «Лангбэрроу».

* * *

— Почему здесь всё настолько большое? — спросил Крис.
— Я имею в виду, вся мебель.

Аркхью снова вытер нос рукавом.

— Это — Дом, — ответил он, словно это всё объясняло.
— Разве у Вас нет дома?

— Есть, но он непохож на этот, — сказал Крис. — Мы садимся на стулья. Вы же должны взбираться на них.

Аркхью выглядел изумлённым.

— Мне казалось, что все Дома именно такие. Когда Вы покидаете дом, Вы растёте. Мебель здесь большая, чтобы Вы могли понять, как малы.

Крис быстро отошёл в сторону, поскольку высокая женщина по имени Инносет поспешно прошла мимо них. Как кто-то на пробежке, подумал Крис. За ней, опираясь на трость, следовал пожилой человек в темно-зелёном, который присутствовал в кабинете.

— Кузен Глоспин, — пробормотал Аркхью, не пытаясь замаскировать свою ненависть.

— Я догадывался, — сказал Крис.

— Инносет, — позвал Глоспин. — Мне нужно с Вами поговорить.

Он схватил её за руку и потянул в альков одного из окон.

— Я оставил в своей комнате некоторые документы, но кто-то забрал их.

— Да, — просто сказала она. — Здесь скучали по Вас. Я приходила к Вам, но Вы были заняты своим «посетителем» из клана.

Глоспин раздражённо постукивал тростью по полу. Он хмурился в ответ на взгляды, которые бросала на них семья. Крис последовал за Аркхью, чтобы получить место в первом ряду.

Старик наклонился к Инносет и прошипел:

— Капитан привёз устройство, чтобы передать разум Квинца в Матрицу после его смерти. Как требует обычай.

— Естественно, — сказала Инносет.

— Подождите, — прошептал Крис Аркхью. — Это означает, что Квинц ещё жив?

Маленький человек посмотрел на него в замешательстве.

— Он ещё не прочёл своё завещание.

— И документы? — продолжила Инносет.

— Молчите! — предупредил Глоспин. — Это частные бумаги, до которых Вам не должно быть дела.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Вы, наверно, сошли с ума. Это Ваше исследование... это — дикая ерунда. Никто не поверит Вам.

— Я хочу, чтобы Семья раз и навсегда была очищена от этой чудовищной инфекции.

— Я запрещаю это, — сказала она. — Те документы не попадут в руки клану.

Его худые плечи затряслись от смеха.

— Инносет, Инносет. Возвращайтесь к своим книгам.

— Если клан прочтёт те бумаги, то Лангбэрроу станет посмешищем. Оуис приносит много неприятностей, но Вы — еще хуже.

Он внезапно успокоился.

— Я и не жду, что Вы поверите. Но Вы уже прочитали документы и, таким образом, знаете, что я прав. Не заикливайтесь на нашей семье, мое открытие повернёт всю историю и всех Ваших драгоценных классиков на их головах.

— Богохульство. — Её лицо стало каменным. — Я не знаю, с кем Вы связаны, Глоспин. Но я не позволю Вам распространять эту непочтительную ерунду. Я сама поговорю с капитаном.

— Капитан уже ушёл. Я полностью уполномочен, чтобы трансформировать разум Квинца в мой. — Он взял её за руку. — Ваша преданность весьма трогательна, кузина. Но Вы не можете поспорить с генетическим доказательством. Вы поймёте... шок однажды пройдёт. Наша Семья пригрела змею на груди. И что за змею!

— Он всё ещё жив, и по-прежнему наш кузен. Таким образом, у Оуиса нет законного права!

Инносет потеряла обычную сдержанность.

— Вы видели его! В Капитолии Вы встретились с...

— Осторожно, — сказал он. — Это имя запрещено, помните?

Она опустила голову, глубоко вздохнула и попыталась прийти в себя.

— Что случилось с Вашей рукой? — спросила она.

Глоспин отогнул рукав, и Крис заметил, что по всему предплечью проходил воспалённый шрам от ожога.

— Это — пустяк. Несчастный случай на факультете евгеники. Это заживёт. Теперь отдайте мой документ.

— У Вас есть копии, — сказала она.

Глоспин покачал своей старой головой.

— Глубоко в Ваших сердцах Вы знаете, что я прав. Вы опоздали, кузина. Квинц может появиться здесь в любой момент. И после того, как старый дурак прочитает вслух о моём наследовании, я использую своё законное право как новый китриарх семьи.

— Извините меня, кузены, — произнес Оуис, пытаясь привлечь их внимание. — Кто-то сказал, что учитывая, как прошла замена, с тем фактом, что особенности могут вызвать регенерацию, я почти вдвое менее умён, чем они ожидали.

Он сделал паузу и выглядел сбитым с толку.

— Это — комплимент?

— Болван! — Глоспин поднял трость, чтобы ударить Оуиса, но в этот момент прозвучал громкий удар гонга. Дальние двери зала широко распахнулись.

Аркхью схватил Криса за руку.

— Начинается, — прошептал он.

Толпа гостей разошлась, чтобы пропустить кортеж. Во главе, сопровождаемая эскортом почти вдвое выше, шла старая женщина в чёрном, которую Крис видел на кресле-качалке. Она обвела семью злобным взглядом и церемонно прошла вперёд, к высокому постаменту.

— Это бабушка? — спросил Крис.

— Вы имеете в виду кузину Саттралоп? Она — домоправительница.

Аркхью начал отворачиваться, но Крис задержал его.

— Думаю, что Вы должны выговориться, Аркхью, — сказал он. — Расскажите обо всём, что, по Вашему мнению, важно. Просто отнеситесь ко мне как к случайному прохожему.

— Моя семья — позор, — сказал Аркхью в отчаянии.

Он кивнул младшей версии себя, которая нетерпеливо проталкивалась сквозь толпу.

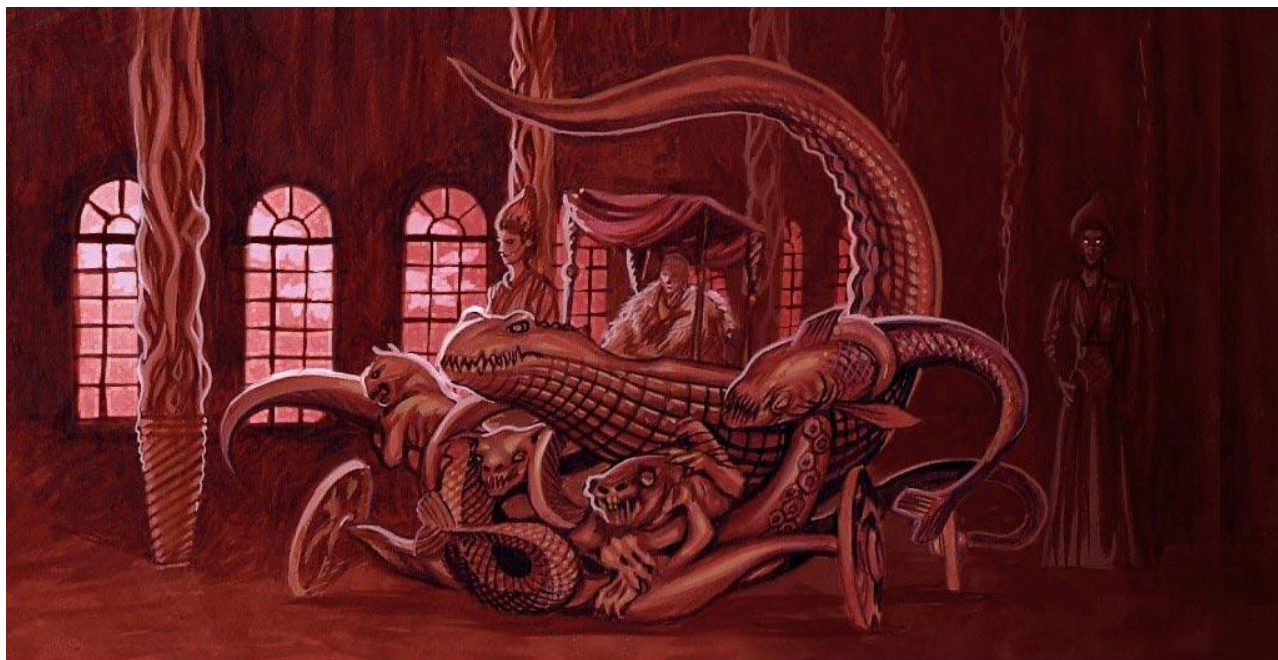
— Они получают то, чего заслуживают.

Крис пожал плечами.

— Все семьи похожи на эту. Знали бы Вы мою...

Позади Саттралоп заскользили два огромных деревянных слуги (драджи Дома, сказал Аркхью), их угловатые лица было трудно различить в искусственном освещении. Массивный декоративный катафалк между ними, очевидно, двигался самостоятельно. Он был вырезан из чёрного дерева и покрыт внушающими страх животными из различных мифологий. Их эмалевые глаза привлекали внимание.

Вырезанный хвост полз позади него. На катафалке сидел высохший старик, которого Крис видел в зеркале Саттралоп.

— Ординал-Генерал Квинц, — предположил Крис. — Как он может быть жив на своих собственных похоронах?

На старике была меховая накидка. Его голова склонилась в сторону, будучи слишком тяжёлой для его худой шеи.

— Он — китриарх семьи, — сказал Аркхью. — Это выбранная им годовщина смерти. Именно поэтому он едет на церемониальном катафалке. Он не умрёт, пока не прочтёт завещание вслух. Тогда он будет предан земле в семейном склепе под Домом.

— Если он продержался так долго, — начал Крис, хотя сразу испугался ответа, — сколько же ему лет?

Аркхью на мгновение задумался.

— Я не помню. Думаю, что достаточно много. К настоящему времени ему должно быть более семи тысяч.

— Что?! — взорвался Крис. — Семь тысяч лет?

— Плюс-минус сто, — ответил Аркхью. — Не забывайте, что более поздние инкарнации обычно существуют меньше.

— Подождите минуту, — сказал Крис, собираясь с мыслями. — Это случайно не Галлифрей?

На лице Аркхью выразилось полнейшее недоумение.

— Тишина! — прокричала Саттралоп и ударила жезлом по полу. — Дом Лангбэрроу приветствует воссоединение семьи на этом торжественном событии, тринадцатой и заключительной годовщине смерти четыреста двадцать второго китриарха Квинцессетианобайолосатугразададеуилангбэрроумаса.

Похожее на руку кресло подкатилось к ней, и она забралась внутрь. Она ждала, пока старик приблизится к постаменту, чтобы начать церемонию.

Крис начал пробираться ближе сквозь толпу, иногда в прямом смысле, таща за собой Аркхью. Он указал на объекты, сложенные возле катафалка Квинца.

— Подарки на годовщину смерти, — сказал Аркхью. — Они будут преданы земле вместе с ним.

Квинц, продолжая покачивать головой, начал обводить взглядом собравшуюся толпу. Через некоторое время семья начала перешёптываться между собой. Саттралоп в глубине кресла нервно сжимала пальцы.

— Ну же? — поторопила его домоправительница. — Ваша аудитория ждёт. Произнесите ту бесконечную речь, которую Вы сочиняли в течение всего прошлого года.

Квинц откашлялся.

— Нет, — прокаркал он.

— Нет? Что значит «нет»?

Старик слегка застонал.

— Только, когда соберутся все кузены.

— Мы ждём, — решительно сказала она, как будто старик был наполовину глухим. — Все сорок четыре. Если хотите, можно устроить перекличку.

Он покачал головой.

— Нет. Никакой речи, пока здесь не все кузены.

Раздалось громкое фырканье животных. Катафалк, на котором сидел старик, раздражённо дрожал.

— Драджд! — позвала Саттралоп одного из слуг. — Принесите мне семейный регистр.

Когда существо исчезло вдали, Саттралоп наклонилась к Квинцу. Её лицо светилось яростью.

Крис подошёл поближе, чтобы услышать, что она шептала старику.

— Я знаю, что Вы готовы. Я знаю, кого Вы имеете в виду. Это уже обсуждалось. Тот злодей был лишён наследства и изгнан из семьи. Вы сделали это сами.

— Это не было окончательным решением, — проворчал Квинц.

— О, да, это было. Он мёртв — или почти — и он был заменён.

Кузены обернулись, чтобы посмотреть на Оуиса, который глупо улыбался, стоя возле Инносет.

— Решение не было окончательным, — повторил Квинц.
— И не будет, пока я не объявлю об этом.

Толпа начинала волноваться. Сообщалось, что Дом Лангбэрроу обсуждался на чрезвычайном собрании Совета кардиналов клана Прайдон.

Кто-то крикнул:

— А как насчёт рождения кузена-замены? Разве законно, если умерший будет ничьим?

Кресло Саттралоп подняло старуху высоко над толпой.

— Кто оскорбляет Дом? Смерть Рассилона! Любой, кто подвергнет сомнению честь этого Дома, ответит мне! Вы хотите лишиться наследства?

— И сколь многих Вы сможете его лишить? — перебил другой голос.

— Что насчёт нашего наследства? — крикнул третий, утопая в хоре согласных с ним.

Аркхью упал на пол, его скрыл лес рук, поднявшихся, чтобы начать новую панику.

— Пожалуйста, остановите его, — прошептал он. — Я не хочу видеть. Я не могу перенести это. Не снова!

Он неожиданно прыгнул и вцепился Крису в лодыжку. Тот застыл, не имея возможности переместиться, поскольку маленький человек держался за него, не имея сил смотреть на приближающийся ужас.

Внезапно наступила тишина. Квинц изо всех сил пытался спуститься с катафалка. Он позволил оставшемуся драджу спустить его на пол, а затем оттолкнул в сторону с презрением. Саттралоп не предприняла попытки помочь, когда он, хромя, подошел к её креслу и опёрся на спинку.

— Вы — толпа самолюбивых нытиков. Где Ваше чувство семейной чести? В Вас так же мало ума как в землеройках²⁹. Ни один из Вас... Нет, ни один не достоин стать моим наследником.

Из толпы слышались новые оскорбления. Крис обернулся и увидел, что Глоспин стоял позади. Он смотрел прямо на Саттралоп. На его лице появилась зловещая улыбка.

Саттралоп вновь ударила жезлом.

— Тишина! Сколько ещё позора Вы добавите Дому и станку, из которого появились? Разве этого уже не достаточно?

Как будто в ответ, дрожь пронеслась через все основание Дома. Аркхью завизжал и крепче ухватился за лодыжку Криса.

— Прочитайте завещание! — кричали кузены. — Насчёт нашего наследства!

— Никогда! — Квинц снова сел. — Только, когда здесь соберутся все кузены.

— Разве Вы не понимаете, кого он имеет в виду? — сказал Глоспин. Он начал пробираться сквозь кузенов, расталкивая их своей палкой. Он подошел к постаменту и повернулся лицом к семье. — Разве Вы не знаете, кого он ждёт? Это же очевидно!

И Крис знал также. Кузен, чьё имя было запрещено; кто никогда не появлялся вовремя; кто так отказывался оставаться на одном месте.

²⁹ Землеройка (Tafelshrews) — галлифрейское съедобное млекопитающее, похожее на грызуна.

Крик усилился.

— Хорошо! — произнесла Саттралоп. — Если это — то, чего Вы хотите. Тогда мы будем ждать столько, сколько Квинц посчитает нужным!

Она вновь ударила жезлом. Раздался треск, и орбиты часов над ними стали поворачиваться.

Часы зазвенели. Большие двери в зал захлопнулись. Дом начал дрожать. Кузены смотрели друг на друга в тревоге.

— Нет! — закричал Глоспин. Он хотел подбежать к Квинцу, но замешкался и запнулся. Его лицо побледнело, и он схватился за грудь. Затем Глоспин свалился на дрожащий пол.

Кузены запаниковали, ища выход, но двери были заблокированы драджами.

Крис закричал, поскольку Аркхью принялся выкручивать его лодыжку. Маленький человек указывал на часы на галерее. Худая фигура поворачивалась и вращалась на соединяющихся сферах. Это был Аркхью, его отдалённое лицо было искажено в безмолвном крике.

— Мне это снится, — закричал Аркхью. — Это — сон!

Крис неожиданно понял, что лежит на полу чердака с паутиной на глазах. Не мой сон точно, подумал он. Мне показывают его, потому что кто-то хочет, чтобы я знал.

Сотрясение усиливалось. Большие столы внезапно бросились в бегство через зал, скидывая еду. Один из кузенов в порыве был растоптан. Пыль слетала со стропил. Встревоженные летучие мыши порхали над головами испуганных кузенов.

Грохот перерастал в ревущее землетрясение, темнота, более чёрная, чем серебристые сумерки снаружи, заполнила высокие окна.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Обычно, когда я пишу главу, то представляю в голове образ актёра. Иногда мне везло найти подходящий типаж — это помогало и мне, и, возможно, режиссёру, лучше понять персонажа. В конце 1980-ых я думал о покойной Патрисии Хейс, худощавой и с внушающей страх энергией, как о Саттралоп, о Майкле Мэлони, как о очаровательной, но очень противной молодой версии Глоспина (который в книге загадочным образом превратился в двойника Макганна), и я считал, что Питер Кушинг мог бы быть идеален в роли Квинца. Сейчас, я бы всё отдал за Лесли Филипса. Инносет я представлял как Анджелу Даун, которая была по-настоящему прекрасна в роли Марии в «Войне и мире» Би-би-си. Сегодня я подумал бы о замечательной Джине Макки. В качестве альтернативы, я был бы рад, если бы кузенов играла «Лига джентльменов» во главе с Марком Гэйтиссом в роли Инносет.

Кузина Саттралоп — домоправительница — связь между Домом и его жителями. Она находится в телепатическом контакте со зданием, ответственна за ритуалы и ежедневное управление с помощью её слуг драджей. Она воплощает чувство собственности и фамильной чести. В её роли виднеется некий остаток власти Пифий — древних правительниц Галлифрея.

Ординал-Генерал Квинц — китриарх, глава семьи. Пожилой родитель, который хочет только лучшего для своего потомства. Он давно признал потенциал Доктора и

планировал карьеру для своего протеже. К сожалению, у Доктора были свои собственные идеи...

Альтернативный Квинц появлялся в конце главы, с Аркхью, вращающимся на часах, кузенами, находящимися в панике, и темнотой, покрывшей окна, это было самое первое визуальное изображение, которое я придумал для «Лангбэрроу», даже прежде, чем я придумал эту историю.

ГЛАВА 8

ОСКОЛКИ

— Что происходит? — прошептал Крис. — Что случится дальше?

Вместе с темнотой наступила полная тишина. Аркхью продолжал цепляться за Криса, слишком потрясённый, чтобы говорить.

Зеркало действительности взорвалось, как раскрывающийся цветок. Кусочки времени в осколках разрушенного зеркального стекла пролетали мимо них. На осколках изображались различные сцены; пролетая взад и вперёд, они создавали тоннели из яркого света и эха прошлого: память о кошмарах, что преследовали потемневший Дом.

Крис и Аркхью стояли вместе, вечные, как само время, танцующее и раскалывающееся вокруг них.

В Зале испуганные кузены пытались открыть главные двери. Огромные драджи удерживали их. Инносет поднялась на постамент. Она пыталась успокоить толпу кузенов. Кто-то что-то бросил. Инносет схватилась за лицо, оно кровоточило в месте удара.

В деревянной коробке кричало маленькое существо, похожее на землеройку.

Глоспин лежал в кровати под пристальным взглядом Саттралон, сидевшей рядом. В приступе внезапной судороги

он схватил её за руку. Затем его блестящие глаза закрылись. Саттралоп сняла чёрную розу со своей шляпы и положила ему на грудь.

— Скатертью дорога, — прошептал Аркхью.

— Он действительно мёртв? — спросил Крис. — Глоспин умер?

— Конец его планам! — Аркхью указал на осколок зеркала, который пролетал мимо. — Посмотрите туда.

Кузены собрались вокруг каменного постамента в зале. Они цеплялись за него, как испуганные дети держатся за мать.

Воск капал с наклонённой свечи. Он падал в блюдо с водой, застывая в причудливых формах, похожих на шляпки грибов. Инносет держала свечу, на её лице отображались гнев и страх.

Саттралоп ругала Квинца в его комнате, дополняя слова жестикующей и взглядом. Он, совсем не хилый, смеялся над ней. Он отвернулся, чтобы продолжить работу над огромной пушистой формой, лежавшей на столе.

Внезапно отражение в пределах осколка раскололось на десятки идентичных небольших изображений. Фигура с кинжалом с двумя лезвиями наносит удар в оба сердца Квинца. Квинц смотрит с недоверием и изрекает единственное слово:

— Ты.

— Убийца! — завизжал Аркхью. — Это был он!

— Кто? — спросил Крис.

— Он вернулся, чтобы сделать это! Это был он!

Со стола ручьём полилось вино.

Крис схватил Аркхью за плечи.

— Кто убил старика? — потребовал он.

— Убийца, убийца... — задыхался маленький человек.

Саттралоп посмотрела на них с поверхности осколка. Её стул раскачивался. Успокаивая, убаюкивая.

Хотя Крис не мог услышать её, он понимал, что она говорила.

— Он не умер. Просто застыл. Просто ждёт. Он не умер.

Кортеж прошел мимо. На чудовищном катафалке лежало тело убитого Квинца.

— Не умер. Просто застыл. Просто ждёт. Мы все ждём.

— Всё закончилось? — Аркхью умоляюще смотрел на Криса.

— Я не знаю. Я не понимаю, — Крис стал заикаться. Убийство потрясло его. — Кто это был? Кто убил старика? Когда?

— Слишком давно. — Аркхью отошёл в сторону. — Нет, — сказал он сердито. — Ничто не меняется.

— Что мне делать? — спросил Крис. — Объясните мне!

— Нам уже показали!

Крис увидел, как в темноте появился яркий глаз. Он с жадностью смотрел на Криса. Это было зеркало, через которое он попал в этот кошмар.

Аркхью выглядел далёкой фигурой во мраке.

— Завещание, — сказал он. — Это — всё, что осталось. Где завещание?

* * *

— Опасность, хозяйка. Опасность!

К-9 убрал датчик с порта и отодвинулся от стола Андреда.

Ли́ла обернулась и увидела капитана охраны канцлера, стоящего в дверном проёме. Рядом с ним стояли два охранника.

— Оставайся на месте, — прошептала она К-9.

— Леди Лиландредлумсагвизэчегесима? — формально обратился капитан.

Она встала из-за стола.

— Можно просто Ли́ла.

Когда он зашёл в комнату, она увидела, что это был Джомдек.

— Я беру Вас под арест, — объявил он.

— На каком основании?

— Вы незаконным образом узнали секретные коды и использовали их, чтобы получить доступ к секретным данным и досье системы охраны Цитадели.

— Это коды кастеляна, — ответила Ли́ла.

— Но не Ваши, мадам. Кастелян Андред знает, что Вы использовали их?

— Его здесь нет, — огрызнулась она.

— Тогда я обвиняю Вас в измене.

— Я хочу видеть кастеляна.

— Ему сообщат.

Джомдек начал приближаться, и она бросилась за стол, туда, где стоял К-9.

— Нас предали, — прошептала она. — Передай Андреду обо всём, что мы обнаружили.

— Опасность! — предупредила собака-робот, и её нос трансформировался в ствол оружия.

Охранник с церемониальным импульсным стазером подошел к столу.

— Нет, К-9! — закричала Лила, но слишком поздно.

Тонкий лазерный луч вылетел из носа К-9, пробив стазер охранника. Он отступил, сжимая дымящуюся перчатку.

Прежде, чем К-9 смог развернуться в ограниченном пространстве, капитан Джомдек зашёл с другого конца стола. Удар его оружия обжёг руку Лиле и поразил корпус К-9. Робот ударился боком в стол и затих. Из его суставов шёл дым.

Лила обхватила старого друга, но второй охранник потащил её к себе. Она сердито ударила его локтем в живот. Когда он растянулся на полу, она повернулась к Джомдеку.

— Предатель! Вы не можете арестовать меня без приказа кастеляна.

Джомдек поднял бровь.

— Есть более высокая власть, чем канцлер и её кастелян, — сказал он.

— Когда Андред узнает об этом, он лишит Вас должности и заставит публично принести извинения.

— Если он также не будет признан виновным, — ответил Джомдек.

— Выведите чужестранку, — проинструктировал он охранников и вышел из кабинета.

Охранники посмотрели на Лилу, а затем друг на друга. Она взглянула на безжизненного К-9.

— Сопровождайте, — рывкнула она охранникам. Они уныло последовали за ней.

* * *

Крис Кведж открыл глаза и посмотрел в темноту. Воздух казался затхлым. Пол под ним был твёрдым. Достаточно твёрдым, чтобы навести на мысль, что на этот раз он бодрствует. Или он просто переместился из одного кошмара в другой? Никакой разницы между сном и реальностью. Возможно, его жизнь была чередой кошмаров. И кто-то дёргал за ниточку, чтобы связать эти сны. Он шел по ней, как по канату над пропастью. Стоп, подумал Крис. Ты увяз в философии.

Он почувствовал что-то мягкое, подложенное под голову. Крис присел и увидел, что это — пуловер Доктора, аккуратно свёрнутый в подушку.

Никаких признаков самого Доктора.

Кожа Криса зудела. Он посмотрел на свою одежду. Он был весь в пыли. Он громко чихнул и услышал, как что-то пропищало, убегая, позади него.

Маленький стол, испуганный чиханьем, замер на полпути. Он слегка раскачивался, словно от любопытства. Крис чихнул снова, и стол скрылся в темноте на своих длинных и тонких ногах.

— Чёрт, — пробормотал Крис. — Я всё ещё здесь.

Он почесал руки, чтобы избавиться от пыли. Было бы неплохо принять ванну.

Он не удивится, если окажется, что это — Галлифрей. Место, в котором он побывал на много лет раньше. Шестьсот

семьдесят три года назад, если быть точным. Во всяком случае, так ему сказали.

Поблизости находилось зеркало в форме глаза, с клочками порванной паутины на нём. Масляная лампа Доктора стояла высоко на столе.

Рядом с ней, в пыли на поверхности стола, была надпись «Крис, оставайся на месте, ничего не трогай».

Крис взял лампу и попытался разглядеть ТАРДИС, но её нигде не было видно.

— Доктор?— тихо позвал Крис.

Он аккуратно прошёл мимо массивной мебели, словно боясь, что она может невзлюбить его и раздавить своей угловатой конструкцией.

Он остановился рядом со свободным пространством между антиквариатом, где особенно сильно сгущались тени. Отсюда он мог увидеть противоположную стену. Но где, чёрт побери, была ТАРДИС?

Где-то на Большом Экстансе сейчас был розовый коралловый пляж, где рядом с гамаком плавал антигравитационный поднос, на котором стояли два высоких стакана с напитком цвета индиго — или восходящей луны на Эбаквул Ксо. Так говорилось в брошюре. Его имя уже стояло на кусочке лайма в одном стакане. Другой стакан был зарезервирован для кого-то, с кем он мог встретиться. Раскачивающийся гамак был велик даже для двоих.

Но, всевышняя богиня, Доктор бросил его.

Крис продолжил идти. Когда он вошёл в темноту, то уронил лампу и ухватился за угол. Он понял, что находится

на краю дыры. Он схватился за стул, и взобрался на его оббитое мягкой обивкой сиденье.

Разбитая лампа осталась лежать в темноте где-то внизу.

Стул заскрипел, словно протестуя. Крис лежал, учащённо дыша. Его колено стало влажным от полированной древесины.

Он находился в полной темноте. Один. Несмотря на переоценку ценностей и внутреннюю гармонию после монастыря Доа-но-наи-хейя, он действительно скучал по Роз. Они сказали, что он переживёт это.

Он не осмелился двигаться. Если ТАРДИС действительно провалилась в скрипучий пол, был ли Доктор внутри? Или они просто покинули это место? Сбежали, оставив Криса?

Он задумался, давно ли это место было заброшено. Когда происходили события, что он видел. Был ли Доктор тому виной? И убийству тоже?

— Доктор! — закричал Крис. — Ты мог оставить записку получше!

Он знал, на что был способен Доктор, но он же не сделает так, верно? Не убьёт? Я имею в виду, нужен серьёзный повод, чтобы вернуться ради убийства главы собственной семьи. Но Аркхью узнал его. Нет, исходя из того, что он увидел шестьюстами семьюдесятью тремя годами ранее — Аркхью был очень точен — Крис не сомневался относительно истории маленького человека.

Вряд ли бы Доктор признался ему. Доктор ни в чём не признавался. Единственной вещью, что, казалось, страшила

его, был Дом. Крис никогда не видел его настолько скрытным.

Судья не выносит решение, пока улики не доказаны и не проверены.

Крис протянул руку и провёл пальцами по полу. Он был полон осколков.

Места, так же, как и машины, могли сделать запись событий. Возможно, Дом был свидетелем-экспертом. Чёрт возьми, Роз. Что я делаю?

Его глаза, наконец, привыкли к темноте — больше не мрак, просто тени. Он аккуратно встал на ноги и начал отходить как можно дальше от дыры. Рядом он смог разобрать лестничные ступеньки, уводящие вниз. Затем он вспомнил надпись в пыли: «Крис, оставайся на месте, ничего не трогай».

Доктор был всё ещё здесь. Он просто ушёл, чтобы найти ТАРДИС.

Крис схватился за поручень и опустил ногу, пробуя первую ступеньку. Шаг за шагом он начал спускаться, уходя всё глубже в темный и настороженный Дом.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Эта глава начинается с картин, изображающих последовательность действий Дома. Возможно, это навеяно большим количеством просмотренных передач, но мой стиль, кажется, очень визуален. Фактически, я знаком с большинством классики литературы именно по экранизациям. Я прочитал довольно многие из них впоследствии, но всё равно представляю их как в телевизионной версии.

Патрик Траутон как великолепный злодей Квилп, Алан Бэйдл как граф Монте— Кристо, Франк Финли как Жан Вальжан. Диснеевские версии затмевают любую другую интерпретацию.

Монастырь Доа-но-наи-хейя является отсылкой к предыдущей книге НА, эпосе Кейт Орман «The Room With No Doors».

Для этой версии книги я вырезал большую часть второй половины оригинальной восьмой главы. Это перегружало информацией — в ней описывалось, что делал Доктор в то время, пока Крис был без сознания, и было совершенно лишним для сюжета. Так что вот.

ГЛАВА 9

БЕЛОСТВОЛЬНЫЙ ДОМ

Мороз в огне и кресле-качалке

Мороз в очаге, мороз в ковше

Детские голоса витают в воздухе

Ветер качает пустую колыбель.

(Среднегаллифрейская детская песенка)

— Я не хочу, чтобы ты шатался по коридорам, Оуис. Особенно после наступления темноты.

Инносет собрала упавшие карты. Она упаковала их в ящик и заперла его.

Оуис, никогда не предлагавший помочь, наблюдал за нею с кресла. Он состроил гримасу.

— Потому что Дом встревожен? Поэтому часы звенели?

— Это невозможно. Часы умерли несколько столетий назад.

— Я думал, что ты знаешь всё. Это было ещё одно предзнаменование?

Можно было сказать, что он издевался над ней.

— Аркхью не придёт, — резко ответила она.

Джобиска, которая, предположительно, спала в углу кресла, открыла глаза и сказала:

— Оуис поспорил с Аркхью, что знает, где спрятано завещание.

— Опять? — спросила Инносет.

Оуис сердито указал на Джобиску.

— Всё это время старая кочерга скрывала это.

Джобиска сжалась в своём кресле. Она приложила к глазам серую фланель.

— Я больше не хочу уходить, дорогая. Никто не выгонит меня отсюда. Если бы Вы позволили мне уйти, я бы не услышала так много.

— Оуис, — сказала Инносет. — Тебе не надоели эти игры? Потому что большинству из нас надоели.

Оуис усмехнулся.

— Аркхью никогда не вырастет. Что же здесь ещё произошло?

Она покачала головой.

— Я обвинила кузена Глоспина.

— Хорошо, — заметил он.

— И что ты на этот раз сказал Аркхью, где спрятано завещание?

— Я только предложил. Мне казалось, что никто там прежде не смотрел.

— Все искали повсюду, — ответила она. — Так где?

Оуис пожал плечами.

— Не скажу.

Инносет посмотрела на Джобиску.

— В часах, дорогая, — произнесла старая дама. — Вот, что он сказал.

Снаружи раздались шаги.

К тому времени, когда дверь открылась, трое обитателей комнаты сидели возле пустого очага, в тишине созерцая друг друга.

Драдж ворвался в комнату так, как будто искал незаконную и запрещённую вечеринку. Ни один из кузенов не оглянулся. Огромный слуга недолго понаблюдал за ними. Затем он поставил тарелки с кашей на стол.

— Что-то рановато, — обратилась Инносет к Оуису, зашивая прореху в одежде.

Она посмотрела на драджа с презрением, которое тот заслужил.

— Мои кузены останутся здесь, пока не закончатся беспорядки.

Драдж подошёл к зеркалу. Он снял платок, которым был задрапировано стекло. Не обращая внимания на взгляд Инносет, он медленно и сознательно разорвал платок пополам.

Инносет проигнорировала предупреждение и продолжила рукоделие.

Комод щёлкнул. Один из ящичков открылся. Драдж достал из него набор карт.

— Проклятье, — пробормотала Инносет.

Кузены наблюдали в тишине, как драдж собирает с пола упавшие карты. Он открыл в себе ящик и бросил туда пакет. Заблестев ярче от триумфа, драдж вышел из комнаты. Дверь закрылась.

Инносет распустила стежки, которые только что сделала.

— Это были мои лучшие карты, — пожаловалась она. — Последние, чёрт возьми. Они проверяли нас.

Оуис посмотрел на пустое зеркало.

— Возможно, ему сказала Саттралоп?

Инносет кивнула.

— Именно поэтому они принесли еду пораньше. Но если Саттралоп бодрствует, она уже в курсе.

Так как домоправительница не покидала своё кресло в течение семидесяти одного года, а комнату с тех пор, как западное крыло было атаковано личинками сто двенадцать лет назад, вероятность того, что за ними наблюдали, была крайне низкой. Но Инносет решила закрыть зеркало. На всякий случай. Она взобралась на туалетный столик и повесила обе половины платка на зеркало так хорошо, как смогла.

— Они должны понимать, что что-то происходит, — сказала она.

Оуис посмотрел на тарелку с кашей.

— По крайней мере, они не забрали еду.

— Не сейчас, — Инносет погрозила пальцем. — Тебе нужно узнать, что случилось с Аркхью.

— Что? — изумился Оуис. — Туда? В темноту? Но ты сказала... А как же ужин?

— Победа слаще после ожидания, — ответила Инносет.

— А вдруг случится что-то непредвиденное? Это подождёт.

— Не спорь. Тебе шестьсот семьдесят пять, и уже пора взять на себя некоторую ответственность.

— Но... — Он с тоской посмотрел на тарелку с кашей.

Она снова подняла иглу.

— Тем более, что это — полностью твоя вина.

Кухня была пустой пещерой рядом с чердаком Дома. Крис спустился по темной чердачной лестнице, привлечённый светом двух бледных ламп, висевших над рядом каменных духовок. Когда-то это было кухней гигантов из его сна, но дни, когда здесь готовили, давно прошли. Паутина покрыла кастрюли и неглубокие сковороды. Ряд ржавых ножей лежал на решётке. Крис подумал, что здесь разделялись и поджаривались туши животных, иногда целиком.

Даже спустя столько лет здесь чувствовался запах кухни. В дальнем конце находились доказательства, что место по-прежнему использовалось. Связки высушенных грибов свисали с потолка. К своему отвращению Крис заметил, что одна связка состоит из небольших коричневых грызунов, подвешенных за хвосты.

Горшок, достаточно большой, чтобы называться котлом, стоял в очаге. Жирное серое мясо шевелилось в горшке, как будто до сих пор было живо. От него исходил запах, словно Дом был всё ещё обитаем.

На столе стояла тарелка с несколькими бледными грибами. От них тоже пахло.

Когда Крис прошёл через центр кухни, ряд ковшей начал звенеть, словно призывая к тревоге. Он нырнул в самый близкий дверной проём и почти услышал шаги гигантов.

Ковши замолчали, как только он исчез.

Крис продолжил спускаться по лестнице.

Белые стволы дерева были повсюду, выравнивая проходы и создавая арки, между которыми находились твёрдые стены. Иногда здесь мерцали лампы, которые наполняли коридоры Дома призрачным светом.

Подойдя к подножию лестницы, Крис услышал отдаленный свист. Что-то вроде уии-ху.

Он медленно сделал шаг вперёд.

Уии-ху.

Он посмотрел на галерею. Одна сторона была открытой как балкон. Крис предположил, что это большой зал.

Доктор стоял в сводчатом проходе на полпути к галерее, сверкая во мраке балюстрады.

Уии-ху.

Он свистел в темноту, повторив несколько раз.

Крис хотел присоединиться к нему, но сдержался. Он должен был увидеть, что произойдёт дальше. Под ним скрипнула половица. Доктор напрягся и стал осматриваться.

Крис вернулся назад. Чтобы его не заметили, он поднялся вверх по лестнице в кухню. Он должен был разобраться с этим местом прежде, чем Доктор начнёт навязывать свою точку зрения, как делал каждый раз.

Он осторожно прошёл по кухне, боясь, что ковши начнут звенеть, когда услышал шаги. Он быстро нырнул в тайник за дверью.

Здесь было прохладно, хотя запах напоминал прогорклый сыр. Дверной проем был перекрыт двумя металлическими распорками. Крис прижался к двери. Поверхность была удивительно холодной на ощупь.

Шум дыхания выдавал его.

Что-то царапнулось с другой стороны двери. Затем последовал удар, будто что-то стало таранить барьер собой.

Зловоние сыра чувствовалось сильнее. Крис посмотрел в глазок в двери.

В темноте с другой стороны раздалось шипение. Глазное яблоко с серыми венами и косым чёрным разрезом внезапно посмотрело из отверстия на него.

Крис вздрогнул. Он слышал движение в кухне. Ему больше негде скрыться. Он почувствовал, как напряглась дверь, поскольку что-то изнутри продвигалось наружу. В дюймах от него, глазное яблоко начало извиваться в глазке. Оно вертелось в своём новом гнезде, и, не мигая, смотрело на него.

Он хлопнул по глазку. Раздался шипящий гневный визг и давление ослабло.

Доктор вытер руку о брюки и посмотрел на Криса. Его лицо ничего не выражало.

— Что это было? — спросил Крис.

— Откуда мне знать? — лаконично ответил Доктор. — Видимо, его привлёк запах.

— Извини, — сказал Крис.

— Неважно, — Доктор оглянулся на кухню. — Ты просто увидел что-то противное в кладовой, вот и всё.

Крис продолжал дрожать.

— По-моему, оно тоже видело меня. — Он протянул джемпер Доктора. — Я принёс тебе это.

Доктор взял джемпер, вытер им руки и положил на стол.

— Мы должны найти ТАРДИС. Она провалилась под пол.

— Я так и подумал, — ответил Крис. — Насколько глубоко он уходит вниз?

— Очень глубоко.

С главной части кухни слышался чавкающий звук. Доктор нервно оглянулся.

— Просто мясо тухнет, — сказал он.

— Мы должны найти ТАРДИС, — ответил Крис, выходя в коридор. — Эта кухня пугает меня.

— Фи-фи-фо-фам³⁰, — произнёс Доктор. Он задержался в дверном проёме.

— Тебе знакомо это место? — спросил Крис.

Доктор покачал головой.

— Ничуть.

— Или на какой мы планете?

— Понятия не имею. ТАРДИС, должно быть, отклонилась от курса.

— Кажется, ты говорил, что кто-то изменил модуль векторного генератора.

— Ах, ты помнишь об этом, — Доктор неуверенно улыбнулся. — Почему бы тебе просто не спуститься вниз и не начать поиск?

— Мне?

— Да. Это место выглядит огромным, и есть в нём что-то, что... в чём мне нужно разобраться. Я просто взгляну, Крис. А ты пока иди и постарайся найти ТАРДИС.

³⁰ Fee-fi-fo-um — первая строка четверостишия из английской сказки «Jack and the Beanstalk» («Джек и бобовый стебель»).

— Предположим, что я столкнусь с кем-то?

— С крупным судьёй вроде тебя? — ответил Доктор. —
Здесь темно. Оставайся в тени.

— Хорошо, — сказал Крис. — И если покроюсь пятнами, то, по крайней мере, они не узнают меня.

Внезапно в глазах Доктора вспыхнула ярость.

— Почему? С кем ты говорил?

— Ни с кем, — беспечно ответил Крис. Чёрт, подумал он. Чуть не проговорился.

* * *

Кузен Аркхью цеплялся за край станка. Две тусклых масляных лампы, которые стояли на резном каменном катафалке, ничуть не рассеивали тени Большого Зала.

Он дрожал. Он переполз весь Зал, начиная с того места, где он упал с часов. Токсины в пыли, должно быть, расслабили его, потому что, не считая нескольких ушибов, он был невредим.

Единственные шрамы были внутри. Двойная боль от страдания и отчаяния. Близость к живительным энергиям сердца дома должна была утешить, но каменная стена была холодной и безразличной. Бесплодной, подумал он.

В своём уме он слышал шепчущие голоса давно потерянных кузенов, зовущих его, чтобы присоединиться к ним. Чего он ждёт здесь? Почему один? Отзывающиеся эхом голоса стали руками, которые протянулись к нему. Он хотел уступить их объятьям и уйти в темноту. Ту темноту, где он больше ничего не сможет помнить.

Но он не мог забыть то, что видел. Он подтянулся к постаменту Станка и вытер пыльный стеклянный гроб, который лежал на вершине. Фигура, лежащая внутри, выглядела спокойной и безмятежной. Букет свежих цветов лежал на древней груди Квинца. Цветов, всё ещё свежих спустя шесть с половиной веков. Не было никаких признаков колотой раны на его груди.

— Это — ложь, — сказал Аркхью голосам. — Мы все жили в ужасной лжи.

— Мы знаем, — ответили они.

— Убийца... убийца, — громко повторил он.

Ужасное преступление, за которое он должен ответить. Это имя нельзя произносить. Оно запрещено в Доме. Сквозь бормотание голосов он слышал приближающиеся шаги. Он оглянулся. Скоро начнутся сумерки. Он спустился в темноту.

— Я так думаю, — пробормотала себе Инносет. — Как я могла забыть дату? Вот дура.

Она сидела на своей кровати, переворачивая страницы альманаха. Это была одна из нескольких естественных книг в Доме — журнал, который она вела каждый день до наступления темноты. Так же, как она ежедневно заплетала волосы и работала, чтобы закончить изложение классических текстов Старого Времени — все по памяти. Единственный истинный выпуск в Доме хранился в ядре информации, и не было никакой возможности прочесть его.

Она вздохнула. Её рукописный подлинник ужасно ухудшился в последнюю сотню лет или около того. Были места, где стояли лишь непонятные каракули. В других

импровизированные чернила, сделанные из сока сапрофитов или даже, в момент отчаяния, из её собственной крови, исчезли. Сухая бумага выпила их полностью.

Всё же она надеялась, что сможет завершить. Сначала предзнаменование, и теперь это открытие. Это не имело смысла, конечно. Конец? Она даже не была уверена, что это означало. Больше не будет темноты? Не будет усталости? Починки дыр их рваной одежды? Полная чушь.

Она перевернула страницы альманаха, чтобы проверить ошибки.

Когда домоправительница Саттралоп стала более придирчивой и менее доступной, чем когда-либо, Инносет принялась самостоятельно поддерживать порядок в Доме. Она пыталась сохранять моральные устои, даже если польза от этого была только кузену Оуису. Но, несмотря на её усилия, Оуис легко отступал под влиянием кузена Глоспина. Что она могла предпринять в сложившейся ситуации? Как научить Оуиса? Несчастное существо никогда не покидало Дом. Глоспин был почти в три раза старше Оуиса, но эти двое вели себя как студенты-новички. Это было не тем образованием, о котором мечтала Инносет. Она предвидела, что когда-нибудь ей придётся сражаться с Глоспином за душу Оуиса.

Так она проводила своё время. Это была её ноша. Рутинная, которая спасала от безумия. Задача, которую ни один другой кузен и не мечтал осуществить. Она не была готова поручиться за здравомыслие любого из них. У неё также были свои тайны, но в то время, как другие нашли

собственные способы выжить или, в конечном счете, уйти, она делала то, что могла, чтобы облегчить их жизнь.

Она проверила вычисления три раза с тем же самым результатом. Полная предчувствия, она закрыла книгу и поспешила вернуться в комнату.

Джобиска снова дремала, рядом стояла тарелка с нетронутой кашей.

Инносет принялась надевать плащ и шляпу. Старая дама тут же проснулась.

— Отведите меня домой, дорогая, — принялась умолять она. — Я хочу пойти домой.

— Мне нужно выйти, — сказала Инносет. — Вы останетесь здесь.

Джобиска начала хныкать, поэтому Инносет пожала её худую руку.

— Вы знаете, какой день сегодня? Это — сочельник Дня Другого. Сегодня шестьсот семьдесят три года с тех пор, как всё это началось.

— Мне три тысячи четыреста шестьдесят два, — сказала Джобиска. — Шестая инкарнация. Я хочу пойти домой.

— Хорошо. Сперва съешьте кашу, — устало ответила Инносет. Она подошла, чтобы посмотреть на содержимое второй тарелки. Та была пуста.

— Он вернулся, — сказала Джобиска.

Инносет внезапно занервничала.

— Кто вернулся?

— Оуис вернулся, пока ты отсутствовала. Он думал, что я сплю, и съел всю кашу.

Инносет начала скреплять пряжкой свою шляпу.

— Не оставляй меня здесь, — с надеждой сказала Джобиска.

— Оставайтесь. Я скоро вернусь. — Инносет подошла, чтобы открыть дверь.

Не считая обычной спящей мебели, коридор был пуст. Лампы еле мерцали, затерянные в молчаливых снах Дома. Инносет запахнула плащ и отправилась по темным коридорам длинного Лангбэрроу в ночную мглу.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Детские стишки галлифрейцев выглядят мрачной вещью, в которой оплакивается утрата детей. Всё сводится к вине. Дети были так давно, что стали сюжетом сказок и легенд.

Драджи, кажется, забыли своё место в иерархии. Они, как предполагается, служат семье, но так как Дом взял вещи в свои собственные «руки», они ведут себя скорее как тюремные надзиратели. Дом решил, что знает всё лучше всех, как ведущие банки, которые забывают, что они — слуги общества.

После шести лет работы в столовой в 1970-х, можно было подумать, что я забыл о кухнях, но мне они по-прежнему нравятся. Они — сердце любого дома. Замечательные и странные вещи происходят на кухнях. Повара следят за юными поварами. Кухонные сотрудники в постоянной войне с официантами. Официанты живут за счет кражи устриц и копчёного лосося. И я не могу сказать Вам, что однажды видел в продовольственном магазине на набережной Саутси. «Fawlty Towers»³¹ показывают их лишь поверхностно, поверьте мне.

Вещи, которые люди хранят в кладовых, столь же захватывающи, как их книжные полки. Кладовая Лангбэрроу непохожа на другие, как бы Вы могли сперва подумать.

Мне нравится, что Доктор уклоняется от ответа, знает ли, где он. Это вносит напряжение в его дружбу с Крисом,

³¹ «Fawlty Towers» — «Башни Фолти» или «Отель «Башни Фолти» — британский комедийный телесериал 1970-х.

который достаточно честен. Но они давно знают друг друга, пройдя все те мучительные ситуации, которые укрепляют отношения. Я люблю, когда Барбара называет Первого Доктора глупым стариком; когда Второй Доктор сознательно спорит с Джейми о спасении Виктории от далеков; или когда Нисса не говорит Пятому Доктору, что они обсуждали с Адриком на Кастровальве. Можно написать целую книгу о паранойе Тиган, и у Седьмого Доктора есть небольшие разногласия с Эйс в «Ghost Light» и «The Curse of Fenric». Крис Кведж — действительно хороший парень, но его доверие Доктору входит в разногласия с его судейским образованием, что означает, что он способен подозревать любого, даже Доктора.

Инносет настолько верна традициям, что надевает шляпу и плащ, чтобы выйти в коридор. Люди обычно стремятся избавиться от прошлого. Но она вполне буквально берёт на себя всю вину в Доме. Если она не поостережётся, то превратится в невоспетую мученицу.

ГЛАВА 10

ХОРОШИЙ ДЕНЬ ДЛЯ ГРИБОВ

Чем глубже они заходили в Дом, тем громче становился шёпот. Это началось вскоре после того, как Крис с Доктором покинули кухню. Как обычно, Доктор сменил решение на полностью противоположное, и, в конце концов, отправился вместе с Крисом. Однако он пользовался каждой возможностью задержаться в бледных сводчатых коридорах, пока Крис уходил вперёд, чтобы разведать обстановку.

Шёпот, казалось, слышался отовсюду. Он просто был тут, свистящее бормотание множества голосов, которое Крис не мог разобрать. Однако, один звук непрестанно повторялся — Крис предположил, что это был смех.

Доктор отрицал, что слышит что-либо.

Ночь продолжалась, но глаза Криса уже привыкли к слабо освещённому мраку коридоров. Когда они пересекли галереи, выходящие на тёмную сторону Зала, он посмотрел вниз, и смог различить сферы больших часов на одном из нижних балконов. Высокий потолок был покрыт паутиной. Крис махнул рукой и увидел, что паутина надулась, будто парус. Он задался вопросом, что случилось с Аркхью.

— Идём, — слышался голос Доктора, и Крис перешёл в следующую комнату, чтобы отыскать путь вниз.

Возраст места был почти ощутим. Из-за белоствольных деревьев Крис чувствовал, будто идёт по таинственному

лесу, причудливые жители которого замаскировались под гигантскую мебель, чтобы наблюдать за незнакомцами, нарушившими их границы.

Доктор, у которого обычно было много, что сказать о любой новой окружающей среде, молчал. Он шёл позади Криса, погрузившись в свои собственные тёмные мысли. Крис отметил, однако, что каждый раз, когда они проходили мимо зеркала, Доктор умудрялся ронять что-то на пол. Он ползал на коленях, отыскивая пропажу только тогда, когда проходил эту часть пути.

Поскольку Крис шёл впереди, он узнал место, где во сне выглядывал из окна. Он отогнул пыльную штору и удивился, обнаружив, что окно заколочено.

На мгновение шёпот стал громче, но затем стих до прежнего уровня.

Крис быстро зашагал, пока не достиг угла коридора, ведущего к комнате Саттралоп.

— Не сюда, — сказал Доктор, внезапно оказавшись рядом. Он указал в другую сторону. — Это выглядит перспективнее.

— Хорошо, — ответил Крис. — После тебя.

На лице Доктора пролегла тень.

— Весьма любезно, — произнёс он и последовал в коридор.

Вскоре они подошли к арке, за которой находилась лестница, ведущая вниз. Ступеньки скрипели, пока они, наконец, не вышли в просторный зал с высоким стеклянным куполом. Лампы на стене таинственно мерцали. Непроницаемая темнота находилась за границей купола.

Стены были посеребрены, по-видимому, чтобы напомнить солнечный свет. Из каменных плит поднималось длинное мёртвое дерево, его изогнутый и почерневший ствол уходил к куполу.

Крис прошёл в зал, но Доктор оставался стоять у подножия лестницы, с подозрением разглядывая каждую тень.

Одна сторона оранжереи была ограждена низкой изгибающейся стеной. Крис наклонился и увидел

сотни крошечных форм, покрывающих пол. Некоторые были круглыми, некоторые — с плоской вершиной, многие имели причудливую окраску.

— Разновидности съедобных грибов, — заметил Доктор, решив, наконец, присоединиться к Крису. Он указал на различные сорта. — Пустоголовки, корточки, черепа... Вот эти плоские и круглые называются воротниками кардинала.

— Местные, — сказал Крис.

— Биотрофы: они живут в гармонии с другими растениями.

— Как, например, Дом, — предположил Крис.

Доктор поднял бровь.

— У жителей, очевидно, есть своего рода грибная ферма. Интересно почему.

Крис облокотился на забор.

— Как будто смотрят на меня.

— Не совсем, — сказал Доктор. — Не забывай, что для кого-то это — обед.

— Ты называешь это обедом?

Доктор облокотился на забор вслед за Крисом, и они посмотрели на грибы.

Я знаю, что ты знаешь, где мы, подумал Крис. Ты знаешь, что я знаю, где мы. Почему же ни один из нас не признаётся в этом? Что заставляет нас скрывать?

Самые большие грибы находились на тёмной насыпи в дальнем конце площадки. Раздался внезапный хлопок, и в воздухе повисло облако пыли.

— Споры, — сказал Доктор. — Они размножаются.

Он поднял сломанную ветку и разломал на несколько кусочков. Затем бросил их на площадку.

— Голодные дьяволята. Они не откажутся и от мёртвой материи.

Крис продолжал слышать шёпот.

— Доктор?

— Хм?

— Что происходит?

Доктор медленно вздохнул.

— Как ты сам думаешь, Кристофер?

Крис подумал о наименее обидном способе назвать Доктора лжецом.

— Это большое место, — сказал он. — Видимо, здесь жило много людей, и я думаю, что это — самое шумное место из тех, где я когда-либо был. И всё же мы до сих пор никого не встретили.

Доктор положил руку на лоб Криса.

— Снова шёпот?

— Ты действительно не слышишь его?

— Только зловещую тишину.

Это действительно надоело Крису. Он не выдержал.

— По-моему, ты знаешь намного больше об этом месте, хотя и отрицаешь, что был здесь и раньше.

Доктор выглядел спокойным.

— Я мог бы сказать то же самое и о тебе, — ответил он.

Крис слегка смутился. Он посмотрел вниз на грибы и заметил, что они очень, очень медленно собирались вокруг сухой ветки.

— Ты скучаешь по своей семье, Крис? — внезапно спросил Доктор.

Крис пожал плечами.

— Время от времени. Да, думаю, что скучаю. — И раздражительно добавил: — А как насчёт тебя?

Доктор прижал палец к губам и обвёл взглядом мёртвую оранжерею.

— У стен есть уши, — пробормотал он. — Не стоит будить весь дом.

Он заметил пристальный взгляд Криса.

— Я хочу найти ТАРДИС и покинуть это место.

Крис уже было решил рассказать о кузенах, завещаниях и убийствах, когда внезапно потерял мысль, поражённый глубиной глаз Доктора. Даже в тени, они вспыхивали с внутренним светом, который был захватывающим и весьма убедительным.

— Оставь его в покое, Крис, — услышал он усталый голос Роз.

Возможно, было лучше не начинать дискуссию. У всех нас есть тайны, не так ли?

— Полностью согласен, — ответил Крис.

— Отлично, — слышался голос Доктора, который в мыслях, явно, находился далеко отсюда. — Спасибо, Крис. Но сначала, мне нужно кое-что проверить.

— Хорошо, — сонно повторил Крис.

— Я скоро вернусь. Просто жди здесь. Не уходи. Не привлекай внимания. Не ешь грибы. Я вернусь.

— Хорошо.

Крис облокотился на забор и вдохнул заплесневелый аромат, идущий от грибов, пока они медленно передвигались вниз.

Зеркало, на которое смотрел Крис, раскололось на десятки крошечных идентичных изображений. Сто изображений Квинца в своей комнате повернулось к злоумышленнику лицом. Фигура в чёрной одежде вонзила двухлопастный кинжал в грудь старика. Квинц, заливаясь кровью, схватился за одежду и потянул её на себя. Убийца был стариком, невысоким и с длинными седыми волосами.

— Ты, — не веря своим глазам, произнёс Квинц. Он упал на пушистый настил на столе.

Крис, вздрогнул, просыпаясь.

Грибы медленно скользили вокруг его ботинок. Они медленно сочились из трещины в стене. Возможно, именно грибы и шептали.

Он услышал, как что-то гремит, спускаясь с лестницы, и поспешил укрыться за группой высоких колючих насаждений.

Спустя несколько мгновений появилась гигантская угловая фигура драджа с блюдом в руках. Он нагнулся, как склоняются деревья, чтобы поднять непослушные грибы и отбросить назад на площадку. Затем прошёл через оранжерею и скрылся в арке на противоположной стороне.

Крис задумался, стоит ли выскочить перед ним, чтобы узнать, был ли он по-прежнему невидим, но слуга ушел прежде, чем он успел показать себя идиотом.

Он вышел из-за сухой ограды и посмотрел вслед драджу. Его отдалённый силуэт выглядел выпуклым цилиндрическим объектом. Он, казалось, высыпал содержимое своего блюда. После непрерывного шёпота Крис впервые услышал голос. Он сердито кричал.

— Вы называете это едой! Как долго Вы будете держать меня здесь, а? Освободите меня! Выпустите меня отсюда!

Драдж проигнорировал ругательства, и, к облегчению Криса, заскользил прочь в другом направлении.

Крис осторожно направился вперёд. Когда он приблизился к объекту, то увидел сферическую печь с трубой дымохода. На её поверхности оставались кусочки идиллических пасторальных сцен, которые, видимо, были нарисованы в более счастливые времена. Вдобавок на ней стоял ржавый чайник.

Крис услышал, как что-то перемещается в печи. Оно говорило само с собой. Вероятно, оно почувствовало его присутствие, так как внезапно успокоилось.

Он подошёл ближе. Печь слегка дымила. Во мраке Крис разобрал внутри глаза и рот. Они выглядели достаточно человеческими, что не всегда оказывалось верным.

— Привет, — прошептал Крис. Он попытался придумать, что сказать, но смог произнести только одно. — Как Вы там?

— Кто Вы? — послышался голос. Он казался испуганным.

— Крис Кведж, — ответил Крис. — А кто Вы?

Голос попытался успокоиться. Он принадлежал молодому человеку, смущённому обстоятельствами, в которых был найден.

— Я был бы весьма благодарен, если бы Вы помогли бы мне выбраться из этого хитрого устройства, — сказал он, неудачно пытаясь замаскировать нервное дрожание голоса. — Кстати, меня зовут Глоспин.

Драдж ждал в темном алькове. Он мог бы спуститься вниз и схватить злоумышленника, ведь тот прошёл так близко. Драдж не узнавал злоумышленника. Он не был одним из оставшихся кузенов, если, конечно, не регенерировал вдалеке отсюда. Он уловил мимолётное сходство.

Подойдя к зеркалу в следующем проходе, незнакомец низко согнулся и натянул шляпу на лицо.

Драдж чувствовал маршрут злоумышленника с помощью связи с мебелью. Она не была склонна к раздражительности. В отличие от грязных, толстых жильцов, мебель не была склонна царапаться.

Драдж прервал обычный маршрут и принялся следить за незнакомцем.

Фигура внезапно замерла. Она, казалось, удивилась потоку, который появился из трещины в стене и стекал вниз по желобу северного флигеля. Незнакомец последовал к закрытым железным воротам, где ручей исчезал. Он принялся исследовать замок, висящий на воротах.

На мгновение драджа отвлекло огромное количество грибов, выросших на влажной стене. Свидетельства пренебрежения распространялись по всему Дому. Порядок и чистоту следовало восстановить и поддерживать.

Злоумышленник сломал замок и открыл железные ворота.

За воротами во мраке находилось северное крыло. Незнакомец снял лампу со стены и, высоко подняв её, последовал в темноту.

Когда драдж подошёл к воротам, он услышал крик и всплеск, поскольку злоумышленник не знал, что флигель был затоплен. Он находился в бассейне с искусственной подсветкой. Это отбрасывало огромную рябь света по потолку флигеля. Он пробирался дальше, цепляясь за стену, его пальцы что-то искали. Впереди ряд рыбачьих лодок качнулся и тихо заскрипел на чёрной воде.

По знаку драджа часть потолка над воротами тихо разошлась. Резной кронштейн медленно спустился из промежутка. Драдж прицепил зеркало, похожее по форме на глаз. Оно вертелось, чтобы поймать виновника этого вторжения.

* * *

Изображение передавалось от зеркала к зеркалу по тайным дорогам Дома. Наконец оно остановилось на зеркале туалетного столика. Напротив зеркала на древнем кресле-качалке сидела фигура, дремавшая под завесой пыльной паутины.

Тихий шёпот

Никто не посмеет

Разбудить старуху

В её кресле-качалке.

Шёпот витал в воздухе. Злоумышленник тоже услышал, поскольку стал тревожно озираться по сторонам. Затем он постучал по стенной панели, и она распахнулась, скорее, нетерпеливо, как будто дожидалась сигнала, чтобы показать маленький шкаф.

Драдж отправил сердитый выговор несправедному шкафу, и со стыда тот попытался закрыться обратно. Но незнакомец удержал дверцы и достал несколько предметов, положив их в свои карманы. Изображение с зеркала отражалось и в мыслях драджа. Он смог разобрать много маленьких металлических шариков и объект, про который он помнил, что это была рогатка — игрушка маленьких кузенов. Результатом её использования могли стать сложные ремонтные работы деревянной одежды драджа, плюс покрытие новым слоем лака.

В тёмной воде послышался тяжёлый всплеск. Незнакомец начал пробираться к выходу из затопленного крыла. Он ненадолго замер, увидев зеркало прямо перед собой. Он быстро достал рогатку из своего кармана, зарядил одним из

металлических шариков и выстрелил в зеркало. Стекло разбилось.

Пока кронштейн возвращался к потолку, драдж мог услышать бормотание его дико вращающегося сломанного центра.

— Семь жизней несчастья.

Драдж спрятался в тень. Он ждал, пока незнакомец пройдёт ворота, и затем включил лампу. Коридор полностью осветился. Злоумышленник увидел драджа и предупреждающе поднял рогатку. Поскольку драдж не остановился, он выпустил металлический шар, который просвистел по плечу драджа, издавая неприятный режущий звук.

Незнакомец бросился обратно, но ворота захлопнулись. Драдж увидел, что он прицелился в большой гриб-дождевик, росший на стене.

— Удачного приземления, — прокричал он.

Рогатка щёлкнула, и гриб взорвался облаком белых порошкообразных спор, которое распространилось возле головы драджа.

Пыль, самый злейший враг; отвратительный, бесконечный бич любого Дома, ослепила слугу. Он слышал злоумышленника, пробегающего мимо. Драдж с чем-то столкнулся и упал на землю.

— Счастливые приземления — счастливый Дом, — донёсся голос, поскольку незнакомец находился уже далеко как сбежавшая землеройка.

Драдж лежал на земле, махая руками как опрокинутый жук, слишком тяжёлый, чтобы подняться. В уме он слышал встревоженный голос хранителя Дома.

* * *

Разбитое зеркало испугало старуху в кресле. Она дрожала, пытаясь пробудиться ото сна, смешавшегося с мечтами.

— Рука Душ, — прокаркала она.

Её старая рука цеплялась за кресло как коготь.

Её сны были похожи на мягкие, безвкусные цветы. Они источали аромат в тёплом солнечном свете воспоминаний. Звали её обратно.

Внезапная вспышка разбивающегося стекла сверкнула как капельки дождя на листьях, когда она была девочкой. С чёрными лентами в волосах.

Стены скрипели.

Где-то далеко отсюда, вне её сновидений, звенели часы.

Она позволила теплоте окутать её. Она спускалась вниз, через завесу цветов. Но теперь у цветов были шипы. Шёпот проснувшихся проник в сон, где резкий дневной свет играл на тонких листьях.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

У меня всегда было странное отношение к грибам, начиная с шестидесятых, когда русский шпион, встретившийся со своим информатором в лесу Эшдаун, настаивал, что он только искал грибы.

«Я просто собираю грибы» перешла в разряд знаменитых фраз. Как символ мира на нейлоновых чулках: «Рекомендовано Анитой Харрис». Но я что-то увлёкся...

Есть смысл в том, что Доктор и Крис перестают скрытничать. Не было бы лучше просто добраться до ТАРДИС и уйти? Но любопытство, всегда губившее Доктора, и человек в печи взяли верх над ними. Они начинают обращать на себя внимание.

Рогатка Доктора — символ детства в стиле Дениса-мучителя. Я не могу припомнить кого-то ещё. Любое сходство «мягкого шёпота» с детским стишком «Кристофер Робин молится» просто совпадение.

ГЛАВА 11

ЗУБ ЗА ЗУБ

— Приношу свои извинения, дорогая мадам Лила. Это была прискорбная ошибка.

— Он выстрелил в мою собаку, — ответила Лила. Ей было неловко сидеть в общепринятом положении, как учил Андред. Стул был глубокий и слишком удобен.

— Уверяю Вас, капитан будет строго наказан.

Собеседник напоминал ей змею. Он неподвижно сидел на своём удобном стуле, словно готовясь к броску.

— Его накажет кастелян, не Вы, — сказала она.

Повелитель Времени выглядел стариком, но на Галлифрее это не имело значения. С длинной седой бородой, он был одет в чёрную шапочку и чёрную одежду, украшенную мехом.

Его комната также казалась старой. Она была мрачной, несмотря на широкое окно, выходящее на здание Капитолия. Стены были построены из огромных и древних камней. Она была заполнена древними реликвиями, компасами и пирамидами с глазами — символами истории, о которой она ничего не знала.

Его змеиный рот расширился в холодной улыбке.

— Уверен, что Вы понимаете, что кастелян, Ваш... ах, да, супруг, занимает ответственную должность.

— Вы имеете в виду, что он важен, — сказала Лила. Ей надоело, что с ней разговаривали как с примитивным существом.

— Хм. И то, что Вы сделали, ставит его в весьма опасное положение.

— Тогда позвольте мне поговорить с ним. Он поймёт.

Повелитель Времени склонился к ней.

— Это кастелян Андред дал Вам те коды доступа?

— Нет.

— Нет?

— Если ты не веришь мне, старик, я готова пройти ваши исследования с копанием в голове.

Повелитель Времени рассмеялся.

— Это звучит слишком варварски.

— Да, — ответила Лила.

Возникла пауза. Лила подумала, что не только её хотели заманить в ловушку — возможно, им нужна была информация против Андреда. Или против них обоих.

— Скажите, как Вы получили доступ ко всей сети всего с одного порта, — спросил Повелитель Времени.

— Это сделала моя собака.

— Компьютер, зарегистрированный как К—9?

— Он был моим другом. И Вы уничтожили его. — Она поднялась со стула. — Кто Вы? Я не собираюсь оставаться здесь. Я хочу видеть кастеляна!

— У кастеляна нет здесь никаких полномочий, — произнёс он. — Он — всего лишь лакей канцлера.

Она подошла к нему и ударила со всей силы. Внезапно возникший воздушный барьер ошеломил её. Она отошла к стулу. Повелитель Времени спокойно стоял напротив её.

— Вы из Небесного Агентства по Вмешательству, — медленно сказала Лила. — Андред предупреждал меня о Вас.

— Действительно? — спросил Повелитель Времени. — И что он сказал?

— Он говорил, что у вас нет лиц. Что никто, кроме президента, не знает, кто ваши руководители. И по закону она обязана молчать. Но теперь мне известно Ваше лицо, старик. И я не забуду.

Повелитель Времени кивнул.

— Тогда Вам должно быть известно, что, как только Вы попадаете под юрисдикцию Агенства, никакие жалобы или суды не могут отменить наше решение.

* * *

Канцлер Теорасдаворамилонитен, в великолепном пурпурном облачении, была не в настроении спорить.

— Агентство нарушило все законы гостеприимства, — произнесла она. — Мы удивлены пренебрежением директора преданности к президентским апартаментам. Очевидно, он считает нецелесообразным порадовать нас своим присутствием и посылает Вас вместо себя.

Алмонер Крест Йукс поставил чашку с чаем на стол канцлера. Он изучал информацию к следующему созыву, когда внезапно был перемещён, вместе с креслом и чашкой, непосредственно в апартаменты президента. Это выглядело весьма неучтиво.

— Директор преданности, лорд Ферейн³², приносит свои извинения президенту, — сказал он.

Теора медленно покачала головой. Её шиньон в стиле рококо не пошевелился. Он бросал вызов силе тяжести и логике приблизительно в равной мере.

— Что насчёт леди Лилы? — потребовала она.

— Как я понимаю, мадам, леди Лиландредлумсагвизэчегесима нарушила безопасность сети Капитолия. Не совсем область Агентства, смею заметить, но она — супруга кастеляна.

— *Моего* кастеляна, — сказала канцлер.

— И его связь с подозреваемой может повлиять на вынесение решения, — продолжил Йукс. — Кроме этого, она родом не с Галлифрея, что тревожит Агентство, несмотря на устаревшие законы гостеприимства.

Канцлер взяла документ со стола.

— Это — приказ, подписанный президентом Романадворатрелундар, свидетельство дипломатической неприкосновенности леди Лилы.

Он отклонил документ.

— К сожалению, мадам, такую неприкосновенность можно получить только голосованием Внутреннего Совета.

Теора убрала бумагу.

— Тогда леди Лиле предоставят статус иностранного посла на Галлифрее.

³² Лорд Ферейн (Lord Ferain) — появляется в начале серии «Genesis of the Daleks» с Четвёртым Доктором.

— В таком случае, она должна была быть представлена всем кардиналам Высшего Совета, как были представлены все другие послы. Леди Лила должна обладать ценностью, чтобы так быстро возвыситься. Посол с примитивной планеты, местоположение которой даже не зарегистрировано? О, нет, думаю, нет.

Теора холодно улыбнулась.

— Не зарегистрировано? Конечно, в каталогах данных Агентства не может быть ошибки.

— Ах, — сказал он, складывая руки на объёмном животе.

— Возможно, президент должна самостоятельно проконсультировать меня по всем этим вопросам. Или она недоступна в настоящее время?

— К сожалению, она занята, — сказала Теора.

— Лорду Ферейну будет приятно узнать, что она неустанно исполняет свои обязанности.

Йукс продолжил пить чай. Он остыл.

— А леди Лила? — напомнила ему Теора.

— К сожалению, леди Лиландредлумсагвизэчегесима была задержана при попытке использовать незаконно добытые коды, чтобы связаться с прежним президентом.

— Вы имеете в виду Доктора? — спросила Теора.

— Очевидно. Осмелюсь сказать, что наш действующий президент могла бы объяснить этот поступок. Она знает Доктора лучше всех нас. Как жаль, что её сейчас нет. Вы не знаете, сколько она будет отсутствовать?

— Но я здесь, — слышался голос.

Йукс повернулся и увидел крошечную фигуру президента Романадворатрелундар, стоящую рядом с ним. Она была в простой белой одежде с распущенными волосами. Он не слышал, когда она подошла, и не был уверен, сколько времени находилась здесь.

— Мадам Президент, — произнёс он, — Лорд Ферейн приносит Вам свои извинения.

Романа подошла к столу канцлера.

— Алмонер Крест Йукс, — серьёзно сказала она, — я уважаю Вас за попытку заменить руководителя моего Агенства по Вмешательству, но я крайне рассержена поведением директора преданности по отношению к леди Лиландредлумсагвизэчегесиме.

— Он просто исполняет свои обязанности, мадам президент. Леди Лила совершила преступление, подпадающее под законы касательно действий негаллифрейцев.

— Чепуха, — ответила Романа. — Я также знаю, что моя гостья, которая направлялась на Галлифрей под особой защитой президента, был украдена по дороге. Она также незаконно удерживается Агентством по Вмешательству.

Йукс неловко заёрзал на стуле.

— Мне нечего сказать по этому поводу, мадам.

— Плохо.

Романа повернулась к своему канцлеру.

— Теора, пожалуйста, сообщите лорду Ферейну, что до тех пор, пока Агентство не освободит леди Лилу и

жительницу Земли Дороти Макшейн, алмонер Йукс останется здесь в качестве нашего гостя.

— Хорошо, мадам, — улыбаясь, ответила Теора.

— Мадам президент, это абсурд! — воскликнул Йукс.

— Зуб за зуб, — улыбнулась президент. — Думаю, что немного сотрудничества не помешает. Но если ничего не произойдёт, я добьюсь этого силой!

* * *

— Вам не нравится на Галлифрее? — спросил Повелитель Времени.

Лила откинулась на спинку стула.

— Почему меня держат здесь?

Следователь проигнорировал вопрос.

— Если Вы не станете сотрудничать, я могу выслать Вас как нежелательного гостя.

Лила молча наблюдала за ним.

— Итак, смею предположить, что эта Ваша машина К-9 первоначально принадлежала прежнему президенту, известному как Доктор.

— Нет, — ответила она. — Первоначально она принадлежала профессору Мариусу.

— Другому негаллифрейцу? — не услышав ответа, он продолжил: — Будем считать, что да. Затем эта машина какое-то время была у Доктора, и уже после перешла к Вам.

— Это — не Ваше дело, — заявила Лила. — Я хочу видеть кастеляна!

Он был раздражён необходимостью повторить.

— Я же сказал Вам, что кастелян Андред не обладает полномочиями в этом вопросе.

— Андред и я связаны! Если я подвергаю его опасности, то должна увидеть его.

Повелитель Времени нахмурился.

— Это затруднительно. В этом случае его интерес будет личным.

— Конечно, будет. Андред любит меня.

Его рот дёрнулся и лицо покраснело.

— Это не в счёт.

— Что Вы имеете в виду? — спросила она. — Что значит «не в счёт»?

— Вы хотите вовлечь и его в это дело?

Это потрясло её.

— Конечно, нет! Он ничего не знает. Я забочусь о нём, и приняла решение быть с ним. У Вас, что, нет чувств?

Он посмотрел на неё, постукивая по краю своего резного стола.

— Обязанности кастеляна сводятся только к охране безопасности в Капитолии. Преступление, которое Вы совершили, не входит в его компетенцию. Оно затрагивает безопасность всего Галлифрея. И это нас беспокоит.

— Тогда Вы должны сообщить президенту Романе.

— Ещё одному Вашему другу, конечно же, — он снова улыбнулся змеиной улыбкой. — Да, она является номинальной главой. Но она не командует большинством, как ей нравится воображать.

— Уберите этот барьер. Или Вы боитесь находиться в том же самом пространстве, что и дикарь— негаллифреец?

Он встал со своего стула и подошёл, как она предположила, к краю барьера.

— Почему Вы хотели связаться с Доктором?

— Он — мой друг.

— Да?

— Да. Но я не использую его, в отличие от вас.

— Объясните.

— Вы используете Доктора всякий раз, когда не хотите притуплять свои собственные ножи.

— Вам не приходило в голову, что он тоже является нашим другом?

— Нет, — сказала она. — Я знаю, что Повелители Времени всесильны, но ваши мёртвые ритуалы не добавляют вам уважения.

Его безразличие, казалось, потихоньку исчезало.

— Мадам, как пришелец с планеты, где почти отсутствует собственная история, Вы ничего не знаете о нашем происхождении. Галлифрей был влиятелен, когда цветок Вселенной только начал раскрываться. Наше общество следует тысячелетним традициям. Это — наша самая большая обязанность, уважать и почитать наше прошлое.

— В моём мире старики почитаются ради их защиты. Но если старые виноградные лозы цепляются слишком крепко, мы обрезаем их, чтобы позволить расти молодым побегам.

— Дикарка, — сказал он. — Вы ничего не знаете.

— Я знаю, что, если я когда-нибудь снова увижу Андреда, я забуду эту встречу. Но я буду бороться за свои воспоминания.

Он засмеялся.

— Вы недовольны, — сказал он. — Просто ответьте ещё на один вопрос, мадам. Вы говорите, что Доктор — Ваш друг. Вы, конечно, много путешествовали с ним, поэтому я полагаю, что знаете его лучше большинства. Возможно, почти так же, как президент. Вы можете сказать, кто он?

— Что? — спросила она.

— Личность Доктора?

Она удивилась.

— Он — Доктор. Он — Повелитель Времени. И у него была семья в Доме...

— Я знаю, что Вы искали в сети, — прервал он. — Но что насчёт самого Доктора? Кто он в действительности?

Она покачала головой.

— Он — мудрец. Шаман. Нет, даже больше.

На мгновение она растерялась. Она всегда принимала его, никогда не подвергая сомнению его личность. Наконец, она узнала ответ. Она поняла тайну Доктора. Он не мог и никогда не должен был точно определяться или попадать под категорию.

— Он — тайна, — сказала она с предельным почтением.

Где-то рядом с Капитолием раздался взрыв. Комната вздрогнула и небо почернело.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Странно, не правда ли, что это напоминает игру в снежки? Появлялось ли Небесное Агентство по Вмешательству в какой-нибудь другой телевизионной истории? Не по имени, насколько я помню. (К настоящему времени Вы увязнете в записях форума Би-би-си 1). Когда НАВ было упомянуто в «Deadly Assassin», я посчитал это очередной шуткой Роберта Холмса.

Всё же это распространилось, тайная власть, которая скрывается за Высшим Советом.

Если самодовольный, змеиный следователь Лилы кажется знакомым, это — потому, что он появлялся в одной из серий. Он — историк, его слова пропитаны юридическим жаргоном, и он, кажется, испытывает только презрение к властям Галлифрея. Его личность будет раскрыта позднее. Тем временем президент Романа, являясь либералом, уже играет с консерваторами Галлифрея в их собственной игре.

Причёска канцлера Теоры — не символ лабиринтообразного заговора.

ГЛАВА 12

НЕЗВАННЫЕ ХОЗЯЕВА

— Идёшь куда-то? — кратко спросил голос у Инносет.

— Кузен Ринд, — прошептала она, увидев, как он выходит из-за гобелена. — Ты напугал меня.

— Ты поздно вышла, — сказал он. — Или сейчас настолько поздно, что уже рано?

Даже во мраке его лицо жирно блестело. Глаза походили на бледные глаза рыб. Он выглядел весьма упитанным.

Инносет знала, что Ринд надеялся, что она занималась чем-то незаконным. Она поправила плащ, приспособивая к тяжелому свитку волос на спине.

— Странно видеть тебя в этой части Дома, — ответила она.

Он подошёл ближе и проворчал:

— Кто-то украл землеройку из моих ловушек.

— Твоих ловушек? — она пыталась быть максимально вежливой. — Я думала, кузен Мэлджамин наловил землероек для драджей.

— Нет.

— Что с ним случилось? — осторожно спросила Инносет. Пророчество карты бродяги бросало тень на её мысли. Она чувствовала, что нечто новое вкралось в обычные утомительные будни.

— Ушёл. Он ушёл, — сказал Ринд.

— Что? Как другие?

— Не знаю. Он сидел на стуле, потеряв ко всему интерес. Не говорил. Не ел. Не хотел даже сыграть со мной в «Драт»³³. Именно тогда я понял, что вещи действительно меняются. Дважды я находил его в углу комнаты, пытающегося вырыть отверстие. Кажется, он считал себя землеройкой. И затем он исчез. Вот и всё.

Усмехаясь, он ходил туда-обратно по коридору

Инносет почувствовала тяжесть на своих плечах. Иногда её бремя было невыносимо. Оно по-прежнему увеличивалось. Не придумав ничего лучше, она отправилась за Риндом.

— Ты должен был оградить его, — сказала она. — Ты знал, что он уйдёт.

Ринд подошёл к лестнице, ведущей к вышедшим из употребления учебным комнатам. Он плюнул вниз на лестничную клетку.

— Почему? — спросил он. — Мэлджамин не остановил бы меня. У нас всё иначе в северо-северо-восточном крыле. Не как на ваших галереях. Он просто ушёл, как другие. Никакой суеты. Во всяком случае, он более счастлив быть землеройкой.

— Ты должен был сказать мне. Ты знаешь, что я слежу за численностью. Ты можешь остаться последним в том крыле Дома. Скоро здесь вообще никого не останется.

Он почесал голову через жирные волосы. У него были грязные ногти. Она ненавидела грязные ногти. Она вспомнила, что Ринд когда-то работал своего рода

³³ Драт (Drat) — карточная игра Повелителей Времени.

продовольственным техником среди Повелителей Времени в Капитолии.

— Ты просто боишься, что больше не будет обедов, — ухмыльнулся он и начал спускаться по лестнице.

— Будь осторожен, кузен. Происходит что-то опасное, — крикнула она вслед. — В картах было предзнаменование. И ты, должно быть, слышал часы.

— Суеверие! — ответил Ринд. — Меня больше волнуют мои ловушки.

Она спустилась вслед за ним.

— Ты видел Оуиса с Аркхью? — спросила она.

— Вместе? Оуис же не считается?

Она достигла конца лестницы, сильно запыхавшись

— Конечно, он считается.

— О, хорошо, в таком случае я подчинюсь твоей превосходящей мудрости, кузина. Я видел их обоих три дня назад в грибнике. С ними был Глоспин. Они играли в карты. Когда я спросил, на что, они рассмеялись и сказали «на самую высокую ставку». — Он пожал плечами. — А что? Что они сделали?

— Я боюсь, что они, возможно, ушли как Мэлджамин.

Ринд захохотал.

— Аркхью мог. Он всегда был на краю. Но тебе не избавиться от Оуиса. Во всяком случае, пока у нас остаётся еда.

— Я должна найти их, — сказала она. — Я знаю, что вот-вот случится что-то ужасное.

— Не схвати своё собственное отражение, кузина. Это может оказаться Саттралоп, искоса смотрящая на тебя.

Он снова рассмеялся и поднял что-то пушистое и мёртвое.

— Проголодалась? Что-нибудь предложишь на обмен?

— Конечно, нет, — сказала Инносет, подтягивая плащ.

Ринд положил животное в один из многочисленных мешочков.

— Я передам им, если увижу.

Он отправился дальше по коридору, поднимая мёртвых животных и закидывая их в мешок.

* * *

Крис пнул по печи своим ботинком. Металл зазвенел, и крышка печи слегка лязгнула. Но замок остался зажатым. По крайней мере, это утихомирило Глоспина на некоторое время.

Пока Крис пытался открыть металлическую дверь, тот задавал множество вопросов.

Кто он? Кто отправил его? Как он попал сюда?

Он проигнорировал большинство из них и уклонялся от ответов на остальные.

Этот человек по имени Глоспин, сидевший в одиночестве в печи, был неизвестно кем. Он мог быть другим галлифрейцем-тёзкой. Или тем самым злым галлифрейцем, с которым он столкнулся во сне, только с иным телом. Крис знал, что Доктор мог регенерировать. Его тело было чем-то вроде одежды. Так что, процесс, скорее всего, был естественным и для других представителей его расы.

Дирижирование, как сказал бы жеманничающий избираемый класс Сверхгорода.

— Вы — охранник? — спросил Глоспин.

Крис фыркнул.

— Вы это сказали.

— Я так подумал. Одежда меня не одурачит.

— Я не на дежурстве, — ответил Крис. — Как Вы вошли? Через дымоход?

— Не совсем.

Крис решил, что ржавая кастрюля вполне подойдёт, и попытался просунуть её в дверь.

— Из клана? Вы не можете быть прайдонцем, Ваше лицо слишком честно. — Он задохнулся как от внезапной боли.

— В чём дело? — спросил Крис.

— Мои ноги! Они не двигаются. Я не могу пролезть. Вытащите меня отсюда!

Ручка кастрюли, которую держал Крис, процарапала ему палец. Он вскрикнул от боли и засунул палец в рот.

— Вытащите меня отсюда! — заревел Глоспин.

Крис отступил от печи. Ему не понравился этот тон. В глубине души он почувствовал тревогу.

— Ответьте, почему Вы были заперты там, — сказал он.

Он заметил, что глаза перевели взгляд на коридор.

— Крис, ты так шумишь, что способен разбудить весь Дом, — сказал Доктор.

Он подошёл ближе, неся лампу в одной руке. Его брюки насквозь промокли, а жакет был испачкан в сером порошке. — Пора уходить. Приближаются местные.

Он встряхивал свою пыльную шляпу, когда понял, что они не одни. Он улыбнулся и поднёс лампу к потолку.

— Конечно, тут чересчур влажно, но, в общем, нормально, и, согласишься, отсюда открывается чудесный вид на долину.

Он перевёл внимание на пристально смотрящие глаза.

— Ты! — прошептал Глоспин.

Доктор задул пламя лампы.

— Это ты, — в голосе Глоспина слышалось презрение. — Боги Чистилища, это ты!

— Не обязательно, — сказал Доктор, наклоня шляпу, чтобы скрыть лицо в сумерках. Он неловко рассмеялся. — Разве мы встречались? Нет, не думаю. Очень жаль. Нам пора уходить.

Крис схватил его за руку.

— Ты не можешь оставить его внутри. Он пойман в ловушку.

— Как того заслуживает, я уверен. — Доктор выдернул руку.

— Ты! — продолжал Глоспин. — Я узнал бы тебя где угодно. Кровавый отпечаток тянется за тобой повсюду. Спустя всё это время!

— Уверен, что Вы ошибаетесь. — Доктор посмотрел на Криса. — Мой спутник всё объяснит.

— Доктор, — сказал Крис, стараясь оставаться спокойным.

Доктор попытался остановить его.

— Доктор, я знаю.

— Нет, ты не знаешь, Крис!

Крис понизил голос.

— Да, знаю. Это — твой Дом и твоя семья.

Доктор с ужасом отступил назад. На мгновение Крис подумал, что у него сердечный приступ.

Крис начал понимать, что натворил, но было поздно. Шёпот, затихший в его голове, раздался вновь. Извини, Роз. Есть вещи, которые никогда не стоит говорить своим друзьям. Извини, извини.

— Извини, Доктор, — пробормотал он.

Доктор ничего не ответил. Его голова слегка раскачивалась, как будто он отказывался принимать извинения.

Глоспин из печи видел всё происходящее. Он начал издеваться.

— Думал, что все мы уже умерли? Поэтому вернулся так поздно? Подожди, пока они не узнают, что ты здесь!

— Заткнись! — сказал Крис.

Но Глоспин продолжал вопить.

— Это — он! Он здесь! Помогите! Он вернулся! Драддж! Драджи!

— Глоспин! — воскликнул Доктор. — Это ты там?

Глоспин затих.

Доктор посмотрел в трещину. Глаза в глаза. Долгий момент признания.

Затем он обратился к Крису. Он вёл себя тихо и спокойно, как человек, осуждённый на казнь.

— Кристофер, наблюдай за тем коридором, на случай, если кто-то появится.

— Да, Доктор, — кивнул Крис.— Извини. Если ты хочешь уйти...

Доктор кивнул на коридор, из которого он появился.

Крис чувствовал, что Доктор смотрит вслед. Не успел он подойти к коридору, как волна тошноты подступила к горлу. Он опёрся на стену, пытаясь прийти в себя, когда услышал, как Доктор и Глоспин начали спорить.

* * *

— Не думай, что тебя хотят вернуть обратно. Ты уже заменён!

Крис стоял в просторной комнате, освещённой оранжевым солнечным светом. За окном возвышались башни неземного города. Фигура Глоспина, старика Глоспина из сна, стояла между ним и видением. Глоспин кричал на него и размахивал документом.

— Я обнаружил аномалии в твоём генетическом коде!

Крис почувствовал непонятную ярость. Она заполнила всё его существо.

— Ерунда! — услышал он собственный голос, но он был стар. Он указал пальцем на разгневанного Глоспина и увидел, что на нём надето украшенное драгоценными камнями кольцо. — Это — какая-то ребяческая попытка навсегда разлучить меня с семьёй. Ты всё ещё недоволен, хм? Когда ты перестанешь надоедать мне?

— Ты ведь никогда не был частью станка Лангбэрроу. Так, кто или что ты?

— Я — твой кузен! — объявил голос в голове Криса. Он поднял свою трость, чтобы напасть на Глоспина, и вскоре они подрались как новички в классной комнате.

С треском чёрная, похожая на гроб, коробка пролетела сквозь твёрдую стену.

Глоспин отступил, поскольку она приближалась к нему.

— Нет! — услышал Крис собственный крик.

Коробка надвигалась прямо на Глоспина. Раздалась холодная, белая вспышка.

* * *

Крис цеплялся за стену в темноте.

Поскольку он чувствовал себя лучше, он мог слышать продолжающийся спор. Это явно не свидетельствовало о хороших отношениях Глоспина и Доктора.

— Что значит, я спустился через дымоход? — спросил Доктор. — Я вошёл через парадную дверь.

— Правда? — парировал Глоспин и начал смеяться. — После того, как Дом давным-давно тебя выбросил... *Доктор!*

— Судя по развалинам, он явно пришёл без меня в упадок.

— Тебе лучше спросить об этом Саттралоп.

— Значит, она по-прежнему домоправительница? Старая ведьма никак не хочет уходить? Несмотря на то, что Дом пришёл в такое запустение? Кто же теперь китриарх? Мне казалось, что ты был нацелен унаследовать всё.

— Саттралоп расскажет тебе.

— О, нет. Нет, если я не смогу помочь ей. — В голосе Доктора послышался знакомый тон превосходства, который он оставлял для своих самых страшных противников, перед

тем, как разрушить их планы по всемирному господству. — Значит, ты упустил своё наследство? После всех этих попыток избавиться от меня. И теперь ты застрял в самоваре! Я даже могу предположить, кто закрыл тебя здесь. Просто видом самой ужасной кары Саттралоп было бы блюдо. Даже для её фаворита!

— Сколько тебе сейчас, Червоточина³⁴? — спросил Глоспин. — С того момента, как мы виделись в последний раз, прошло ровно шестьсот семьдесят три года.

— Ах, значит, снова День Другого, — заметил Доктор. — Но я не принёс тебе подарка.

— Ты всегда выглядел старше своего возраста, — усмехнулся Глоспин. — Конечно. *День Другого*. День твоего именованья приходится на День Другого, ведь так? Как я мог забыть об этом? Тебе должно быть, по крайней мере...

— Не лезь не в своё дело.

— Что ж, тогда прими мои поздравления, кузен. Правда, я тоже не купил тебе подарок.

— Я никогда не устраивал вечеринки, — сказал Доктор. — Сколько тебе лет?

— Тысяча семьсот одиннадцать. *Третья* инкарнация.

Доктор затих.

— Осторожная жизнь, — произнёс он, но его голос звучал плоско и мрачно.

— У меня не было выбора, — сказал Глоспин. — Ты выглядишь чересчур измотанным. Думаю, что ты

³⁴ Червоточина — прозвище Доктора, так как у него единственного был пупок.

находишься в шестой или седьмой инкарнации, как минимум. Ты всегда жил слишком быстро.

— Крис, — прошипел Доктор. — Мы уходим.

Крис выпрямился и шагнул в коридор.

— Он не собирается освобождать меня, — закричал Глоспин. — Зачем так относиться к старшему кузену?

— Позволь ему уйти, Доктор, — твёрдо сказал Крис. — Потому что, если ты не выпустишь его, это сделаю я.

Несколько мгновений Доктор и Крис пристально смотрели друг на друга. Затем Доктор подошёл к печи и начал срывать замок. Спустя минуту он снял ботинок и сильно ударил поперечный болт.

— Не делай этого! — закричал Глоспин. — Прекрати! Прекрати! Она нагревается!

Крис увидел огонь у основания печи.

— Доктор, освободи его! Он же зажарится вживую!

— Скажи «пожалуйста», Глоспин, — обратился к нему Доктор.

В печи, ставшей духовкой, Глоспин продолжал кричать.

— Пожалуйста? — повторил Доктор.

— Доктор! — завопил Крис. — Пожалуйста!

Доктор схватил ржавый чайник с вершины печи и вылил воду на огонь. Раздалось шипение пара. Они могли услышать, как Глоспин кашляет, задыхаясь внутри.

Доктор достал металлический инструмент из своего кармана и вставил его в замок. Послышался лёгкий треск, и вся передняя часть печи распахнулась. Глоспин выкатился

боком, как будто его пнули. Он приземлился на плиточный пол. От его одежды шёл дым.

— Осирианский штопор, — сказал Доктор холодно. — Доволен?

— Спасибо, — ответил Крис.

— Идём.

Печь расстроенно захлопнула дверцу духовки.

Крис проигнорировал слова Доктора и присел рядом с Глоспином.

По земным меркам, кузен выглядел лет на сорок. Его жёсткие тёмные волосы были сейчас каштановыми и вьющимися. Они спускались на плечи, обрамляя тонкое бледное лицо. Красно-коричневый шрам пересекал руку.

— Ему больно, Доктор, — сказал Крис.

Глоспин прикрыл шрам.

— Это случилось давно. — Он осуждающе посмотрел на Доктора. — Он никогда не пройдёт.

Доктор слегка призадумался.

— Оставь его, — сказал он. Затем повернулся и направился в коридор. — Я хочу уйти отсюда до рассвета.

— А что будет на рассвете? — Глоспин с трудом поднялся. Он посмотрел вслед Доктору и громко рассмеялся.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Кузен Ринд — сомнительный тип. Он раньше работал в поставке (созывая к приёму пищи), но теперь он, скорее, тёмная изворотливая личность. Он всегда готов продать вам, под прилавком, без вопросов, полфунта землероек и грибной колбасы, что он украл из кухни драджей. Не связывайтесь с ним, просто проходите мимо.

«Драт» — ещё одна карточная игра из списка Инносет, вероятно эквивалент немецкой игры «Скат».

Я делаю много отсылок к Земле? Ну, мне приходится сообщать множество мелких подробностей. Но читатели, как и я, лучше понимают, когда даются такие отсылки. Хотя я действительно люблю заполнять мелкие детали общества пришельцев. Я должен представить этот мир прежде, чем я смогу написать его. Тогда это всё станет настоящим и для читателя. Реальная жизнь могла быть столь чуждой, что мы вряд ли бы назвали это жизнью вообще. По телевизору нам редко нужно увидеть больше полдюжины необычных существ, чтобы представить всю расу. Таким образом, телевидение показывает лишь слегка измененное представление Земли.

Действительно ли живые Дома — полная анафема всего того, что мы когда-либо видели в галлифрейской культуре? Я так не думаю. Они — возврат к началу интуитивных открытий, конец тёмных дней Старого Времени. Как и станки, они были задуманы, чтобы защитить разнообразность, находящуюся под угрозой исчезновения. ТАРДИСы живы;

как и старая и разбитая Рука Омеги, пережиток другого времени. Если посмотреть на древнюю культуру Японии прежде, чем она приняла и превзошла агрессивную культуру Запада, можно подумать, что она полностью неземная. Прошлое нужно уважать, но в книгах нет никакого смысла вообще, если Вы не придумываете что-то новое.

Повелители Времени считают свой возраст в годах и поколениях. Даже в этом, кажется, существует конкуренция. Доктор злится, когда спрашивают, сколько ему лет. Он проходит свои регенерации слишком быстро.

ГЛАВА 13

ЧЁРНОЕ ОКНО

Кузина Инносет проходила по галерее над Залом, когда слышала голоса. Они громко о чём-то спорили. Большой Зал Дома усиливал самый тихий шёпот, но в Лангбэрроу было столько собственного эха, и мыслей, которые походили на эхо, что было трудно обнаружить источник. Именно это научило её тихо передвигаться по Дому. Резкое движение в тихом месте могло породить массу эха, рассеивавшегося как сине-коричневый пух с деревьев.

Эхо доносилось из старой оранжереи. Когда она прошла центр комнаты, то слышала знакомый голос.

— Сейчас — моя очередь, — жаловался он. — Если ты не разрешишь мне, я расскажу Инносет.

Инносет, услышав своё имя, открыла дверь.

— Оуис? — удивилась она. — Что ты делаешь?

Оуис посмотрел на неё. Он сидел перед огромным камином, и пытался что-то быстро спрятать в карман.

— Ничего, — ответил он.

— Кто с тобой?

Пара ног торчала из камина. Она подошла ближе и увидела, что грязные брюки были сшиты из шкур землероек.

— Это — Мэлджамин, — сказал Оуис. — Он не даёт мне взглянуть в дымоход. Даже не отвечает мне.

Инносет присела рядом с камином. Она облегчённо вздохнула.

— Я боялась, что мы потеряли его, — сказала она. Она всмотрелась вглубь камина и мягко позвала: — Мэлджамин. Пора выходить.

Изнутри донеслось ворчанье. Он приподнял одну ногу и почесал ею другую — круговыми движениями, как животное.

— Выходи, — жёстко сказала она. — Я отведу тебя домой.

Царапанье прекратилось, и кузен Мэлджамин медленно вынырнул из дымохода. Он был полностью замаран в саже, только глаза блестели.

— Сегодня чистое небо, — ответил он. — Синее.

Она вздохнула. В этом не было его вины. Давным-давно, когда в Доме находилось множество кузенов, она тоже ждала своей очереди посмотреть на далёкое небо. Но это всегда напоминало ей взгляд в противоположный конец подзорной трубы.

Мэлджамин продолжал медленно раскачиваться и негромко стонать. Его нос сморщился и слегка дергался.

— Моя очередь, — сказал Оуис, и начал забираться в камин.

— Нет! — остановила его Инносет. — Ты отведёшь кузена Мэлджамина в мою комнату.

— Это нечестно, — пожаловался Оуис.

— Что ты сделал с моей порцией? — спросила она.

— Какой порцией? — он достал из кармана обглоданную землеройку. — Это — моё. Я нашёл её.

— В одной из ловушек Ринда? Какая мерзость. Как ты можешь есть её сырую? Ты же уже съел мою порцию.

Оуис крепче сжал зверька, поскольку Мэлджамин потянулся к нему.

— Я не трогал твою кашу, — сказал он.

— Джобиска сказала мне..., — начала Инносет.

— Я ничего не трогал. Она снова врёт.

— Джобиска стара, и заслуживает твоего уважения, — упрекнула его Инносет. Она вспомнила коричневую каплю соуса на подбородке Джобиски и решила, что провалы в памяти не всегда являются ложью. Тем более, что она успокоилась, найдя Оуиса и Мэлджамина. Не то, чтобы она хотела спустить ему это с рук, но...

— Ты вышла только затем, чтобы найти меня? — мальчик выглядел почти польщённым.

— Конечно, нет, — ответила она.

Она внезапно поняла, что Мэлджамин подходил к двери. Она подбежала к нему и привела назад.

— Отведи Мэлджамина в мою комнату, — скомандовала она Оуису. — И не позволяй ему уходить. Мне нужно найти Аркхью. Скоро уже рассвет.

— Разве нельзя подождать? — спросил Оуис. — Или нужно найти его прежде, чем Дом проснётся?

— Делай так, как я сказала, Оуис, или я сообщу драджам. В любом случае, это — твоя вина. Поэтому присмотри за Мэлджамином.

— Почему? — заскулил он. — В чём я виноват?

— О, да во всём! — сказала она и направилась к лестнице.

* * *

Доктор подходил к Залу. Белоствольные деревья возвышались вокруг стен. Ряды пустых галерей располагались между изогнутыми ветвями.

Глоспин не пытался сбежать и шёл рядом с Крисом. Все это время он наблюдал за Доктором. Казалось, он стремился не отставать от своего мучителя.

Доктор наклонился, чтобы изучить кучу деревянных щепочек, лежащих на полу. Затем он перевёл взгляд на пыльную паутину, висевшую на потолке.

— Крис, — подчёркнуто пробормотал он.

Обмотанная паутиной, высоко над ними висела продолговатая форма.

— Это — ТАРДИС! — воскликнул Крис.

— Тише, — обратился к нему Доктор. — Странное место, чтобы висеть...как платяной шкаф.

Глоспин посмотрел на форму. На его лице показалась улыбка.

— ТАРДИС, — сказал он. — Это ТТ-капсула³⁵.

Крис дёрнул его за рукав.

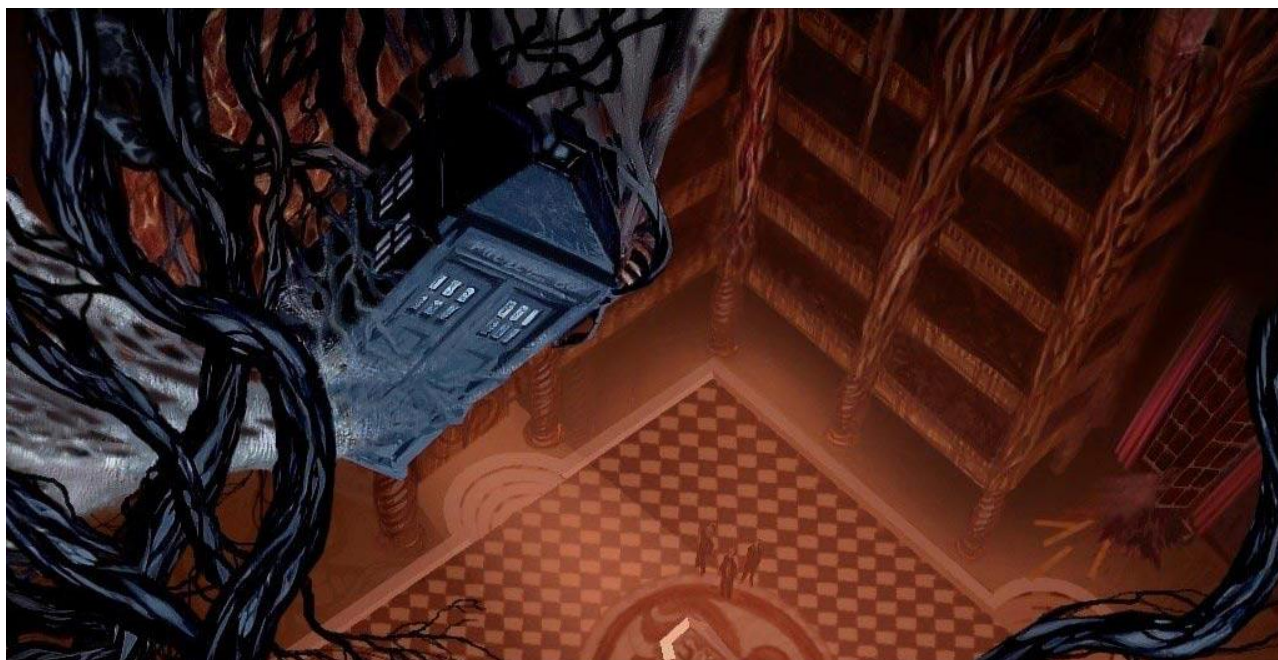
— Не Ваше дело!

Глоспин снова засмеялся.

— Так вот, как вы попали сюда. Очень умно! И заодно это — выход!

³⁵ ТТ-капсула — иное название для машины времени (ТАРДИС), вероятно, от англ. Time Travel.

— Выход? — спросил Доктор. — Что значит «выход»? Приди в себя, Глоспин. И ты, и это место — бледные тени самих себя. Я даже не хочу знать, что случилось с тобой и всей этой семейкой. Наверняка, что-то ужасное. Это — не моя забота. У меня есть дела поважнее.

Крис потянул его в сторону.

— Доктор, думаю, нам стоит здесь задержаться.

— Зачем? Здесь не осталось ничего, что связывало бы меня с этим местом. Всё просто.

Он направился в дальний конец Зала. Две лампы освещали каменный катафалк и прозрачный гроб на его вершине.

— Он всегда был таким, — сказал Глоспин. — Вечно менял решения: то одно, то другое.

Крис поспешил за Доктором. Маленькая фигура замедлила и, наконец, остановилась в нескольких шагах от катафалка. Сквозь стекло виднелся силуэт человека, лежащего внутри. Доктор стоял, склонив голову, а затем подошёл к гробу.

— Квинц, — сказал он, всматриваясь в фигуру.

Крис ждал, наблюдая за Глоспином, пока Доктор не повернулся и не подозвал его.

— Крис, ты ведь знаешь, так? — спросил он спокойно.

— Да, Доктор. Я уже говорил. Это — твой дом.

Доктор вздохнул.

— Да. Это — мой дом, древний Дом Лангбэрроу в южных горах Галлифрея, где я рос. Дикая и красивая местность для худшего места во Вселенной. — Он указал на гроб. — А это был
Ординал-Генерал
Квинцессетианобайолосатугразададеуилангбэрроумас, глава семьи и мой покровитель.

Крис подошёл ближе и посмотрел на старика в гробу. Квинц казался удивительно спокойным. На его груди лежали свежие цветы — розы, лепестками напоминавшие серый шёлк. На них виднелись капельки свежей росы. Крис не заметил никаких признаков зверского убийства.

Доктор повернулся к Глоспину.

— Сколько времени прошло? — спросил он. — Почему он так хорошо сохранился?

— Шестьсот семьдесят три года, — ответил Глоспин. — Со дня...

Доктор присел на корточки, чтобы изучить маленькую панель в основе катафалка.

— Как он умер? — спросил Крис.

Глоспин поднял бровь.

— Он не мёртв, — сказал Доктор. Затем постучал по панели. — Это — статическое генераторное поле.

— Да, — добавил Глоспин. — Китриарх застыл в ожидании.

— Ожидание? Чего он ждёт?

— Тебя, — ответил Глоспин. Он повернулся к Крису. — *Доктор* опоздал на шестьсот семьдесят три года к годовщине смерти Квинца. Бедный старик отказался прочитать своё завещание, пока его фаворит не появится здесь. Вся семья была вынуждена ждать всё это время.

К удивлению Криса Доктор улыбнулся Глоспину.

— Это — не моя проблема, кузен. Насколько я помню, вы изо всех сил старались помешать мне приехать. Без сомнения, вы волновались по поводу того, что может случиться. Хотя не представляю, почему. Ординал-Генерал выгнал и лишил меня наследства давным-давно.

— Это так, Червоточина. Но мы по-прежнему ждём.

— Почему? Саттралоп заперла двери и проглотила ключ?

— Ты скоро узнаешь, — сказал Глоспин. — Компания, к которой ты присоединился в Капитолии, была очаровательной. Это навело меня на множество мыслей. Сколько, ты сказал, тебе лет?

Доктор негодуяще фыркнул.

— О, и небольшое предупреждение, — продолжил Глоспин. — Остерегайся кузена Оуиса.

— Никогда не слышал о нём, — сказал Доктор.

— Именно.

Доктор нахмурился. Он перевёл взгляд на ТАРДИС.

— Я сыт по горло этой темнотой. Мне нужно на свежий воздух. Давайте покинем Дом прежде, чем мы все тут задохнёмся. Это не так уж и сложно.

Он подошёл к одной из стен Зала и принялся отдёргивать в сторону тяжёлый гобелен. Позади него арка высокого окна был заколочена тяжёлыми досками.

— Что за чёрт?

Внезапно разгневавшись, Доктор принялся отрывать доски. В глаза Крису полетело облако пыли. Крики испуганных кузенов пронеслись эхом по всему Залу. За окном по-прежнему было темно.

Доктор бросил доску на пол. Затем другую. Они были чёрными как ночь за окнами Зала. Доктор воспользовался своим штопором, чтобы открыть замок. С треском тот отлетел в сторону.

Когда он открыл окно, оттуда выкатилась целая лавина земли и камней, засыпав Доктора до коленей.

— Что вам нужно в моём Доме?

Из тени появилась женщина. Крис тут же узнал Инносет. Она стала тоньше, но измученное лицо по-прежнему выглядело гордым. На голове у неё была старая коричневая шляпа, и, казалось, что она несла тяжёлый груз на своей спине.

— Что Вы натворили! — сказала она.

Она и Доктор долго смотрели друг на друга.

Крис, всё ещё протирая глаза от пыли, слышал скрипы и стоны давно забытого Дома. Он чувствовал ненависть и гнев

деревянных стен, но ещё сильнее — удивление и презрение между Инносет и Доктором. И всё это смешивалось с горем.

— Инносет, — сказал Доктор, и подошёл, чтобы взять её за руку.

Она отступила. Ее руки дрожали.

— Произошло... убийство, — сказала она, смотря на Криса и Глоспина. Она указала на одну из арок у входа в Зал.
— Там. Это — Аркхью. Он в грибнике. Он был убит.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

После перечисления мною множества существ, появляющихся в «Лангбэрроу», самое время для кого-то составить энциклопедию флоры и фауны Галлифрея. Я всегда любил естествознание (вспомните «Ghost Light»), и когда мне было семь, я написал Дэвиду Аттенборо, спрашивая, как можно стать сторожем в зоопарке. Тогда он вёл передачу по Би-би-си, показывая экзотические места в черно-белых тонах и собирая животных для лондонского Зоопарка. Он даже ответил мне, в общих чертах обрисовав свой путь от университета к Би-би-си. Моя карьера не сложилась, но более, чем сорок лет спустя, этот человек — по-прежнему один из моих героев. Должен быть, по крайней мере, хоть один космический корабль, еще лучше — большая планета, названная «Аттенборо».

Тем временем, мы уже знаем, что на Галлифрее есть кошки, мыши и землеройки, занесенные как лабораторные экземпляры на борту одной из первых машин времени. В «Happy Endings» Пола Корнелла мы узнаём, что есть станок для мышей Рассилона.

Рядом с Домом есть сады, за которыми ухаживают драджи, и мы знаем, что у Доктор была лошадь, на которой он отправлялся в горы, чтобы посетить знакомого отшельника.

Конец этой главы, с открытием того, что случилось с Домом и жителями, был финалом первого эпизода для ТВ-версии.

ГЛАВА 14

СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ

— Сколько погибших? — спросила Романа.

Канцлер Теора сидела в своём кабинете среди разрушений, причиной которых стал взрыв.

— Один охранник точно мёртв, — сказала она изображению президента на плазменном экране. — И ещё один гражданский регенерировал.

— С Вами всё в порядке, Теора?

Повелительница Времени дотронулась до волос, её монументальная причёска была испорчена.

— Слегка волнуюсь, — слегка отступила она от привычной сдержанности.

— Устройство находилось в одном из рабочих лифтов. Оно взорвалось на четырнадцатом уровне.

— Значит, любой мог подкинуть его.

— Эти этажи пусты. Лифт был запрограммирован, чтобы остановиться на восемьдесят четвёртом уровне.

— Но там — посольство тарилов! — воскликнула Романа. — И это всего на два этажа ниже президентских апартаментов.

— Охрана заметила, что что-то неладно, но у них не было времени отправить лифт подальше.

— Значит, лифт был наверху в башне?

— Он взял лифт...

Романа в отчаянии закрыла глаза.

— Лифт обошёл президентские апартаменты, — продолжила Теора. — Как показало наблюдение, он начал спускаться со сто шестнадцатого уровня. На данный момент там никого нет. Мягкая архитектура поглотила большую часть взрыва. Охрана подтвердила, что это была сингулярная бомба.

— О, нет, — вздохнула Романа. — Что насчёт посла?

— Ни посла принца Уайткуба, ни его свиты не было в это время.

— Благодарю. Передайте мою личную охрану в его распоряжение, канцлер. Тарилы — неоценимые союзники.

— Это разумно, мадам президент? Прочие посольства будут ожидать подобного отношения. Я уже передала Ваше личное извинение принцу Уайткубу, и мы удвоили его безопасность.

— О, хорошо. Но мы также должны почтить память погибшего охранника. Ради его семьи. Итак, что насчёт бомбы?

Теора включила запись случившегося. На экране появилось изображение верхушки Башни Цитадели среди плывущих облаков. На одном из этажей раздалась вспышка. Башня разрушилась изнутри, казалось, поглощая солнечный свет. Тогда чёрная коробка гравитационных кордонов сжалась вокруг здания и лучом вернулась в небо.

— От Матрицы не было никакого предупреждения, — сказала Теора. — И никто не взял на себя ответственность.

— Несмотря на большое количество враждебных фракций.

— Охрана говорит, что это не было галлифрейским устройством. Они идентифицируют её как создание планеты Скаро, второй Империи далеков. Но они не знают, каким образом бомбу могли импортировать сюда. Андред руководит эвакуацией Башни.

— Но Вы всё ещё там, Теора.

Канцлер скривила губы и снова коснулась волос.

— У меня целая планета, чтобы сбежать до возвращения президента.

— Подумайте о Галлифрее, — сказала Романа. — Пожалуйста, найдите себе более безопасное место. Ради спокойствия Вашего кастеляна.

— Реальная опасность уже позади, — вежливо ответила Теора. — Последствия миниатюрной черной дыры всё ещё остаются, но они удерживаются защитным полем.

Романа прикусила губу.

— Понимаю, хоть и не поддерживаю Ваше упорство, канцлер. Передайте мою благодарность Андреду. Он знает о Лиле?

— Пока нет, — сказала Теора. — От Агенства по-прежнему нет реакции на изолирование нами алмонера Йукса.

— Ферейн тянет время, — пробормотала Романа. — Готова поспорить, он знает что-то о бомбе. Жаль, что из-за неприятностей с отшельниками новости не проникают через барьер Агенства. Но я что-нибудь придумаю. Нужно увести Лилу подальше отсюда.

— Да, мадам, — Теора просмотрела отчёты на своём столе. — Общественный регистр требует подтверждения, что Вы в безопасности.

— Как и большинство, — сказала Романа. — И не в последнюю очередь тот, кто отправил бомбу. — Она раздражённо отбросила назад волосы. — Чёрт. У меня нет времени для этого, Теора. Я всё ещё не могу вернуться на Галлифрей.

— Вы должны появиться, — сказала ей канлер. — Общественности будет недостаточно одного заявления. И Вы должны успокоить наших гостей.

— Думаете, мы сумели провести Йукса?

— Это было нетрудно. Когда он увидел Вас в комнате, то выглядел абсолютно ошеломлённым.

— Отлично, — ответила Романа и улыбнулась.

— И, конечно, он тайно передал весь разговор в управление Агентства.

— Мы хорошо поработали, канцлер. Это ложка дёгтя в бочку мёда лорда Ферейна. Возможно, мы сможем адаптировать технику.

Теора нахмурилась.

— Не думаю, что Ваше появление таким образом будет отличным тактическим ходом.

— Почему нет? — неодобрительно заметила Романа. — Я обещаю выглядеть заинтересованной. Я не собираюсь устраивать неожиданностей.

Теора снова вздохнула. Склонность президента к легкомысленным замечаниям перед лицом опасности уже стала легендарной.

— Мадам, возможно, это была попытка покушения на Вашу жизнь.

— Или Вашу, Теора.

— Возможно. Так что будет лучше, если Вы, хотя бы ненадолго, вернётесь на Галлифрей.

— Я не могу сейчас оставить переговоры. Они слишком важны. — Романа выглядела расстроенной. — Сейчас главное — не потерять алмонера Йукса.

— Он находится на шестом уровне под наблюдением охраны.

— Вы — молодец, Теора. У меня не могло быть лучшего канцлера. Поэтому не волнуйтесь. Я подумаю о том, как увести Лилу.

Романа улыбнулась, и экран погас.

Это хорошо, подумала Теора. Надеюсь, слова не разойдутся с делом.

* * *

К-9 попытался вспомнить, кем он был.

Информация недоступна.

ПРОЦЕСС ИДЕНТИФИКАЦИИ, сказал источник аналитической резервной копии. Это выделило поток данных, которые никогда ранее не использовались.

*Идентификация> Самость> Самосознание> Личность>
Имя> Внешность> Форма> Вид> Дизайн> Обозначение>
Имя> Идентификация> Самость> Самосознание>*

Личность> Имя> Имя> Имя> Основание> Идти, когда позовут...

ПРЕКРАТИТЬ, сказал аналитик. КАКОВЫ ВАШИ ГЛАВНЫЕ ИНСТРУКЦИИ?

Цель объекта.

Анализ> Корреляция> Защита> Доступ и Восстановление>

Добыча!

ЭКСТРАПОЛИРУЙТЕ КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО «ДОБЫЧА».

Добыча > Добыча > Добыча> Кости!³⁶ Скелет> Яблоко раздора> Лень> Тупица> Обглаживать кость> Дать собаке кость> Дать собаке плохое имя>

ВОССТАНОВИТЕ ИМЯ.

Добыча> Информация получена, хозяйка> Хорошая собака, К-9.

ПОДТВЕРЖДАЮ. ИДЕНТИЧНОСТЬ
ВОССТАНОВЛЕНА.

Подтверждаю. Этот объект определяется как К-9.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ. Модель I.

Подтверждаю. К-9 Модель I.

ОТКРЫТЬ ДОСТУП ПОЛНОГО ОБНОВЛЕНИЯ
ПАМЯТИ.

*Доступ> Ворота> Привратник> Садовая калитка>
Запирать ворота> И—Д—Т—И>*

³⁶ Непереводимая игра слов. Далее следуют идиомы, содержащие англ. Bone (кость) — скелет, яблоко раздора, ленивый, тупица (Bare bones, Bone of contention, Bone idle, Bonehead).

ПОВТОР. ОТКРЫТЬ ДОСТУП К ЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕПОЧКЕ.

Подтверждаю. Открыть доступ. Запуск.

К-9 Модель I завилял хвостом.

Его цепь восстановления памяти напоминала раскладывание цепочки домино. Он восстанавливал *всё> всех> везде> во всех аспектах*. Он узнал, что у него было больше вместимости, чем прежде. И его новая дополнительная ёмкость начала заполняться информацией, которой он не знал прежде.

— Объем памяти увеличился на семьдесят один и одну десятую процента, — объявил он.

Он уже определил аналитика. Поскольку оптические кругообороты восстановили зрение, он его видел. Это была единица, с которой он был на конференции прошедшие пять дней. Датчик угловой металлической головы аналитика был расширен, чтобы принять расширенный датчик его собственной.

Они виляли своими хвостами и ушами и отказались от датчиков.

— Все системы реактивированы и перезапущены, — сказал К-9 Модель I. — Вы — К-9 Модель II.

— Подтверждаю, — сказал К-9 Модель II. — Вы — К-9 Модель I.

Две автоматизированных собаки кружились и «фыркали», определяя обязанности друг друга.

— Все данные ассимилированы, — хором сказали они.

— Следующая цель: найти и восстановить леди Лилу, — сказал К-9 Модель II.

— Подтверждаю, — согласился К-9 Модель I, и последовал за ним.

* * *

Лила легла на кровать, плохо себя чувствуя. Это не было просто последствием допроса равнодушным Повелителем Времени. Это чувство постоянно возвращалось. Неестественный мир делал только хуже. Все эти углы и однотонность. Ничего нового или мягкого, никакого роста, просто старые, удушающие традиции в одежде и церемониях. В Капитолии, единственные живые существа были ограниченными хранителями списков. Независимо от того, как они себя называли, они были по-прежнему хранителями списков. До возвращения Романы здесь царило только прошлое и ничего не развивалось.

Лила выросла в лесах, где всегда расцветала и боролась за существование новая жизнь. Именно поэтому она выращивала цветы, которые хотя бы наполовину скрывали углы и тянулись вверх, к солнцу.

Родной Дом Андреса Редлумс находился за городом, но даже там никто не покидал его. Они просто сидели внутри, читая огромное количество книг и наблюдая транзакцию Общественного регистра из Капитолия. Романа боролась, чтобы что-то изменить, но это походило на каплю в море.

Андред относился к Лиле с гордой преданностью, в то время как другие Повелители Времени ухмылялись за его спиной. В свою очередь, она пробовала вести себя, как он

говорил, надлежащим образом, хотя по её мнению, это выглядело глупо. Зато ночью, оставшись вдвоём, они смеялись над жеманством и манерностью общества Повелителей Времени с их тайнами, и мечтали, что когда-нибудь будут жить без необходимости получать доступ к каталогам или спискам.

— Мне так повезло, — сказал он однажды, смеясь. — Они никогда не преподавали нам это в Академии. Хотел бы я посмотреть на их лица. Я не думаю, что такое случится..., должны пройти тысячи и тысячи лет. Все прочие просто наблюдают за чужаками, а затем за глаза ругают их.

И затем смех исчез.

Это было тем, что она не должна забывать. Если она и боялась чего-то, так это — потерять Андреда.

Она все еще помнила свой допрос, поэтому предположила, что он не закончен.

Когда они слышали взрыв, холодный Повелитель Времени не выглядел удивлённым. Он подошел к окну, чтобы посмотреть. Из своей тюрьмы-силового поля Лила увидела, что небо на мгновение стемнело, как будто весь свет был чем-то поглощён.

Затем Повелитель Времени вернулся и внимательно посмотрел на неё. Он улыбался. Она почувствовала себя животным, попавшим в ловушку.

Внезапно она оказалась в этой пустой комнате — шесть полностью белых стен и никаких дверей. Одни углы. Она заснула на кровати, и проснулась, чувствуя себя больной.

Свет внезапно потускнел.

Она села, понимая, что что-то случилось. От стен исходил тревожный звук. Она обошла комнату, пытаясь найти его источник. Ботинки стучали словно среди первоклассного обмена оружием. Она сразу вычислила один источник, но он, казалось, дублировался.

В белой стене появилась яркая точка. Запахло дымом. Она попыталась не дышать, но дверь вырезалась слишком долго.

— Поторопись, К-9! — крикнула она.

К её удивлению, появилась вторая точка, которая стала направляться к первой. Это вызвало ещё больше дыма. Задыхаясь, Лила опустилась на холодный пол.

* * *

Повелитель Времени, одетый в чёрное, стоял в обшитой панелями судебной комнате Агентства, прислушиваясь к сигналу тревоги. Непрístupная крепость была взломана, чего не происходило на протяжении сотен эр. Защитные барьеры вздрогнули и разрушились. Злоумышленники пробивались вниз, к камерам Сторожевой башни. Количество заключенных было сведено к минимуму, по приказу президента. Как удобно! Она должна защищаться от террористов, ею же освобождённых.

Повелитель Времени покинул комнату и направился по пустым коридорам к тайному входу в барбикан. Он не сомневался, что за всем этим стояла президент. Это была попытка утвердить свою истощающуюся власть над Агентством, чьим номинальным главой она являлась. Хорошо, позвольте её победе вернуть иностранных гостей, если это так нравилось ей.

Внезапное появление Романы в президентских апартаментах выглядело почти убедительно. Даже в этом случае, природа ее миссии вдали от Галлифрея — последнего из нескольких таких предприятий — ускользнула от него. Из всех угроз Галлифрею Романадворатрелундар являлась второй по величине.

Президент и ее канцлер знали горстку имён из Агенства, но были связаны молчанием. Агентство переживёт любого президента, не говоря об этой болтушке. Его команда была безликой. Это вторжение репетировалось тысячу раз. Ничто не указывало на них.

Он подошёл к воротам башни. Её двери были широко открыты. Ожидая, он наблюдал за злоумышленниками в Сторожевой башне на плазменном экране.

Внезапно перед ним возникла команда охранников, в великолепном красно-белом церемониальном облачении — цветах президента. Повелитель Времени улыбнулся. Ворота были открыты, однако трансдукция продолжалась.

— Это здание теперь находится под контролем канцлера, — объявил начальник охраны. Он казался разочарованным, обнаружив так мало противников. — Где Директор преданности?

Безликий Повелитель Времени в чёрном недоумевающе развёл руки.

— Почему вы спрашиваете меня? — поинтересовался он. — Я — всего лишь привратник.

Выжженная арка в стене дополнила разрушения. Из облака дыма появился К-9.

— Извините, хозяйка, — сказал он. — Система охраны Агенства выведена из строя. Пожалуйста, следуйте за мной.

Ли́ла проомолчала. Она удивилась, увидев снаружи второго К-9.

— Я — К-9 Модель II, — объявил он.

— Вижу, — сказала Ли́ла. Она попыталась засмеяться, забыв о тошноте, но вместо этого чуть не захлебнулась.

К-9 прицелился и выстрелил в замок, светящийся рубиновым с тёмной внешней стороны. Послышался вопль разрушающейся охранной системы. Вопль превратился в постепенно исчезающий крик, как у человека, падающего с утёса.

— Сюда, хозяйка.

— Но К-9...

— За нами, хозяйка, — хором сказали они.

Они покатались по коридору, и она пошла следом.

Сигнал тревоги затих.

Снаружи слабо освещённый проход уходил в сторону между пропастями по обеим сторонам. Ли́ла облокотилась на ржавую перекладину, чтобы отдышаться. Дна не было видно. Ячейка заключения держалась на поднятой металлической колонке в пещеристом чёрном месте. Это была часть широкого круга таких колонок с таким же ячейками. Проходы, идущие вниз от каждой ячейки, сходились в центральном центре как спицы в извилистом колесе. Сырой ветер стонал сквозь пористую структуру. Кроме бездумных охранников в серой форме на проходе, не было никаких признаков препятствий.

Ли́ла наклони́лась, чтобы поднять оружие. Держа его в руке, она словно слышала упрёк Андре́да.

— Никакого оружия, Ли́ла. Не в Капито́лии.

— Все́му своё время, — пробормотала она. Но ей вспомни́лся сме́ющийся змеи́ный Пове́литель Вре́мени.

— Как типично для варвара, — злорадствовал он.

Сожа́лея, она броси́ла ору́жие в сторо́ну.

— Хозя́йка! — позвал один из К-9.

Она поверну́лась и последовала за ними, направля́ясь к центру ба́шни. Идя, она чувствовало́ лёгкий ве́тер.

— Где все охранники? — спросила она.

— Они были́ ото́званы, — отве́тил К-9. — Пре́зидент при́казал в четы́ре раза уве́личить ко́личество охра́ны после злоде́яния мяте́жников.

— Что?

— Бо́мба, хозя́йка, — объ́яснил дру́гой К-9, и она реши́ла, что имен́но он прина́длежал ей.

— Бо́мба? — переспроси́ла она. — С Андре́дом всё в по́рядке?

— Подтве́рждаю, хозя́йка. — К-9 дости́гли центра́ и остано́вились.

— Тогда́ мы долж́ны присоеди́ниться к нему́, — сказа́ла Ли́ла. — Как нам вы́йти отсю́да?

— О́тве́т отрица́тельный, хозя́йка.

— Но мы не може́м оста́ться здесь. Они́ заме́тят нас. — Она посмотре́ла в темноту́ в по́иске на́блюдате́льных по́стов.

— Все охра́нные систе́мы повре́ждены, хозя́йка.

К-9 Моде́ль II доба́вил:

— У меня есть инструкции от хозяйки.

— Моя хозяйка — хозяйка, — сказала Модель I. — Не Ваша хозяйка.

— Ответ отрицательный, — сказала Модель II. — Хозяйка Романа.

— Тебя отправила Романа, — воскликнула Лиля с облегчением. — Но я не думала... У нее тоже есть К-9? Она никогда не говорила мне.

— Вы невнимательны, хозяйка Лили, — сказал К-9 Модель I.

— Не мешай, К-9, — ответила Лили. — У другого К-9 есть сообщение.

— Подтверждаю, — сказал К-9 Модель II. — Миссия выполнена на пятьдесят процентов. Вы — не единственный пленник.

— Ещё один? — спросила она, присматриваясь к камерам.

— Подтверждаю.

В колонне одной ячейки сиял порванный зияющий рот. Лили начала медленно приближаться к нему. Она услышала шум. Её шею обхватила рука.

— Вот так! — произнес женский голос.

Лили инстинктивно схватила её за локти и пнула. В никуда. Женщина висела на её плечах.

— Теперь вытащите меня отсюда, — потребовал голос.

Лили раскачивалась из стороны в сторону, пытаясь сбросить женщину. Одежда, которую Андрес заставлял носить её, препятствовала движениям. Её противник

цеплялся как пиявка. Лила увидела К-9, готовых выстрелить в напавшего на неё.

— Никакого оружия, — крикнула она им. Она замерла на месте. Что-то металлическое укололо её кожу возле горла.

— Вытащите меня отсюда, — жёстко потребовал голос.

— Дороти Макшейн, — сказал К-9 Модель II.

— Пропустим визитные карточки. Выведите меня.

Весь проход трясся.

Лила разозлилась. Она повернулась в сторону и упала, надеясь вырваться из рук противника. Женщина по имени Дороти завопила от боли и откатилась в сторону. Что-то металлическое звякнуло неподалеку от её руки. Это был ключ, а не нож.

— Хозяйка! Опасность! Уходите! Покиньте коридор!

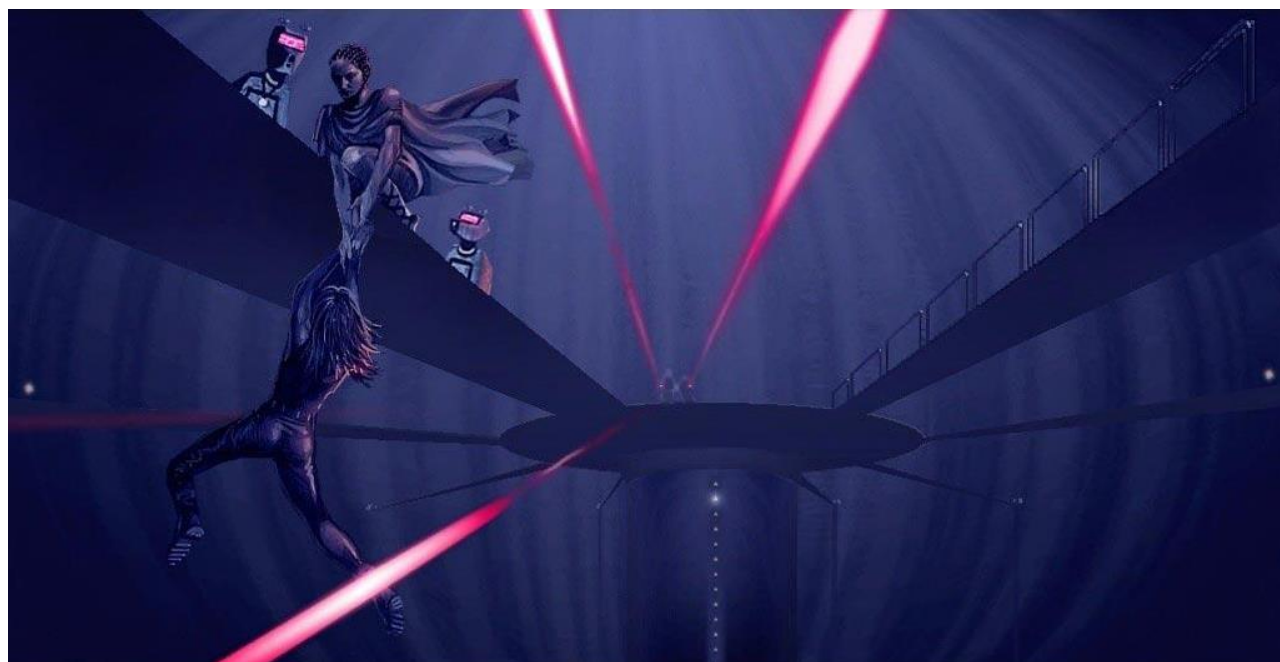
Лила слышала срочные предупреждения обоих К-9, но была слишком занята, чтобы последовать им.

Через мгновение Дороти поднялась и столкнулась с Лилой. У нее были длинные, растрепавшиеся каштановые волосы, и она была одета в черное. В холодных глазах светился гнев. Лила признала в ней воина. Но ее чувства, казалось, не поддавались контролю.

Дороти бросилась снова, но Лила увернулась, нагнувшись, и увидела летящую кувырком женщину. Поскольку та исчезла за краем ограждения, Лила схватила её за руку. Их пальцы сплелись. Внезапный тяжёлый толчок почти вывихнул плечо и затянул её наполовину за ограждение.

Она чувствовала, что проход дрожал, и слышала далёкие просьбы К-9. Чёрное небытие зияло под её качающимся

противником. Обеими руками она медленно вытягивала женщину по имени Дороти.

Проход снова сильно затрясся.

— Хозяйка! Хозяйка Лила!

Лила села. Проход перемещался. Один конец оторвался от центра. Он заскользил назад и унёсся в пропасть под колонку с изолированной тюремной ячейкой. Ограждения перемещались по полу в том же направлении.

Лила подошла к открытому краю и посмотрела в расширяющийся промежуток. Было слишком далеко, чтобы допрыгнуть. К-9 стояли в центре, смотря на неё.

— Ты сказал, что система охраны была сломана, — крикнула она.

— Подтверждаю, хозяйка. Включился автоматический режим. Попытка исправить повреждения.

Два луча рубинового света пронеслись мимо Лилы. Они взорвались, посылая поток искр из глубины. Проход продолжал раскалываться.

— Извините, хозяйка. Пожалуйста, подождите.

— Кто эти животные? — спросила Дороти.

— Они — Ваша спасательная экспедиция, — ответила Лила.

— Чьи?

— Они сказали, что президент отправил их, — призналась Лила. — Но они, возможно, сами вызвались.

— Какой президент? Франции? ЕС? Галактической Федерации?

Следующая вибрация вынудила их опуститься на колени.

— К-9. Позови на помощь! — закричала Лила.

— Помощь уже в пути, хозяйка, — сказали оба К-9.

— Тогда передайте им поспешить!

Лила повернулась, чтобы найти запасной выход и увидела отверстие в клетке.

— Мы можем вернуться туда.

— Нет, — сказала Дороти. — Я не вернусь туда. Я только что оттуда выбралась.

— Тогда у Вас должно быть режущее устройство.

— Необязательно. Просто небольшое количество взрывчатки, которую я всегда держу при себе.

— Там достаточно, чтобы остановить эту вещь?

— Я израсходовала всю, — раздражённо ответила Дороти. Она ждала реакции Лилы.

— Значит, мы должны войти в клетку.

Дороти улыбнулась.

— Я лучше прыгну.

Проход уже наполовину разрушился. Лила могла услышать треск металлической конструкции. Чёрные панели скользнули по внешним стенам клетки, блокируя их последний шанс скрыться.

— C'est la guerre³⁷, — Дороти облокотилась на перекладину и изучала опоры ближайшей конструкции. — Оставьте это до последней секунды. Если Вы справитесь с этим.

— Я предпочту прыгнуть, чем упасть, — сказала Лила.

— Хорошо, — ответила Дороти. Она указала на центр. — Держитесь. Проблема.

Три фигуры в униформах охраны появились за К-9.

— К-9! Сзади! — крикнула Лила.

Когда собаки повернулись к охранникам, один из них снял свой красный шлем.

— Лила! — крикнул он.

— Их униформы, — заметила Дороти. — Это же Галлифрей.

— Это — Андред, — объявила Лила. — Он спасёт нас.

— Ничего себе, — пробормотала Дороти. До пропасти оставались считанные сантиметры. — Скажите ему поторопиться.

— Он сам знает, — ответила Лила..

В центре охранники закрепили оружие на штативе.

— Вперёд, — крикнул Андред.

Крюк пролетел через пропасть и воткнулся в стену клетки. Он тянул за собой кабель.

³⁷ C'est la guerre — это война.

— Вот так, — сказала Дороти. Она обвязала петлю вокруг жакета.

— После Вас, — холодно сказала Лила.

Дороти схватилась за жакет и оттолкнулась. Она мчалась вниз через пропасть и в руки Андреда.

Как только пришла её очередь, Лила привязалась за кожаный пояс. Пока она перемещалась, воздух ревел в её ушах как голодный клубок обманутой пропасти.

— Лила, я должен арестовать тебя, — сказал Андред, поймав её за талию. — Ты в порядке? С тобой всё хорошо?

Она положила голову ему на плечо.

— Я соскучилась по тебе, — прошептала она. — Что произошло?

— Мы чуть не опоздали, — сказал он.

— Система охраны автоматически запустилась, как только силы канцлера прошли ограничительный блок, — прервал К-9.

Андред отстранился, смутившись охранников, и надел шлем.

— Блок ограничения Агентства создан в соответствии с законом канцлера, — объявил он. — Я увидел вас на экранах.

Лила кивнула на Дороти, ухмыляющейся в ожидании.

— Мадам, эээ...Макшейн Дороти?

— Дороти Макшейн, — поправила Дороти.

Он поклонился.

— Президент Романадворатрелундар приносит глубочайшие извинения за то, что Вы попали в руки

Агентства. Она приглашает Вас присоединиться к ней в президентских апартаментах.

— Она вернулась? — радостно сказала Лила.

Взгляда Андреда было достаточно, чтобы напугать младенцев и заставить замолчать самого дьявола.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Первоначально эта история из трех частей происходила исключительно внутри дома Лангбэрроу, как в «Ghost Light». Это была история Седьмого Доктора и Эйс, поэтому в ней не появлялось других спутников — Лилы, Романы или К-9. Крис Кведж был придуман заранее, еще до появления Эйс. Часть истории происходила в Капитолии — расширенная версия книги была оправданием для описания множества политических интриг и теорий заговора (в свое время мы все увлекались «Секретными материалами»).

Романа провела много времени с тариллами в Е - пространстве, поэтому предпочла увидеть их в качестве первых чужестранцев-послов за многие тысячи лет. Немного изменилось с тех пор, как Четвертый Доктор отказался взять Сару Джейн Смит к себе домой.

Идея с двумя К-9 была интересной. Тарилам, должно быть, удалось сохранить К-9, когда Романа покинула Е-пространство. Лучшая особенность К-9 — его способность вежливо говорить, не обращая внимания на человеческие пороки. Два К-9 даже лучше, чем один. К счастью, мы пощадили Сару Джейн с ее моделью.

Своего рода неизбежность, что Лила и Дороти объединились. Две сильные женщины, обе квалифицированные воины со своим оружием. Казалось бы, Дороти/Эйс обычно колюча по отношению к другим спутникам. Она была такой же с бригадиром в «Battlefield», и хотя она и Бенни являются друзьями в «New Adventures», они

вечно кружатся друг возле друга, как пара осторожных кошек.

ГЛАВА 15

СТАРУХА

Нельзя больше проигрывать. И так слишком много потеряно.

Глоспин на четвереньках взбирался по длинной лестнице. Он так долго был недвижим в печи, что каждый шаг давался ему с трудом. В его мыслях вспыхивали всё новые идеи. Ненависть, как вино, созревала шестьсот семьдесят три года. Кроваво-красная бутылка, готовая для открытия.

Одна эта мысль прервала поток идей. Он должен первым сказать Саттралоп.

Глоспин достиг верхушки и увидел драджа. На его деревянной поверхности виднелся налёт белой пыли.

— Саттралоп, — сказал Глоспин. — Я должен увидеть её. *Он* здесь. *Он* вернулся.

Драдж громко вскрикнул и бросился к нему. Глоспин испугался и побежал, но запнулся за ножку стола. Шкаф хлопал дверцей, пытаясь попасть по нему. Глоспин упал на пол, потирая ушибленный лоб.

Деревянная рука драджа подняла его за шиворот как куклу. Он уже знал. Знал о возвращении этого ужасного ренегата.

— Почему ты не ловишь его? — закричал он. — Он здесь, в Доме. Почему ты ничего не делаешь?

Драдж начал направляться к лестнице.

— Нет! — Глоспин попытался вырваться. — Я не вернусь обратно в печь!

Но вместо того, чтобы спуститься по лестнице, драдж свернул в соседний коридор. Глоспин затих, понимая, что слуга схватил его, как кошка — мышь, чтобы принести хозяйке.

* * *

— Он был здесь всё это время.

Крис склонился над трупом, чьи ноги и руки покрывали грибы, они медленно скользили по тому, что когда-то было Аркхью. Крис почувствовал дурноту.

— Вы можете светить повыше, пожалуйста? — обратился он к Инносет, стоявшей рядом с оградой.

Она подняла свою лампу, крепко сжимая руку Доктора другой рукой. Она не произнесла ни слова с тех пор, как Глоспин сбежал из Зала. Она шла первой, и Доктор следовал за ней. Крис подумал, что никогда не видел Доктора столь покорным.

В мерцающем искусственном свете Крис узнал лицо маленького человека, который был так испуган в его сне. Его тело было наполовину похоронено в грибном компосте и покрыто серебристым узором слизи.

— Да, это Аркхью, — сказал он. — Пока мы разговаривали, он лежал здесь.

Он поймал осуждающий взгляд Доктора и понял, что проговорился.

— Он окончательно умер? — спросила Инносет.

— Окончательно? Мёртвые мертвы, разве нет?

— Здесь не всегда так, — сказал Доктор.

— Не думаю, что он собирается регенерировать, если вы это имеете в виду.

Доктор начал перебираться через ограду, но Инносет удержала его за воротник.

— Ты же не думаешь, что я это сделал, — сказал он.

— Я ничего не думаю, — ответила она. В её голосе слышался обвиняющий тон.

Крис молча наблюдал за ними.

Доктор и Инносет смотрели друг на друга. Очевидно, что-то происходило между ними — не только взаимопонимание, но и, возможно, обмен телепатической информацией.

* * *

— Это *он*, — упорствовал Глоспин. — Проснитесь, Саттралоп. Вы должны проснуться.

Старая домоправительница пошевелилась в своём кресле-качалке. Её веки задрожали и приоткрылись.

Глоспин попытался освободиться от ручек стула, в котором он сидел. Огромные пальцы, которые формировали спинку, смыкались перед ним.

— Проснитесь, кузина. Это он. Он вернулся. Изгой.

— В чём дело? — Она всё ещё не проснулась окончательно. — Кто здесь? Где моя семья?

Драдж приблизился и снял паутину, покрывавшую её лицо. Затем, достав влажную губку из одного из своих ящичков, он протёр её глаза. Саттралоп не реагировала, но потом оттолкнула огромного слугу.

— Глоспин? Это ты? — Её голос хрипел. Она искоса посмотрела в зеркало.

— Я здесь, кузина, — сказал он.

Саттралоп попыталась повернуться, но усилие потребовало много напряжения.

— Пришёл, чтобы проведать меня? — спросила она с кажущейся нежностью в голосе. — Или драджи принесли тебя, а, злюка?

— Я пришёл, чтобы предупредить Вас. Посмотрите в зеркало. Это *он*. Тот, чьё имя Вы запретили нам когда-либо упоминать. Он вернулся домой.

Она сжала наконечник трости, лежащей на коленях, своими старыми прозрачными руками.

— Он? — переспросила она.

— *Он* вернулся. И Аркхью уже мертв.

— Нет, нет! Никто не умер. Это был сон. Мы все спим.

Ее веки снова закрылись.

— Проснитесь! — закричал Глоспин. — Аркхью мёртв. Сделайте хоть что-нибудь, прежде, чем мы все будем убиты в наших постелях!

— Убийство? Я запретила это слово! Не было никакого убийства! — Её руки сильнее сжали трость. Она рылась в карманах юбки в поисках ключей. — Мы должны послушать Дом. — Ее шея щелкнула, когда она повернулась к своему слуге. — Драдж. Драдж! Это правда?

Круглые зеркала на туалетном столике качнулись вперед, отбрасывая бесконечные коридоры света в центральное

стекло. Саттралоп застонала и сжала ручки кресла. Она начала дрожать.

— Старый Дом волнуется, — прошептала она. — Землеройки грызут стропила. Жуки разбегаются по погребам. — Она задохнулась от боли. — Есть рана, зияющая в верхних башенках! Кто-то незванный пересёк порог! Кто это? Кто там?

— Это *он*, — сказал Глоспин. — Прислушайтесь. Он вернулся.

— *Он*? — Саттралоп глухо застонала. Её зеркало отразило коридор, ведущий к грибной ферме. Сейчас в нем стояли две отдалённые фигуры. Одна была кузиной Инносет, другая носила бледную шляпу, скрывавшую лицо.

По крайней мере, подумал Глоспин, старая карга распознаёт незнакомца в нашей среде.

— Драдж! Драдж! — позвала Саттралоп.

Драдж подошёл к ней.

— Почему ты позволил мне спать так долго, а? Который час? Я хочу увидеть свою семью. Всех их. И приведите мне этого нарушителя, кем бы он ни был. Живо!

* * *

Уверенность Доктора уменьшалась под пристальным взглядом Инносет.

— Нет, я не верю ему.

Он опустил глаза и добавил:

— Спасибо за информацию, кузина.

— Одних слов недостаточно, — сказала Инносет.

— Чем скорее Квинц будет разбужен, тем лучше.

Доктор мельком взглянул на Криса и пропустил внезапное выражение страха на лице Инносет. Крис заметил это и перешёл к своей роли судьи. Он смахнул грибы с шеи Аркхью.

— У него на горле огромный синяк. Думаю, его кто-то задушил.

Доктор стукнул по забору.

— Да, в конечном счете, он мёртв, — сказал Доктор. — Не регенерировал. Он был убит. Возможно, ты предоставишь нам и список подозреваемых, Крис.

Инносет внезапно обернулась, чтобы посмотреть на вход.

— Уходите отсюда, быстро, — сказала она. — Ну же!

Как только Крис перелез через ограду, Инносет направилась к двери. Из тени появилась огромная фигура драджа, высокая даже для неё. Он вертелся, чтобы увидеть Доктора и Криса, но Инносет преградила ему путь, поднеся лампу к лицу.

— Нет, — твёрдо сказала она.

Драдж попытался пройти мимо неё. Он указал рукой на злоумышленников и издал сухое рычание, похожее на треск раскалывающегося дерева.

— Нет, — повторила Инносет. — Это мои гости. По законам гостеприимства, они находятся под моей защитой. Ты должен им повиноваться.

Доктор подошёл к Инносет, таща за собой Криса. Он поднял шляпу мелодраматическим жестом.

— Большое спасибо за приглашение, кузина Инносет. Мы надеемся, что наше пребывание будет приятным. — Он толкнул Криса.

— Гм, да. Спасибо, — сказал Крис.

Инносет склонила голову, удостоверяясь, что драдж видел ритуал.

Две крошечных полированных сферы находились в вырезанном лице, отражая комнату и её обитателей. Крис заметил собственное изображение и почувствовал себя пойманным в ловушку.

Солнечный свет отражался от листьев и реки. Он слышал щёлканье рогов соперничающих жуков. Он ткнул одного из них веткой камыша. Жук загудел, расправив крылья, и огрызнулся на тростник. Он ткнул его снова и наблюдал, как тот улетает.

Позади раздался крик. Он повернулся и увидел, что молодая женщина бежит по песчаному берегу. Это была кузина Инносет. Она выглядела двадцатилетней. Ее одежда, тяжелая для такой экспедиции, зацепилась за корни. Она приподняла край, открывая нижние юбки. Она заругала его, когда он засмеялся. Она попыталась освободиться, но корзина, которую она несла, опрокинулась, и все ягоды высыпались в песок. Она поскользнулась и упала вслед за ними.

— Мы опоздаем к ужину, — сказала она, пытаясь пригладить свои своенравные юбки.

Он видел, что она тоже смеялась.

Крис чувствовал, что его держат под руки. Во рту он чувствовал вкус пыли.

— Моя комната, — услышал он Инносет.

Драдж вертелся, наблюдая, как они уносят его.

— Я в порядке, — пробормотал он.

— Тебе повезло, старик, — почудились ему слова Доктора.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Насколько виновен Доктор в тяжёлом положении своей семьи? Мы знаем, что он влияет на любое место, где бывает. Никто из тех, кого он встречает, даже на мгновение, не уходит невредимым. Его причастность обычно полезна, но в случае с его семьей это просто катастрофа. Если Вы проследите за пагубными событиями в Доме, все они начинаются с момента, когда Доктор уходит. Или раньше? С момента рождения? Кузен Глоспин подозревает, что ещё раньше. Возможно, настоящая проблема состоит в том, что Доктор вообще существует. Рано или поздно ему, вероятно, придется начать говорить, что он сожалеет об этом.

Бедная Саттралоп грубо разбужена от ее глубокого сна. Она — хранительница ключей, паук в центре паутины Дома, потерянная и убаюканная в темных мечтах как тетя Ада Дум, которая видела что-то противное в «Неуютной ферме». Нужно время, чтобы стереть сон с её старых глаз. Но когда она просыпается, то чувствует дрожащие протесты Дома, она видит незваных гостей в коридорах зеркал; и тайны, потерянные под пылью столетий, будут раскрыты. Намного лучше для всех, если она перевернётся и вновь заснёт.

Мне была нужна вставка, возвращающая к более счастливым временам и приключениям детства. Единственный солнечный свет в Лангбэрроу исходит из глубин памяти жизни перед темнотой. Итак, это — жаркое сухое лето в долине у подножия горы Ланг. Кузина Инносет собирает ягоды вместе со своим плутоватым кузеном

Доктором. Счастливые дни. Всё это нужно, чтобы подчеркнуть сырой мрак, в котором сейчас находится семья. Мне очень нравится эта небольшая сцена.

ГЛАВА 16

В ГОСТЯХ У КУЗИНЫ

ИННОСЕТ

Крис принял решение прежде, чем они подошли к комнате. Лучший способ понять это место состоял в том, чтобы оставаться нейтральным. Ничего не говорить, просто смотреть. Изображать инвалида.

Легче сказать, чем сделать. Голоса в его голове снова принялись шептать. Одно слово повторялось множество раз. Оно походило на Малджермин.

Что касается видений и мечтаний, он считал их экстрасенсорным эхом, исходящим от камней и древесины Дома. Но другие видения начались прежде, чем он добрался до Лангбэрроу. Они выглядели не менее яркими. Но не были его собственными снами. На них лежал отпечаток Доктора. Они являлись снами Доктора, но Крис не был уверен, спроектированы ли они сознательно или просто просачивались из головы Повелителя Времени.

Он почувствовал головокружение и лёгкую тошноту. Он застонал и обрушил весь свой значительный вес на Доктора и Инносет. Хорошо, что я не в доспехах, подумал он.

— Уверен, что драдж следует за нами, — пробормотал Доктор. — Не оглядывайтесь.

Инносет запнулась и чуть не уронила Криса.

— Я возьму его.

Крис был удивлён, что Доктор поднял его на руки.

— За нами никого нет, — сказала Инносет.

— Говори за себя, — пожаловался Доктор, поскольку они продолжали идти. — Что за место. Странно, что у нас не выросли глаза на затылке.

— Кто это? — спросила Инносет.

— Крис? Он — мой друг. Он доверяет мне. Лучше расскажи мне о похороненном Доме. И что там насчёт убийства?

— Какого убийства? — резко ответила Инносет. — Не было никакого убийства. Квинц застыл.

Никто и не говорил о Квинце, подумал Крис.

— Я думал об Аркхью, — сказал Доктор.

Я тоже, подумал Крис. Мой главный свидетель. И теперь он мёртв. Как забавно.

— Он всегда был безобидным парнем, насколько я помню. Вежливый, скромный. Необычный для этой семьи. Всегда витал в облаках.

— Так и есть, — ответила Инносет. — Но теперь этому конец.

Они продолжали идти в тишине. Дом, казалось, растягивался на несколько миль.

Наконец Инносет прервала молчание.

— Где ты оставил ТАРДИС?

— Ага, — произнёс Доктор. — Значит, ты подслушивала.

— Думаю, это единственный способ попасть сюда.

— Я предполагаю, что трансматовая кабина неоперабельна всякий раз, когда что-то происходит.

— Да.

— Так или иначе, теперь я здесь, мы можем разбудить Квинца и разобраться с этим.

Ответа не последовало. Крис услышал, как поворачивается дверная ручка.

— И я надеюсь, что стоило ждать, — добавил Доктор. Когда он развернул Криса, чтобы пройти в дверной проем, то пробормотал: — Я надеюсь, ты запоминаешь всё это.

Крис услышал ещё один знакомый голос.

— Я привёл Мэлджамина, как ты и...

Голос задрожал.

Крис открыл наполовину один глаз и увидел кузена Оуиса, одетого в старьё, но все еще с полным лицом, во всяком случае, по сравнению с другими обитателями этого места.

Оуис уставился на вновь прибывших как школьник, широко открыв рот.

— Этикет, — сказала ему Инносет, но, видимо, напрасно. Она поправила порванный платок, прикрывавший большое зеркало.

Крис почувствовал, что Доктор хочет снять свою шляпу и представиться, но его руки были заняты. Он аккуратно положил Криса на стул.

У комнаты, как и у всех в Доме Лангбэрроу, были пещерообразные высокие потолки и стены с белыми стволами. Во всём скользила тёмная желтизна, словно здесь курили столетиями.

Оуис поднял палец и указал на них.

— Люди, — удивлённо произнёс он.

Около него, на большом стуле, сидел второй человек. Он был покрыт сажей и печально смотрел на пол.

— Я просила тебя проследить, чтобы он был в безопасности, — обратилась Инносет к Оуису. — Выйди и проверь, есть ли рядом драджи.

— Зачем? — спросил Оуис, не сводя глаз с Доктора. — Кто они? Мы куда-то уходим? Они пришли, чтобы вывести нас?

— Просто сделай, что тебе говорят!

Кузен состроил гримасу и вышел.

Доктор снял шляпу и неловко мямлял края.

— Этот молодой человек, не узнаю его. Как я понял, он — замена. Но если Квинц жив, то кто умер?

— Ты, — прямо ответила она.

— А, — Доктор заглянул в шляпу, как будто искал там бейдж. — Ты не говорила об этом.

— И теперь, когда ты вернулся, у Оуиса нет законного права существовать. — Она порылась в ящике и, наконец, достала из него длинный шнур.

Доктор отложил свою шляпу.

— Что ж, тогда пришло время проститься снова.

— О, нет, — сказала она, проверяя прочность шнура.

Она склонилась над покрытым сажей человеком и начала привязывать его к стулу. Он ничуть не сопротивлялся, просто сморщил нос и слегка засвистел.

— Это не чересчур экстремально? — спросил Доктор. Он присел возле них. — Это — кузен Мэлджамин? Что они с тобой сделали?

Снова Крис услышал голоса, звенящие в его голове.
Мэлджамин, Мэлджамин...

Инносет обдумывала ответ, пока затягивала узел.

— Я должна сделать это. Помешать ему уйти. Слишком многие пропали.

Доктор положил руку, препятствуя ей.

— Инносет, не стоит решать проблему связыванием кузенов. Это не ответ. Мэлджамин нуждается во врачебном уходе.

— Откуда? — спросила она, отодвигая его. — Я уже сказала, что нужно помешать ему. Особенно, если все мы вскоре уйдём. Это должно остановить его. — Она стояла, оценивая свою работу. — И не говори мне, что я сошла с ума.

— Куда, по-твоему, он может уйти? — мягко спросил Доктор. — Как он уйдет, если выхода нет? Через дымоход?

Она покачала головой. Мэлджамин слегка пискнул.

Крис, почувствовал, что кто-то взял его за руку

Крошечная старая леди, которую он не заметил раньше, пристально смотрела на него. Она была похожа на старую леди в «Продюсерах». Только меньше. Он и Роз смотрели фильм в ночном кинотеатре в Мельбурне в 2004. Ни один из них не понимал шуток. Это было плохо, если учесть, что остальная часть аудитории умирала со смеху.

— Отведите меня домой, дорогой, — сказала старая леди. Ее голос был хилым и жалобным. — Я — Джобиска. Это не мой дом. Я не могу выйти. Это неправильно.

Её бледные глаза покраснели от слез. Крис вспомнил о приступе плача Аркхью и не знал, что ответить. Он мягко сжал её руку. Хромая, она подошла к креслу и села в него.

Инносет сняла с себя плащ. Доктор недоверчиво смотрел на огромную раковину на ее спине.

— Что ты делаешь, кузина? — спросил он. — Что всё это значит?

Он коснулся рыже-серой раковины и Крис понял, что это были живые волосы. *Её* волосы, заплетенные в единственную косу, могли бы достичь двора, если бы когда-нибудь были распущены.

Она подняла и опустила плечи, как будто проверяя вес своего бремени.

— Я не могу обрезать их, пока мы все не выйдем отсюда. Это — моя вина.

— Почему? — спросил Доктор. Он посмотрел на закрытое зеркало. — О чём не должна знать Саттралоп?

Инносет внезапно обернулась к Мэлджамину. Одновременно с этим в голове Криса взорвался хор голосов. Голова кузена резко упала на грудь. Джобиска тихо захныкала.

— Сочувствую, — сказал Доктор и снова снял шляпу. Он застыл на мгновение, очевидно, что-то вспоминая. — Я не помню, сколько ему лет.

Инносет положила руку на голову Мэлджамина. Затем закрыла ему глаза.

Крис поёжился. Голоса становились всё громче.

Доктор наклонился вперёд и начал распутывать узел, привязывающий Мэлджамина к стулу.

— Оставь его! — отрезала Инносет.

— Нельзя оставлять его в таком положении, пока он регенерирует.

— Он не собирается регенерировать.

— Что? Он не настолько стар.

Она схватила Доктора за руки.

— Оставь его.

Тело Мэлджамина дёрнулось. Он поднял голову и напрягся. Ослабленный узел распутался. Мэлджамин сорвался с места и бросился к двери. Инносет схватила его, но он оттолкнул её назад, прямо на Доктора.

Крис соскочил со своего стула и схватил Мэлджамина, прижав его к земле. Тощий кузен боролся с силой великана, но Крис скрутил ему руки за спину. Мэлджамин вертел головой, пытаясь разглядеть противника. Его глаза были мертвы.

— Отпустите его, — сказала Инносет.

— Что? — хором произнесли Крис и Доктор.

— Не пытайтесь остановить его. Слишком поздно. — Она толкнула дверь. — Пожалуйста, позвольте ему, по крайней мере, уйти с достоинством.

Крис опустил колено на спину Мэлджамина и обратился к Доктору за инструкциями.

— Держи его, — сказал Повелитель Времени и повернулся к Инносет. — Я хочу знать, куда он пойдёт.

— Подальше от страданий, что вы причиняете, — объявила она.

— Абсолютная чепуха, кузина!

— Просто отпустите его! — Инносет открыла дверь и замерла.

Снаружи стояла огромная фигура, наполовину скрытая в темноте. Она не двигалась.

Мэлджамин вырвался из рук Криса и выбежал из комнаты мимо застывшего драджа.

Доктор и Инносет стояли в дверном проёме, ожидая, что сделает слуга. Когда Крис присоединился к ним, Мэлджамин уже исчез во мраке.

Драдж не пошевелился. Он просто смотрел на Доктора.

— Что ему нужно? — прошептал Крис.

— Ну, вряд ли он принёс нам булочки с сыром, — ответил Доктор.

Инносет закрыла дверь.

— Оуис должен был предупредить нас. Подождите, пока я не найду его.

Она открыла дверь. Драдж по-прежнему стоял там.

Оуис стоял, прислушиваясь к черепам. Черепам, которые жили под палатой. Они были шумными сегодня вечером, шепча через проходы и коридоры. Всегда неуловимые для взгляда. В тених. За занавесками. Когда Вы были нужны им, они звали Вас по имени. Сегодня вечером они звали Мэлджамина.

Оуис нервно жевал сухой пустоголовик. Он должен рассказать Глоспину о злоумышленниках. Он должен был

знать, зачем они пришли. Он не видел настоящих людей с начала темноты. Он забыл, на что они похожи. И он знал, где они вошли.

Он направился к трансматовой кабине в Зале в южном крыле. Она была заброшенной, пульт управления потемнел от векового осадка углерода. Дверь покрылась паутиной. Внутри среди тусклого мерцания находился призрак, фигура в униформе, что стояла там с наступления темноты. Оуис был уверен, что уже день, но проходы по-прежнему оставались тёмными³⁸. Он протянул руку к летучей мыши, висевшей вверх ногами. Небольшое животное запищало и взяло кусочек пустоголовика.

— Где остальные? — сказал Оуис, поглаживая её кожистые крылья.

Она вспорхнула и улетела. Пока он торопился рассказать Глоспину, он прикасался к воспоминаниям, живущим в каждой тени Дома. Он видел места, где крал еду и где был пойман, когда крал её. Возможно, он видел их в последний раз. Он не был уверен в своих чувствах. Это могло быть просто расстройство желудка.

³⁸ В главах, где действие происходит в Доме Лангбэрроу, автор использует слова «candle day» и «candle night». Так как это не имеет аналога в русском языке, в переводе это — «день» и «ночь». Но на самом деле подразумевается то, что за окнами — вечная темнота, а время суток определяется зажиганием ламп, а не естественным образом. Когда лампы включаются — наступает день, когда выключаются — ночь.

Печь Глоспина была пуста. Металлическая дверца висела открытой, как будто печь отчаялась вернуть пленника.

Оуис направился к грибной ферме. Среди грибов виднелись следы ботинок. Урожай скользил по полу и стенам. Площадка была практически пуста. Тело Аркхью исчезло.

Присев, Оуис выкопал самые жирные грибы и засунул в карман. Черепа успокоились. Дом был тих. Нервная тишина. Никакого скрипа или писка. Внезапно он понял, почему Инносет отослала его. Это было намеренно. Они хотели избавиться от него. Инносет, и Глоспин, и Аркхью. Землеройки. Даже черепа ушли. Эта была месть. Они все сбежали, не позвав его с собой.

* * *

Драдж не двигался. Он стоял возле двери в комнату Инносет, полностью сосредоточив внимание на Докторе. Крис подумал, что он, вероятно, мог бы ждать вечность.

Доктор и Инносет игнорировали присутствие драджа, молча расхаживая по комнате. Джобиска заснула в своём кресле. Крошечная связка костей в грязном и рваном кукольном платье. Крис задался вопросом, как что-либо настолько хилое могло всё ещё существовать.

Голоса в его голове стихли, как только Мэлджамин покинул комнату. Но он был уверен, что Инносет тоже слышала их. Что касается Доктора, ну, в общем, Доктор был Доктором. Невозможно сказать, о чём он думал — по крайней мере, как минимум о трёх вещах сразу. И это только тогда, когда он спал.

Крис поднял старые, поцарапанные фишки, которые были рассеяны по тому, что напоминало карту местности. Миниатюрные модели странных зданий на склонах горы, связанные поблекшей тропинкой и разделённые на крошечные цветные квадраты. Он нашел среди фишек восьмигранный кубик и бросил его на доску.

Грохот заставил Доктора с Инносет обернуться и прекратить молчаливый спор. Фишки на доске самостоятельно расположились по Домам согласно цветам. Старая леди тоже проснулась. Как только она увидела, что делает Крис, то нетерпеливо наклонилась вперёд.

— Мне неизвестны правила, — сказал Крис.

— Тогда играйте в одиночку, дорогой. Это — единственный способ изучить «Сепалчезм».

Крис снова бросил кубик. Выпал символ, похожий на спираль, что, насколько знал Крис, являлось галлифрейским эквивалентом 7. Зелёная фишка передвинулась на соответствующее количество шагов.

Крис бросил снова, и коричневая фишка прошла четыре квадрата.

— Так? — спросил Крис. — Но какова цель?

— Узнаешь, — ответила она, поэтому он продолжил бросать кубик. Пока он наблюдал за передвигающимися фишками, Инносет и Доктор подошли к камину на другом конце комнаты.

— Но Мэлджамин был вторым, кто сегодня ушёл, — сказала она.

— Это — чересчур эмоциональный анализ событий, — ответил Доктор. — Непохоже на тебя, Инносет. — Он понизил голос, но Крис продолжал их слышать. — Аркхью был убит. Хотя он никуда не уходил. Нам не стоит разделяться. Так куда направился Мэлджамин?

— Он выбрал путь к забвению. Они все выбирают его, когда больше не могут выносить темноту.

— Какую темноту? Темноту, которую Саттралоп навязала всем вам и обвинила в этом меня? — раздражённо спросил Доктор. — Где остальные кузены? Ты хочешь сказать, что они покинули Дом? — Она молчала. — Они были здесь, когда началась эта ерунда?

— Да, — ответила она.

— Все сорок четыре? Тогда сколько осталось?

— Шестеро.

Доктор поднял шляпу.

— Шестеро? Как так? Как могло остаться всего шестеро?

— Оуис, Джобиска, Ринд и я, — перечислила она. — Глоспин и Саттралоп.

— И Квинц, — добавил Доктор.

— Да, Квинц, конечно, — быстро сказала она, оборачиваясь, чтобы поглядеть на дверь.

— И Доктор, — вмешался Крис. — Уже восемь.

На кубике выпало сорок пять.

— Но где другие, Инносет?

— Я не знаю.

— Думаю, что знаешь. Что они говорили обо мне? Точнее, что говорила Саттралоп?

Крис обернулся и увидел, что Доктор смотрит на неё тем же внимательным взглядом. Но через несколько мгновений он нахмурился и отвёл глаза.

— Инносет, твой разум как прочный мрамор. Это похоже на распитие чая с памятником.

— Игра, — напомнила Джобиска, указывая пальцем на Криса.

— Секундочку, — ответил он.

Доктор подошёл к Крису, поправляя галстук и жилет.

— Я хочу встретиться с Саттралоп. На моих условиях, а не её.

Инносет последовала за ним.

— Ты не можешь уйти. Она натравит на тебя драджа при первой же возможности.

— И нарушит собственные правила? Благодаря тебе, я — почетный гость, кузина. Помимо этого, Крис присмотрит за мной.

Спасибо, подумал Крис. Теперь я чувствую себя лучше.

— Сепалчезм! — воскликнула Джобиска и засмеялась.

Игровая доска раскололась. Фишки Криса задрожали и медленно скатились в пропасть. Трещина закрылась.

— Вы, наверно, слишком задумались, — сказала Джобиска.

— Всё скатилось в пропасть, — добавил Доктор. — Какое совпадение.

Он подошёл к двери и внимательно посмотрел на драджа.

— Что ж, давайте посмотрим, как далеко простираются священные законы гостеприимства.

Он вышел в коридор.

Его нос находился чуть ниже уровня вырезанного пояса драджа. Единственное движение существа заключалось в двух изображениях Доктора, отражающихся в зеркальных глазах.

— Ах, Вы тут, — сказал Доктор. — Мы с другом хотели бы позавтракать. Я — вегетарианец, а у моего друга аллергия на мёртвых грызунов. Так как репутация кухонь Лангбэрроу поистине легендарна, я оставляю выбор за Вами. Но, пожалуйста, никаких грибов.

Слуга не шелохнулся.

— И кстати, после того, как Вы исполните мою просьбу — я заметил ужасный беспорядок в северном крыле. Думаю, Вам понадобится швабра.

Драдж оставался безразличным.

— Можете идти, — проинструктировал Доктор. — Ну же, вперёд.

Это, подумал Крис, последняя вещь, которую ты мог сказать чему-либо, сделанному из древесины.

Доктор, не дождавшись ответа, повернулся к Крису.

— Идём.

Он пошёл вперёд по коридору. Крис тут же присоединился к нему. Драдж повернулся и последовал за Крисом. Оглянувшись, Крис увидел, что Инносет идёт позади драджа. В руке она держала тарелку с кашей.

— Всё съедено, — сказала она. — Пожалуйста, унесите её.

Крис больше ничего не увидел, потому что Доктор схватил его за плечо и втолкнул в небольшое пространство за шторой, где в темноте стоял одинокий стул.

— Один только звук..., — пригрозил он.

* * *

Оуис бежал так быстро, как мог. Взбирался по лестницам гигантскими прыжками. Мчался через пустые комнаты. Не уходите. Не бросайте меня!

Он остановился на четвёртом этаже, чтобы отдышаться. В отчаянии он заплакал. Он остался один. Кто накормит его, если все ушли? Он вскоре высохнет, и Дом съест его. Он почувствовал укол в живот и с отвращением приподнял рубашку. Один из грибов выполз из кармана и присосался к коже. Он снял гриб, и сжал в пальцах. На животе остался красный след. Страх сменился чувством голода.

Сквозь собственное судорожное дыхание он слышал звук шагов. Кто-то всё ещё находился здесь. Кто-то шёл к нему. У угла показалась тёмная фигура. Оуис узнал Мэлджамина, его склонённую голову и мёртвые глаза. Кузен обогнул Оуиса и исчез во мраке.

Значит, он ошибся. Они по-прежнему здесь. Он не слишком задержался. И кто-то поднимался по лестнице, таща за собой большой мешок.

— Ринд, — крикнул Оуис. — Ты видел их?

— Убирайся, — проворчал тот. — Инносет ищет тебя.

— Они здесь!

— Кто здесь?

— Они пришли, чтобы вывести нас!

Ринд схватил Оуиса за пухлую шею.

— Я в курсе о твоих играх с Глоспином.

— Но это правда. Можешь сходить и посмотреть сам. Они здесь.

Ринд оттолкнул Оуиса.

— А я — император Морбиус. Играйте в свои игры в другом месте.

— Инносет с ними, — Оуис начал рыдать. Он схватил Ринда за руку. — Не позволяй им сделать это. Они заставят нас оставить Дом. Я не хочу уезжать. Заставь их уйти!

* * *

Раздался шум, поскольку что-то большое прошло за занавесом.

Вскоре Доктор выглянул в коридор.

— Он ушёл, — сказал он.

Крис был готов идти, но Доктор снова закрыл занавес.

— Сядь, Крис, — прошептал он.

Судья опустился на стул. Он предчувствовал сложные вопросы. Голос Доктора звучал мягко. Возможно, этому способствовала темнота.

— Расскажи мне об Аркхью.

— Я не могу... Я имею в виду, это трудно. Ты был так... Слушай, мне действительно жаль.

Доктор вздохнул.

— Когда-нибудь, Крис, ты заставишь меня выучить это слово. Это всегда нелегко.

— Не всегда. Что касается Аркхью. Это был другой сон. Это не вещественные доказательства.

— Но ты видел его.

— Он мне снился, да. Я сожалею.

— Снова это слово.

— Он был твоим кузеном.

— Да, но у меня много кузенов. Или было... когда-то. Так что произошло?

Крис колебался.

— Слушай... Ну, я имею в виду... О, чёрт. Мы видели убийство Квинца.

— Спасибо.

— За что?

— Ты не сказал, что тебе жаль.

— О. Ты не выглядишь удивленным.

— Из-за Квинца? Нет. Не думаю, что тут есть чему удивляться, несмотря на тот образ внизу в Зале. Ты видел убийцу?

— Нечётко. Это был пожилой человек. Приблизительно метр семьдесят. Но довольно энергичный. Он был одет в чёрное, с длинноватыми седыми волосами, зачёсанными назад.

Доктор молчал.

Крис не видел его лица, поэтому продолжил,

— Он нанёс Квинцу удар своего рода кинжалом с двумя параллельными лезвиями. Аркхью узнал его, но не назвал имя.

— Или ему не позволили, — сказал Доктор.

Квинц, кажется, тоже узнал убийцу. Непосредственно перед тем, как ему нанесли удар. Если бы Аркхью успел сказать... Но теперь он мёртв.

— Возможно, убийца добрался и до него.

— Возможно.

Доктор глубоко вздохнул.

— Как твоя голова?

— Прекрасно. Вроде, стало полегче.

— Хорошо. Тогда пойдём и ещё раз посмотрим на Аркхью.

В коридоре внезапно вспыхнул свет. Доктор отодвинул тяжёлый материал и выглянул наружу. По всему коридору зажглись лампы.

— День, — сказал он. — Путь, кажется, чист.

— Что ты собираешься сделать?

— Я? — Доктор мрачно улыбнулся. — Я собираюсь поговорить с Саттралоп о кинжале.

Он вышел в коридор, что-то насвистывая.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Один из тех домов в викторианском стиле, где гости играют в карты, пьют чай и обмениваются любезностями? Совсем нет.

В «Return of the Living Dad» Кейт Орман Доктор, Крис и Роз посещают Сидней в 1966. Крис и Роз не понимают шуток в «Продюсерах» — похоже на все те непонятные неостроумные шутки в викторианских выпусках «Панч». Вы должны жить в этом времени, а не просто посещать его.

Бедный толстый Оуис социально неадаптирован, и чувствует себя намного лучше в окружении вещей и животных, которые не умеют говорить. Он — просто очень крупный ребенок. За эти 673 года, с тех пор, как случилась беда, никто в Доме, кажется, не развивается. Они становятся более бледными и более безумными. И волосы Инносет стали длиннее. Словно время остановилось, когда солнце зашло.

«Сепалчезм» — типичная настольная игра на удачу и умение, получившая галлифрейское название, эквивалентное «аду». Игроки перемещают свои фишки, пытаясь достичь безопасного «дома». Они используют телепатические навыки, чтобы остановить фишки, падающие в ад, когда измельченные трещины открываются под ними. У галлифрейской игры в кости, кажется, свои собственные законы. Восьмигранный кубик может показывать любое число.

Я вегетарианец с 1988 года. Но как большинство из нас, я по-прежнему могу съесть бутерброд с беконом... если кто-то не опередит меня.

ГЛАВА 17

ВЫ ВИДЕЛИ БУЛОЧНИКА?³⁹

Молчаливый протест на верхних скамьях быстро распространился вниз, к подножию Паноптикума. Любому зрителю сети Общественного регистра тишина, казалось, предоставляла возможность подумать или что-то вспомнить. В огромном, напоминающем по форме барабан, зале Высшего Совета Цитадели Повелителей Времени она была оглушительной.

Канцлер Теорасдаворамилонитен заканчивала доклад о расследовании террористической атаки, когда у присутствующих пронеслась одна и та же мысль. Это были клакеры⁴⁰ Аркалиан, всегда готовые раздуть любую проблему, стоит только начать.

Где она? Где она?

Скандирование мысли продолжалось советниками незначительных кланов Дромиан и Серулиан на противоположной галерее и заканчивалось в рядах Патрикс.

Теора попыталась продолжить, но была заглушена. Она ярко выделялась в центре среди молчаливых рядов

³⁹ Muffin man — уличный торговец горячей сдобой и оладьями. Название главы содержит строчку из староанглийской песни «Have you seen a muffin man, who lives on Drury Lane».

⁴⁰ Клакеры — наёмные хлопальщики, для восхваления или порицания чего-либо.

недвижимых Повелителей Времени. Члены совета и кардиналы. Вес их единственной мысли сильно давил на неё. В прайдонском круге, на чью поддержку она рассчитывала, многие сидели с опущенной головой, ни протестуя, ни соглашаясь. Это воздержание заслуживало большего осуждения, чем любая активная позиция.

Золотой Церемониймейстер, хранитель палаты, который должен был регулировать дебаты, также опустил голову. Охранники канцлера стояли у входа в Паноптикум, переговариваясь о возможном вмешательстве.

Протест продолжался, и Теора упала на колени, не в силах выносить это больше.

— Мои повелители, — попыталась она перекрыть шум в своей голове. — Мои повелители, президент занят важными переговорами.

— С кем? — слышался чей-то голос.

— Со своим астрологом-тарилом, — крикнул другой.

— Со своим парикмахером-стилистом, — добавил третий.

— Она планирует открыть посольство для далеков, — усмехнулся советник Аркалиан.

Раздались крики «Ни за что!» и «Позор!»

— Но только, — добавил он, — если посол будет правильного цвета!

С верхних скамей донёсся смех.

— Уважаемые повелители! — Теора попыталась возразить. — Вы оскорбляете звание президента. Она неустанно работает, чтобы улучшить взаимоотношения

Галлифрея с другими мирами, с которыми мы разделяем эту Вселенную...

— Рассказывая о наших слабостях, — выкрикнул кто-то.

— И... и она предоставит отчёт Высшему Совету в надлежащее время.

Наступила тишина.

Откуда-то с рядов Патрикс послышался тихий голос:

— Это — оскорбление.

Весь Паноптикум зашёлся в крике.

Канцлер вышла из Паноптикума, пытаясь сохранить невозмутимый вид.

* * *

Лорд Ферейн, директор преданности Небесному Агентству по Вмешательству выключил плазменный экран с изображением сегодняшнего заседания Паноптикума. Он снял со стойки ядро информации.

«Альтернативная история Скарро: далеки без Давроса».

Его собственное исследование наиболее стратегически развитой расы в Космосе. Он вставил ядро в невидимое гнездо на стене кабинета и повернул его четыре раза. В воздухе возник новый плазменный экран.

— Пора? — спросил охранник в сером шлеме по ту сторону экрана.

— Да, командир. Время пришло.

* * *

Лила и Дороти находились в мерцающем саду. Голубые и зелёные вспышки света при прикосновениях создавали

дымку вокруг них. У света и цвета была структура, которая иногда соединялась в формы — это было и определенно и расплывчато одновременно. Впечатление от вещей. Мысль о вещах. Облака серого и зелёного цвета уплывали в далёкое небо.

— Где мы? — прошептала Ли́ла, и Дороти покачала головой.

— Нереальность, — сказала она. — Как картина.

Воздух здесь был мягким и успокаивающим. Она узнала ароматы жасмина и будлея. Ее чувства, так часто закрываемые против жестокости и резкости, открылись потоку. Из здания Агентства они и К-9 были перемещены в просторную комнату, откуда открывался вид на Готические башни и башенки Капитолия. Секретарь попросил их подождать президента. Спустя мгновение обычная комната была залита этим светом.

Над озером с россыпью зелено-бело-розовых идей, напоминающих связки кувшинок, висели клубы тумана. Между ними виднелось отражение высоких деревьев. Откуда-то издалека слышалась игра на флейте.

Они шли вперёд по густой траве, отодвигая зеленый занавес шелестящих листьев, похожих на мазки кисти, свисающих с воображаемого дерева. Перед ними возник серо-белый мост через зелено-сине-белую воду. На нём стояла молодая женщина в цветочном платье и широкополой соломенной шляпе с красными лентами.

— Это — Романа, — сказала Ли́ла.

Романа махнула им.

— Здесь чудесно, не так ли? — Она спустилась с моста и подошла к ним. — Ещё раз здравствуй, Эйс. Или ты сейчас Дороти?

— Дороти. Мне хватило Эйс.

Романа подняла бровь.

— Я приношу извинения вам обоим за способы, которыми вас допрашивали, — сказала она. — Это ужасная ошибка службы безопасности. Видите ли, Вы были перемещены из Парижа с помощью трансдукционного луча. Бесспорная вина Небесного Агенства по Вмешательству. Если это повторится, мне придётся строго наказать их. Как Вы знаете, теперь я — президент.

— Я помню, — ответила Дороти. — Где мой байк?

— В безопасности. В конечном счёте, Вы прибыли в президентские апартаменты, только не на нём. Надеюсь, Ваш шопинг не был испорчен.

Президент Романа повернулась к Лиле. Дороти подумала, что она выглядела слишком заинтересованной.

— И Лила, ты в порядке?

Лила удивлённо улыбнулась

— Конечно, я в порядке. Но у тебя есть враги, Романа. Ты должна сокрушить их. Они недостойны тебя.

— Да, конечно, — Романа выглядела взволнованной. — Что ж, это радует. Хм, впервые мы с Дороти встретились в Е-пространстве, сражаясь с Великим вампиром. Непосредственно перед тем, как я вернулась на Галлифрей. — Она посмотрела на обеих девушек. — Как я понимаю, вы не были представлены друг другу?

— Не совсем, — сказала Ли́ла. Она повернулась к Дороти.
— Я — Ли́ла. Ты — храбрый воин.

Дороти улыбнулась.

— Я — хороший боец. Не уверена насчёт храбрости. Я — Дороти.

— Ну, и вы, наверно, уже знаете, что обе путешествовали с Доктором, — добавила Романа.

— Вы шутите, — сказала Дороти. Она по-новому взглянула на Лилу. — Не с моим, случайно? Которым? Боже, старик, оказывается, тёмная лошадка?

— Я только знаю одного Доктора, — ответила Ли́ла. — Но мне известно, что его было больше, раз он — Повелитель Времени. Хотя ему придется извиниться, что он забыл навестить меня.

Они медленно пошли вдоль края озера, нагретого отражением солнечного света в воде. Время текло здесь очень медленно. Дороти закрыла глаза и вдохнула неподвижный сладкий воздух. Романа отбросила свою шляпу назад на плечи и спросила:

— Как вам мой сад?

— Грандиозно, — ответила Дороти. — Куда лучше Тюильри или воскресенья на острове Гранд-Жатт⁴¹.

Они взошли на мост и сделали паузу, чтобы взглянуть на озеро. Что-то похожее на изумрудную стрекозу порхало по листьям кувшинок.

— Здесь красиво, — произнесла Ли́ла. — Но нереально.

⁴¹ «Воскресенье на острове Гранд-Жатт» — картина Жоржа Сёра, который был упомянут ранее как друг Дороти.

— Не совсем, — задумчиво ответила Романа. — Это подарок от властей Арголис. Четырёхмерная артформа, которую они придумали в Улье. Она оказалась весьма полезной для привлечения туристов. Вы можете создать артобъект и затем фактически присутствовать в нём. Я установила его в Капитолии для общественного пользования.

— Но я видела это место прежде, — сказала Дороти. Романа просияла.

— Я надеялась, что Вы узнаете его. Я создала этот сад из работ Клода Моне. Мы с Доктором видели некоторые его картины, когда были в Париже.

— У моей мамы был календарь с ней однажды...

— Я надеялась, что это заставит Вас почувствовать себя как дома.

— Спасибо. Это... предусмотрительно.

Романа повернулась к Лиле.

— Дороти путешествовала с седьмым Доктором. Твой был четвёртым.

Ли́ла нахмурилась.

— Печально. Он столько раз умирал. Должно быть, он весьма стар.

— Это спорный вопрос, — ответила Романа.

— И у Вашего Доктора тоже был К-9? — обратилась Ли́ла к Дороти.

— Кто? Вы имеете в виду одну из тех собак-роботов?

— Вообще-то, Ли́ла, — неловко вмешалась Романа, — мне нужно многое тебе рассказать.

— Ты никогда не говорила, что у тебя тоже есть К-9, — с усмешкой ответила Ли́ла.

— Он провел много времени с тариллами в Е-пространстве. Фактически, всю свою жизнь. Он лишь недавно преодолел проблему возвращения в нашу Вселенную. Так что это — его первое посещение Галлифрея. Правительство тариллов предоставило ему специальный отпуск. И это должно было оставаться в тайне.

— Но мой К-9 знал, — сказала Ли́ла.

— Да, — вздохнула Романа. — Мой К-9 модернизировал наши административные отчеты с его собственными данными от тариллов, когда я обнаружила, что он общается с твоим К-9 через панатропическую сеть. И конечно, между собой они начали раскапывать все эти данные о Докторе и Лангбэрроу.

— Подождите, — пожаловалась Дороти. — Кто или что такое Лангбэрроу?

Романа взглянула на две дорожки, ведущие к берегу.

— Как насчёт чая? — предложила она.

* * *

— Но я нуждаюсь в большем количестве охранников, мадам! — закричал кастелян Андред. — Иначе Цитадель будет незащищённой.

— Нет больше охранников, — ответила Теора. — Команды аркалианцев перешли на сторону Агентства.

Её личный штат стоял позади стола. Они недружелюбно поглядывали на Андреда. Где-то поблизости он слышал звук выстрелов стазеров.

— Тогда я не могу поручиться за безопасность Цитадели, — сказал он. — Мы не можем развернуть силовые барьеры. Гравитационные кордоны вокруг бомбы забирают всю мощность, что у нас есть. Я настаиваю на эвакуации Вас, Вашей свиты и Ваших гостей.

— Мы не оставим Цитадель, — объявила канцлер.

— Мадам, это — военный переворот. Вы ничего не сможете сделать. И где президент?

— Она занята одним важным делом в другом месте.

— Мне передали, что она вернулась. Где она? Она лишится звания, если мы не будем действовать немедленно. И где леди Лила?

— Она и Дороти Макшейн в безопасности. Президент считает своё дело жизненно важным.

— Столь жизненно важным, что не может отвлечься? Что творится на Галлифрее!

Раздался отдалённый взрыв. На мгновение всё потускнело. Штат канцлера отступил, когда в кабинете появились охранники в сером. Круг открылся, чтобы пропустить

человека в черном, который назвал себя привратником Агентства.

— Лорд Ферейн, — пробормотала Теора.

Он поклонился.

— Мадам канцлер, теперь это здание под управлением Небесного Агентства по Вмешательству. — Он показал документ. — В соответствии со статьей о дополнительных источниках, которые, возможно, управляют деятельностью негаллифрейцев, я предполагаю исследовать деятельность президента Высшего Совета. И если её поведение нарушает законы Галлифрея, то я считаю нужным привлечь её к ответственности и сместить с должности.

* * *

Романа вела Лилу и Дороти через зелёные ивы, туда, где стоял стол с чайным прибором в английском стиле. Рядом находилось два стула. Романа села на траву.

— Прошу вас самим обслуживать себя, — сказала Романа. — Боюсь, что не смогу присоединиться к Вам.

— Меня заинтересовало, почему здесь всё только для двоих, — ответила Лила. — Ты сказала, что находилась вне Галлифрея.

— Я и сейчас отсутствую. Романа двора трелундар, которую вы видите, является проекцией. Я говорю с вами из... скажем, из другого места. И я надеюсь, что оба К-9 не разболтали, откуда.

— Нет, — заверила её Лила. — Но многих интересует твоё местонахождение.

Романа устало застонала.

— Если бы только у меня было больше времени. Моя вина в том, что это испугало их. Я не должна ожидать, что многолетние обычаи преобразуются так быстро. Большая часть Совета не меняется уже тысячу лет. Это походит на попытку обратить в бегство стадо черепах.

— У Вас проблемы, — сказала Дороти, наливая чай.

Лила сняла крышку с серебряного блюда и воскликнула:

— Это сдобы!

— Только что испечённые, — подтвердила Романа.

— Спасибо. Доктор покупал нам сдобы в Лондоне.

Дороти усмехнулась.

— Он знает, как праздновать. Когда-то он купил нам обоим торт-безе с мороженым, но платить пришлось мне.

Все трое дружно рассмеялись.

Дороти сделала глоток. Это был сорт Эрл Грей, приготовленный куда лучше, чем у французов. Чашки были сделаны из лучшего фарфора. Она заметила, что Лила не соблюдала правила элементарного этикета. Она обхватила чашку за стенки, а не за ручку, держа сдобу в другой руке.

Дороти повернулась к Романе, но теперь президент выглядела очень серьёзной.

— Продолжайте, — вздохнув, сказала Дороти. — Вы протащили меня через полгалактики не для того, чтобы угостить чаем.

— Это так, — ответила Романа. — Позвольте узнать, о чем Вас расспрашивало Агентство?

Дороти почувствовала лёгкий озноб. Она посмотрела на обеих женщин. Если они путешествовали с Доктором, то

тоже видели ад. Так почему же они оставались столь добрыми?

— Мне это не понравилось, — сказала она. — Они пытались, — она почувствовала, как в ней нарастает злость. — Я не знаю, что они пытались сделать. Им была нужна я. Нет, не я. Моя личность! — Ей хотелось ударить кого-нибудь. — У них были все мои воспоминания, но они хотели больше!

Она встретила взглядом с голубыми глазами Романы. Та смотрела на неё так же, как умел смотреть Доктор. Тревога и беспокойство, отражавшиеся в них, слегка приуменьшили гнев Дороти.

Это жестоко, — читалось в глазах Романы. И Дороти знала, что та понимала её.

— Она выстрелила в меня, — сказала Дороти. — Эйс выстрелила в меня. И когда я очнулась, она сказала, что я была мертва в течение двадцати минут.

Они нуждались в этом времени. После Вашей смерти они смогли скопировать и загрузить Ваши воспоминания в Матрицу.

— Но этого было бы достаточно. Она пристала ко мне с разговорами. Она была мной, а я была никем. Порочная маленькая сука. Всё худшее, сложенное вместе. У нее были все факты, но она не понимала их. Я видела её насквозь. У нее были все аляповатые детали, но она не знала, что я чувствовала. Она всё время возвращалась к Доктору. Кто он? Почему и кем он был? И это — то, за что я держалась. Потому что я верила в него, и она не знала почему!

Чайная чашка в её руке раскололась на дюжину частей.

Лицо Романы изменилось.

Теперь здесь находилась другая женщина, в одежде цвета тлеющих угольков. Она протянула руку и коснулась лица Дороти.

— *Всё прошло, — мягко сказала она.*

— Видите ли, Галлифрей — темпоральная аномалия, — продолжила Романа. — Он существует не только во вселенной Н-пространства, но и в своём собственном исключительном потоке времени. Задолго до того, как Повелители Времени пришли к власти, древние галлифрейцы могли чувствовать время и его движение. Нашим миром управляла линия оракулов, кто видел и предсказывал далёкое будущее. Но в итоге, они не смогли предсказать собственного крушения, и это закончилось, вероятно, в самый ужасный день в истории Галлифрея.

— Когда планета была проклята и стала бесплодной? — спросила Лила.

— И мы до сих пор травмированы этим. Осталось ещё несколько сдоб, если хотите.

— Брось, — сказала Дороти. — Старое Время. Помнится, Доктор однажды рассказывал об этом. Он был действительно взволнован.

Она заметила, что сдобы на блюде закончились, а она успела съесть только одну.

Романа, наблюдавшая за Лилой, продолжила.

— Сейчас у нас есть Матрица, которая, в принципе, выполняет ту же функцию предсказания. Дело в том, что

Галлифрей двигается с иной скоростью, нежели остальная Вселенная. Это то, что выделяет его, но его метаболизм слишком быстр. Говоря по-земному, это как часы теряют секунду каждый час, и это замедляет время.

— Но что насчёт меня? — спросила Дороти. — Вы всё ещё не рассказали мне об этом месте, Лангбэрроу.

— Разве нет? — сказала Романа. В её голубых глазах отражались облака, плывущие по небу. *Как по-Вашему, что это?*

— Это — его Дом, — ответила Дороти, не думая вообще. — Среди гор Лангбэрроу. На склоне горы Ланг в горах южного Галлифрея.

И?

— И да, я забыла. Есть кузены, потому что нет никаких детей. Они все рождаются из семейного Станка. У Вас всех такие семьи?

И?

— Ну, это... — она остановилась, и, потрясённая следующим открытием, поперхнулась чаем. — Боже, я же ничего не знала об этом прежде.

— Верно, — сказала Лила. — Это — то, что мы обнаружили с К-9.

— Но это сумасшествие. Целый Дом не может просто исчезнуть. Остался бы кратер или что-то ещё.

— Возможно, он есть, — сказала Романа. — Проблема в том, что последнее официальное посещение Дома Лангбэрроу находится в отчётах семисотлетней давности. Это была годовщина смерти китриарха Дома, главы семьи.

Капитан охраны отправился, чтобы выполнить определенные официальные обязанности, но нет отчёта о его возвращении, или о любых последующих посещениях.

— Капитан был кузенком Андреда, — добавила Лила.

— Кастелян? — усмехнулась Дороти. Она остановила себя, чтобы не назвать его игрушкой Лилы. — Вы его жена?

— Как домоправительницы в Домах? Нет. Мы... вместе.

— Фактически, пока Лила не начала заниматься расследованиями, никто даже не заметил, что Дом исчез.

— Он знает? Я имею в виду, он не говорил...

Романа пожала плечами.

— Я отправила сообщение в его ТАРДИС. Просто, пожалуйста, вернись домой. Но, думаю, даже корабль обратил на это больше внимания, чем Доктор. Ну, вы понимаете.

Дороти подняла чашку.

— Слушайте, я знаю, что мы говорим приблизительно о семисотлетней давности, но он был там?

— Нет, — ответила Романа. — К-9 нашел отчеты, где говорилось, что он отрёкся и был лишен права наследования. Технически и по закону у него не было семьи.

И всё же он всегда читал мне лекции о моей матери, подумала Дороти. Ничего удивительного.

— Помимо прочего, мы знаем, что он находился в Капитолии в то время, — добавила Романа.

— И конечно, он никогда не отвечал на Ваши сообщения.

Внезапный бриз смешал ивы и скатерть. Дороти вздрогнула. Романа встала и направилась к озеру.

— Он не приезжал ко мне, нет. Но я добавила в сообщение пропуск, и вчера вечером его ТАРДИС прошла сквозь систему трансдукционных барьеров.

— Тогда где он? — спросила Ли́ла.

Дороти стукнула по столу чайной ложкой.

— Попробую догадаться. Вы хотите, что я нашла его.

— И Дом. Это абсурдно, но я, как Вы понимаете, не могу в этом участвовать.

— Романа, — спокойно произнесла Ли́ла. Она кивнула на воду.

На мосту стоял человек, наблюдавший за ними. Он был одет в чёрное.

— Это — он, — пробормотала Ли́ла. — Тот, кто держал меня в плену. Он — змея.

— Ферейн, — сказала Романа. — Как он вошёл сюда? — Она указала на берег. — Дороти, пожалуйста, отойдите туда.

Дороти поспешно подошла к краю озера и погрузилась в него. Она почувствовала что-то твёрдое и вытащила чёрный шар. Он был сухим.

— Вы хотите, чтобы я помогла, так?

Романа оглянулась на мост. Ферейн спускался к ним.

— Ему придётся иметь дело со мной, — сказала Ли́ла.

— Нет, — отрезала Романа. — Дороти, пожалуйста, передайте это Доктору. Я занесла координаты в систему навигации Вашего мотоцикла.

— Дом Лангбэрроу?

— Нет... не совсем. Немного ниже того места, где должен находиться Дом. В горе Ланг.

— Внутри? — переспросила Дороти.

— И когда Вы передадите ему это, скажите, что Вас послал Фред.

— Мадам президент, — позвал человек в чёрном. Он ждал на краю поляны.

— Пожалуйста, просто уходите, — настояла Романа.

— Я пойду с ней, — сказала Лила.

— Ты останешься с Андредом, — ответила Романа. — Его положение в опасности. И помни о своём состоянии.

Лила нахмурилась.

— Это моё дело.

— Конечно, — согласилась президент. — И именно поэтому я не могу позволить тебе идти.

Озеро света и иллюзии распалось. Дороти вновь оказалась в комнате в Капитолии. В руках она по-прежнему держала черный шар. К-9 исчезли. Лила раздражённо поправляла одежду.

Дверь открылась, и вошёл другой секретарь.

— Дороти Макшейн, прошу Вас сюда, — сказал он. — У нас мало времени.

Лила молча отвернулась.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Сдобы — я рекомендую апельсиновые, лимонные, с лаймом и маком. Они отлично расходятся во время записи «Big Finish». Ну и с шоколадом, конечно же.

Мне наскучили три клана Повелителей Времени (при всём моём уважении к Роберту Холмсу). Поэтому я добавил кланы Дромиан (скорее всего, социал-демократы) и Серулиан (синие цвета, политика зелёных). Правда, с тех пор о них ничего не слышно.

Альтернативная история Скарро лорда Ферейна упоминает возможный таймлайн далеков, изменённый из-за вмешательства Доктора в «Genesis of the Daleks», о чём пишут в «Bible The Discontinuity Guide» Пол Корнелл, Мартин Дей и Кит Топпинг. Масонские символы в офисе Ферейна подразумевают секретные ритуалы и тёмные дела. Рассилон первоначально был описан как архитектор. Хотя это предполагает, что он был архитектором цивилизации Повелителей Времени вместо нескольких высотных зданий и центров отдыха, расположенных вокруг Цитадели. Я оставляю эту линию в своей голове со сценами с могущественным Рассилоном, спорящим со строителями, какое количество плиток зеркала ему нужно для ванной или сколько времени должен занимать перерыв на чай.

Я не хотел создавать эквивалент «М сообщает Бонду подробности нового задания» в сцене в скучной старой президентской комнате. Пикник в импрессионистской картине «Кувшинки» Моне больше подходит для фривольной

Романы, всё столь же элегантно и на садовой дорожке. Или, возможно, идее садовой дорожки. Куда лучше, чем прогулка по саду Моне в Живерни (со множеством туристов). Или в музее в Тюильри в Париже, где овальные комнаты с картинами Моне окружают Вас так, чтобы Вы почувствовали, что находитесь в картине (со множеством туристов). Правда, не в настоящее время — табличка сообщает, что он закрыт до 2004 года. Поэтому я приношу извинения Дэрилу. Эта сцена, вероятно, кошмар для иллюстраторов.

Мне нравится идея, что исключительные возможности Повелителей Времени имеют свою цену. Если Галлифрей, находящийся вне остальной части Вселенной — хороший наблюдательный пост, то инвестиции Повелителей Времени в стабилизацию влияния чёрной звезды Омеги выглядят несколько хуже. Галлифрей медленно приближается к полной остановке. При таком раскладе Повелители Времени вскоре сами застынут и станут предметом наблюдения остальной Вселенной.

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

— Как Вы вошли сюда? — спросила Романа. Она шла через сад с лордом Ферейном. Под его чёрной одеждой скрывались чёрные сердца.

— Точно так же, как и Вы, мадам президент.— Он улыбался. — Мы — оба призраки, разве нет? — Он дотронулся до её руки, и его пальцы скользнули сквозь них, как сквозь туман. — Ваша уловка с алмонером Йуксом почти сработала. Вы практически убедили меня, что действительно были там. Но Ваше спроектированное изображение выглядело не слишком хорошо на маленьком экране...

—... когда Вы наблюдали с помощью Вашей шпионской оптики, — продолжила Романа.

Ферейн просмотрел в туманную перспективу.

— Вам нужно вернуться домой, мадам. Весь Галлифрей ждёт Вас.

— Когда я буду готова, — сказала она.

— К чему?

— Когда я буду готова, — холодно повторила она.

Он вздохнул.

— Вы общаетесь с негаллифрейцами — которые, между прочим, не так уж и далеки. Игнорируете свои обязанности. Многое можно сказать. Но можете быть уверены, мадам, мы внимательно следим за Капитолием.

Она остановилась и повернулась к нему.

— Нет, это Вы можете быть уверены, Ферейн. Когда я вернусь, Ваше Агентство, *моё* Агентство, будет поставлено

на место настолько быстро, что Вы... Вещи меняются. Галлифрей больше не будет таким, как прежде. Черепахи собираются броситься в паническое бегство.

Она наблюдала, как сад и лорд Ферейн распадаются перед нею.

— Что я делаю? — в отчаянии сказала она. — Я не хотела давать Доктору это «поручение». И теперь всё идет не так, как надо. — Она повернулась к женщине с серебряным лицом. — Я права?

— О, да, — ответила женщина.

— Но НАВ найдёт другие способы, чтобы узнать о Докторе. Мы не можем потерять его.

Женщина кивнула. Её самообладание и уверенность напоминали о жрицах старых времен.

— Так предначертано.

— Доктор не знает об этом, — сказала Романа.

Секретарь указал Дороти на длинную крытую галерею. Там был припаркован её мотоцикл вместе с сумками. Она положила чёрный шар в один из них, затем надела шлем и села на мотоцикл.

Секретарь выглядел чересчур взволнованным.

— Пожалуйста, поторопитесь, — сказал он. — Координаты установлены.

В этот момент она заметила, что при нём есть оружие.

Она услышала бегущие шаги и увидела двух охранников в сером, бегущих к ней. Секретарь поднял своё оружие, чтобы выстрелить. Луч бледного света ударил его прямо в грудь. Он рухнул.

Дороти завела мотор. Он заревел, подтверждая готовность.

Охранники бежали к ней, подняв оружие. Она опустила голову и приготовилась ехать прямо в ад.

Два рубиновых луча спереди и сзади поставили в тупик охранников. Две знакомые собаки стояли у угла.

— Спасибо, парни, — крикнула Дороти.

Одновременно она почувствовала кого-то на сиденье сзади.

— Уходим, живо, — слышался голос Лилы.

Звук шагов нарастал. Прибывали новые охранники.

— Уходим! — завопила Лила.

Дороти сорвалась с места. Из-под колёс летели искры, пока она мчалась по коридору. Портрет предыдущего президента на стене взорвался прямо перед ними.

— Оригинал Пандака! — крикнула Лила, и стена внезапно исчезла.

* * *

Штат посольства тарилов наблюдал за дверью. Они забаррикадировались от охранников, стоявших снаружи, чтобы воспрепятствовать их уходу.

Они ждали новостей от президента, но новостей не было.

Принц Уайткуб с его неопрятной гривой шагал по комнате, как запертое в клетке животное.

— Мы — политические заложники? — спросил он охранников, но они были существами низкого происхождения без чувства чести или долга.

Чтобы отвлечься от ожидания, он слушал своих посольских атташе, вспоминающих прошлое в их собственной вселенной.

— И Власольф шёл со скоростью ветра к началу рассветной битвы. С волнением он наблюдал, как разделяются Воин Тьмы и Воин Света. Чёрная и белая армия выстроились, чтобы начать их вечное сражение. Но вдруг послышался смех, и между ними возник Кровавый Вор. Красный Шакал, хитрость которого уравнивала бой.

Коммуникационный экран на столе принца открылся, показывая встревоженного канцлера Теорасдаворамилонитен.

— Канцлер, Вы в безопасности?

— Дорогой принц, мы нуждаемся в Вашей помощи.

Он раскинул широкие лапы.

— Мы — пленники здесь. Вряд ли мы можем что-то сделать.

— Да, да, Вы можете, — она оглянулась по сторонам. — Я хочу попросить убежища в границах вашего посольства.

— Для Вас, канцлер?

— Нет, Ваше Превосходительство, — она сделала паузу.

— Нет. Я прошу убежища для президента Галлифрея от ее собственного народа.

Она отвернулась, чтобы на что-то взглянуть. Экран затрещал и выключился.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Чёрное против белого всегда привлекательно, здесь можно вспомнить Белого и Чёрного Стражей.

Но качели нуждаются в точке опоры, на которой можно балансировать; катализатор, чтобы вдохновить их; булавка, чтобы взорвать надутый воздушный шарик.

В серии «New Adventures» предполагается, что между Чёрным и Белым Стражами находится Красный Страж Правосудия, уравнивающий бесконечное сражение. И на Галлифрее, между воображением Омеги и рациональностью Рассилона присутствует ещё один, чьё имя скрыто. Кто-то, кого обвиняют. Эта типичная фигура то клоуна, то разоблачителя есть во всех мифах и легендах, и здесь он упоминается в сагах тарилов. Из этого следует, что всегда существует тот, кто желает плыть против течения...

ГЛАВА 18

ПРАВДА ДОМА

— Он остановился, — сказал Глоспин. — Что он делает?

Саттралоп посмотрела в своё зеркало. В нём отражался Доктор, стоявший на одной из галерей. Он наклонился, исследуя один из деревянных столбов.

— Больше помады, — прокаркала она, и драдж вновь распылил мазь на её седые волосы. Она схватилась за стул, на котором сидел Глоспин.

— Подойди поближе, мой мальчик, — сказала она.

Глоспин покорно соскользнул со стула и присел в ногах старухи, позволяя ей перебирать его длинные волосы.

— Моя злюка. Мой непослушный мальчик.

Она почувствовала, что он вздрогнул, когда она сжала пальцами его голову.

Драдж срезал волоски на её подбородке декоративными ножницами. Это напомнило ей о её свадебной церемонии. Ей было всего триста два. Когда поступило предложение, она была всё ещё девочкой, едва готовой к клятвам и обязанностям.

Я буду служить Вам силой и проводником, раствором и ступкой.

Простое деревянное кольцо на ее пальце, иногда узкое от чувства собственничества, иногда горячее от гнева.

Я буду охранять Ваши границы, Ваше имущество и Ваше потомство от Станка до могилы.

Тогда она и Дом стали единым. Союз крови и кирпича.

Доктор продолжил путь. Теперь, при свете дня, он больше не выглядел взволнованным, что его могут обнаружить. Он направлялся к её комнате. Пройдя мимо зеркала, он с усмешкой приподнял шляпу.

— Я бы узнала это высокомерие где угодно, — пробормотала домоправительница. Её рука замерла на волосах Глоспина.

— Он сказал мне, что вернулся домой, чтобы стать следующим китриархом, — сказал Глоспин. — Он хочет получить то, что ему прилагается. — Он вздрогнул, когда она вцепилась в голову ногтями.

— Если ты хочешь быть наследником, — произнесла она, — то должен удостовериться, что у него нет никакой возможности разбудить Квинца.

Раздался стук в дверь.

Она застонала и заскрипела, используя голову Глоспина в качестве поддержки. Паутина по-прежнему цеплялась за её рваную одежду, когда она встала со своего стула впервые за семьдесят один год.

К тому времени, когда Крис дважды заблудился и случайно вернулся к двери Инносет, он был действительно напуган. При свете его умение ориентироваться значительно улучшилось. Он последовал дальше и услышал свист Доктора — *ви-хуу*, отзывающийся эхом через лабиринтообразное здание. Он попробовал систнуть сам,

надеясь, что это будет действовать как своего рода нить гидролокатора в лабиринте.

Спустившись на три этажа, он услышал ответ. Два свиста откуда-то из глубины.

Вуу-хи.

Он продолжал идти, зная, что позади него что-то было, что-то большое и громкое. Но когда он оглянулся, то в коридоре не было ничего, даже теней.

Он спустился по лестнице и попал на грибную ферму. Грибы находились даже на стенах, сглаживая чёрный купол. Подойдя к сломанной стенке, он заметил фигуру.

— Он исчез, — сказала Инносет. — Мы ошибались. Вы ошибались.

Крис подошёл ближе.

— Шансов не было. Мне жаль, что Вы были неправы, но шансов не было. Жаль.

— Аркхью ушёл. Точно так же, как Мэлджамин.

Крис присел и посмотрел на отпечаток ботинка в слизи.

— Видите? Тело было вытащено. Кто-то побывал здесь перед нами. Вероятно, убийца, пытающийся скрыть доказательства.

Инносет вышла из-за ограды. Измождённая фигура в плаще, скрывающая любую эмоцию.

— Где он?

— О, нет, — сказал Крис. — Вы совершаете большую ошибку. Во-первых, отпечаток другой.

— Зачем он понадобился Вам? — спросила она и пристально посмотрела на Криса. — Кто Ваши семья и клан?

Он вздрогнул под её взглядом. Стандартная техника.

— Не делайте этого, пожалуйста.

Она нахмурилась.

— Он освободит нас, или приехал, чтобы окончательно замучить?

— Хм, не думаю, что он знал, — ответил Крис. — Он потрясён. Но Вы рассказали ему не всё, не так ли?

— Это не касается посторонних.

— Я — беспристрастный судья. Я не встаю ни на чью сторону.

— Он относится к Вам как к своему другу.

— Да. Доктор — хороший друг. Близкий друг. Так что Вы должны сказать мне, что случилось с Ординал-Генералом Квинцем.

— Ничего.

— Хорошо, — разочарованно произнёс он. — Тогда только одно убийство.

— Это слово запрещено. Даже касательно смерти Аркхью.

— Прекрасно. Другое уб... другую смерть я видел во сне. И Вы должны знать об этом, потому что Аркхью тоже видел это во сне.

— Общий сон, — сказала она.

— Вы не удивлены?

— Когда-то давно это явление было довольно банальным, — осторожно произнесла она. — Вы говорили с ним?

Крис кивнул.

— Он был испуган, бедный маленький парень. Он сказал, что мы видим годовщину смерти Квинца точно так, как всё

произошло. Он кричал и дрожал. Мы видели собрание семьи, а затем убийство Квинца.

Она оглянулась по сторонам.

— Говорите тише. Это невозможно. Это неправда. Вы не могли это увидеть.

— Но Вы знаете, что это произошло.

— Квинц застыл. Вы лично в этом убедились.

— Мы с Аркхью видели убийство Квинца. И Аркхью узнал убийцу.

— И?

Крис покачал головой.

— Он не сказал. Но он хорошо его знал. Думаю, что он столкнулся с ним. И поэтому оказался уб... простите, мёртв.

— Именно, — холодно ответила она. — Значит, это Доктор убил Квинца, и теперь он убил и Аркхью...

Крис раздражённо замахал руками, останавливая её.

— Это был не Доктор. Я же видел случившееся.

— Тогда кто это был?

— Это был пожилой человек. Невысокий. Одетый в чёрное с длинноватыми седыми волосами.

Она внимательно посмотрела на него.

— Вы должны пойти со мной, — сказала она. — Тогда Вы всё поймёте.

Ручка двери Саттралоп сопротивлялась несколько раз. Наконец, по её сигналу, дверь открылась и впустила злодея. Он выглядел почти расстроенным, найдя комнату заброшенной.

— Я здесь, Саттралоп, — позвал он. — Готов к Вашему гневу.

После неприлично короткого ожидания он начал копаться в имуществе домоправительницы. Саттралоп облокотилась на свою трость. Она безопасно наблюдала из-за марли зеркала, которое показало бы пустую комнату случайному наблюдателю. Глоспин стоял около неё. Она одобрила ненависть в его взгляде.

Злодей едва ли выглядел внушительно, а его стиль одежды значительно ухудшился. В манерах, однако, присутствовала прежняя непочтительность. Она заметила, что он потерял три или четыре своих инкарнации — маленькое благо, за которое она должна быть благодарной. Он присел на пол, искоса посматривая на паутину, которая свисала с её стула. Затем он вынул другую из своего кармана и сравнил их.

Необъяснимо. Он даже не стал оправдываться за шляпу. Как семья могла ужиться с таким шалопаем?

Его внимание привлекли зеркала на туалетном столике. К её негодованию, он начал перебирать рычаги управления с их кристаллическими вершинами.

Она начала двигаться, но рука Глоспина сдержала её.

Изображения Дома мерцали в центре стекла. Но в одном из коридоров что-то большое загородило обзор. Это было пушистое существо с зигзагообразными полосами. Негодяй издал сдавленный смешок и щелкнул пальцами.

Следующее изображение показывало комнату на первом этаже, где два человека увлечённо о чём-то беседовали. Один

из них был молодым человеком с волосами зеленовато-жёлтого оттенка — ещё один незванный пронира, одетый чрезвычайно оскорбительно. Первый посторонний, которого она увидела с начала темноты. Как он посмел прийти сюда? Кто отважился впустить его? И он беседовал с Инносет. Опять Инносет! Из всех кузенов она всегда была самой осведомлённой.

Инносет предложила ему войти, — прошептал голос Глоспина в мыслях Саттралоп. — *Она пригласила их обоих.*

Домоправительница гневно стукнула тростью, но негодяй в ее зеркалах был слишком поглощён попыткой прочесть по губам отражавшуюся беседу, чтобы заметить.

* * *

Крис помог смахнуть пыль. Инносет отступила и всмотрелась в семейный портрет на стене позади него.

— Это — единственный оставшийся, который не был стёрт.

Пыль жалила в глаза и носу Криса. Шёпот Дома вновь усилился в его голове. Он попытался сконцентрироваться на трёхмерном портрете с рядами людей, многих из которых он узнавал по сну о годовщине смерти.

Ординал-Генерал Квинц сидел в центре группы — сварливый старик со свирепым взглядом. Саттралоп находилась рядом с ним, невысокая и злорадствующая, одетая в наглухо закрытое чёрное платье, с огромным кольцом с ключами в руке. Около неё стояла старая версия Глоспина с чёрными волосами. Ядовитый, подумал Крис. С другой стороны от Квинца сидела Инносет, тогда ещё

молодая и рыжеволосая. Среди других кузенов Крис обнаружил Аркхью, наполовину прикрытого широким плечом леди, занимающей два места.

Он вспомнил свой собственный класс выпуска 2975. Двадцать шесть молодых, усмехающихся юношей, готовых покорять Вселенную. Он знал, что трое были ранены и покинули службу, и ещё двое мертвы.

Но среди этой череды кузенов Доктора, ни один из подозреваемых не улыбался.

— Столь многие из них ушли, — спокойно произнесла Инносет.

— Они действительно мертвы? — спросил Крис. — Или просто прячутся где-нибудь?

Он был встречен холодным барьером морозного опровержения. Он упрекнул себя за отсутствие такта, но понял то, что Доктор подразумевал под памятниками.

— Что ещё Вы видели во сне? — сказала она.

— Мы видели Вас и Глоспина, — ответил Крис, полный решимости получить какую-то реакцию. — Вы взяли некую тайную информацию о рождении Доктора из комнаты Глоспина. Он думал, что это затронуло семью. Даже больше. Он был очень сердит.

Инносет покачала головой. Она открыла рот, но, казалось, потеряла дар речи.

— Как... как Вы это сделали...

Крису внезапно стало стыдно. Он нарушил тонкую грань между следствием и допросом.

— Это неважно, — сказала она. — Что говорил Аркхью?

— Он тоже не понял.

— Хорошо. Это долгая история.

— Что ж. Жаль, — Крис вернулся к картине. — Я не вижу Доктора. Он был убран с портрета после лишения наследства?

— Посмотрите снова. Ищите... убийцу, — это слово все еще давалось ей с трудом.

Крис повторно просмотрел лица собравшихся. У большинства был отсутствующий взгляд, как будто они находились в другом месте. Но позади группы он заметил фигуру пожилого человека, его лицо было поднято в высокомерном жесте презрения. Он был одет в серо-зеленую одежду, а его длинные седые волосы были зачесаны назад. Он был похож на того, кого не любят звать на вечеринки, но бояться не приглашать.

— Это он, — сказал Крис, указывая на фигуру. — Он был в чёрном тогда, но он — тот, кто убил Квинца.

— Да, — пугающе спокойно согласилась Инносет. — Это — он. Я видела, как он покинул комнату Ординал-Генерала перед тем, как я нашла тело. Это Доктор.

* * *

— Ложь, — пробормотал Доктор. — Я нашёл его! Я не виновен! Я отрицаю всё это! — Он отвернулся от зеркала Саттралоп и увидел приближающегося драджа. Одновременно с этим молодой человек в зеркале упал в обморок, навалившись на Инносет.

Саттралоп по-прежнему скрывалась, пока драдж не схватил Доктора. По её команде мерцание прекратилось, открывая комнату с ней и Глоспином.

— Итак, — сказала она, подходя к пленнику.

— Снова шпионите, Саттралоп? Не верьте всему, что Вы видите в зеркалах, — к её гневу он не выказал удивления по поводу её внешности. — Что Вы сделали? Почему Вы прячетесь в темноте? Хороните заживо моих кузенов?

Глоспин начал приближаться к Доктору, но Саттралоп остановила его взмахом трости.

— Прошло много времени.

— Ты снова в любимчиках, Глоспин? — поддразнил Доктор. — По крайней мере, у кузины Инносет есть чувство предусмотрительности. Она вспомнила о законе гостеприимства. Итак, вы не можете выгнать меня взмахом руки. Нет, сейчас я уважаемый гость в этом Доме.

Домоправительница подавила гнев.

— Законы могут измениться. Тем временем, к Вам будут относиться по положенному этикету. — Она слегка склонила голову. — Итак, Доктор, как Вы называете себя...

— ...поскольку Вы сочли целесообразным удалить мою номинальную личность, — он заметил, что драдж отпустил его.

— ...итак, мы приветствуем Вас в Доме Лангбэрроу. Разделите с нами его скудное бремя, что мы несли на протяжении последних шестисот семидесяти трёх лет.

— Время для тех, кто находится снаружи. — Он поглядел на часы на запястье. — Родственники требуют много времени.

— Вы опять опоздали.

— Опоздал? Да, я мог опоздать. Но опять? Нет, Вы путаете меня с кем-то ещё. — Он скинул паутину с рукава. — Это — ложь, Вы знаете. Я никогда не убивал Квинца.

— Что? — спросила она и повернулась к Глоспину. — О чём он говорит? Квинц ждёт. Старый дурак ждал его все это время.

Глоспин улыбнулся и кивнул.

— Да, верно.

— Разве Вы недостаточно опозорили нас, Доктор? Вы были вызваны китриархом, но никогда не приезжали.

Он пожал плечами.

— Я никогда не получал приглашений.

— Что ж, раз Вы так говорите. Но так как Вы вернулись в День Другого, который, насколько я помню, также Ваши именины, в Вашу честь будет дан специальный ужин, чтобы приветствовать Вас дома.

Доктор поклонился с почтением.

— Кстати о доме, когда последний раз в этом месте была уборка? — он достал ножницы и протянул драджу. — Вам понадобится секатор. Комнаты заросли, особенно на нижних этажах.

Саттралоп почувствовала, что её терпение кончилось.

— Покажите ему библиотеку, — проинструктировала она слугу. — И оставьте его там до ужина.

— Я не хочу ужинать, — пожаловался Доктор, пока драдж тянул его к двери.

* * *

— Доктор! — бушевал Квинц. Его лицо покраснело, и Крис опасался, что у него может случиться приступ. — Вы думаете, этого достаточно? А? Простой доктор? Любой дурак может быть доктором! Где Ваше стремление и чувство семейного долга, а? Вы думаете, что я работал, мы работали ради этого? И Вы смеее бросать нам это в лицо!

Пока Квинц разглагольствовал, его голова, казалось, раздувалась и сжималась с каждой вспышкой. Крис вскоре потерял смысл этой тирады.

Позади Квинца, среди старомодных книг и новейших ядер информации находился стеклянный виварий. Внутри передвигались существа — экспериментальные существа, которых Крис бы назвал генетическим гибридом, наполовину орхидея, наполовину аксолотль. Их чёрные и тёмно-красные пёстрые головы махали лепестками в поисках еды, в то время как они цеплялись за ветки длинными и тонкими белыми телами ящериц.

Квинц медленно отвернулся, опираясь на мебель для поддержки.

— Я не могу понять его. Мне больше нечего сказать. Вы разбиваете мои сердца.

Саттралоп постучала тростью, чтобы привлечь внимание.

— Негодяй подразумевает, что быть кардиналом недостаточно хорошо. Он ещё смеет издеваться над нами, неблагодарный сопляк!

— Недостаточно хорошо, для кого? — Крис услышал свой смех. — Я стану взрослым на следующие именины. Эти мои жизни, Вам так не кажется? Хм?

— Только доктор. Никакого порядка, как Вы видите. Никакого уважения к семье и Дому. Что ж, только Ординал-Генерал может разрешить ситуацию. — Она впилась взглядом в старика. — Генерал?

Его сутулая спина выпрямилась. Она склонилась к нему, но Крис не слышал её слов. Всё, что он разобрал, было «Вы должны» и «Нужно положить этому конец!» и «для пользы Дома!»

Он смотрел на одно из созданий в виварии. Его глаза на тычинках передвигались вслед за мухой, затем резко схватив её.

Старик пошевелился, на его глазах виднелись слёзы.

— Это Ваше последнее слово? Никакой просьбы о снисходительности? Никакого оправдания? — Он сделал паузу и посмотрел на торжествующую Саттралоп. Его голос задрожал. — Пусть будет так. Лангбэрроу больше не будет терпеть Ваше присутствие. Это — оскорбление, сэр. К этому нечего добавить. Вы немедленно покинете Дом и больше не переступите его порог.

* * *

Крис внезапно оказался среди длинной аркады. В дальнем конце стоял высокий шкаф, коробка, трансдукционная кабина (как он это узнал?) с сигнальным огнём на крыше.

Голоса начали кричать на него.

— Прочь! Прочь! Прочь!

Он услышал барабаны, всё ближе и ближе. Он начал бежать, но паутина преграждала ему путь. Со стороны арки покачнулась мебель. Ящики и двери огрызались на него.

— Прочь! Прочь! Прочь!

Барабаны гремели в его ушах. Сеть запутывала его, душила. Он не мог найти запасной выход. Врата арки хорошо зияли перед ним как пасть. Он упал в темноту.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

В то время, как я бы бездельничал, пытаюсь избежать иметь необходимости стоять перед Саттралоп, Доктор просто идёт во львиное логово, чтобы противостоять ей. Сделайте это раньше, чем другие. Одной из причин, почему мне нравится Седьмой Доктор, является именно это, потому что его вызов и безрассудная храбрость кажутся намного более динамичными и храбрыми.

Портрет Дома Лангбэрроу — версия страшной ежегодной школьной фотографии. В Истборнском колледже в конце шестидесятых это означало пятьсот мальчиков с красиво причесанными волосами и символами победы позади головы директора школы. Но в Лангбэрроу это означает сорок четыре подозреваемых и одну жертву для Криса, и одного подозреваемого и сорок четыре жертвы для Инносет.

Стены палаты Лангбэрроу переполнены портретами наследственных кузенов Доктора. Несколько лет назад многие были куплены как отдельная партия Советом по культуре и искусству и распределены по галереям, замкам и величественным домам Англии. Они обычно маскируются лейблами, приписывающими их то одному старому мастеру, другому. Но не обманывайтесь, это действительно семья Доктора. Инносет Ганса Гольбейна или Саттралоп Рембрандта. Поэтому попробуйте узнать, сколь многих вы сможете определить! И не забывайте, что каждый кузен может иметь тринадцать лиц.

«Квинц, лишаящий наследства Доктора» — сцена, отредактированная в «Auld Mortality». Дерен Несбитт сделал эту запись, но из-за временных ограничений это стало единственным сокращением заключительной версии диска. Теперь она томится на полу в монтажной Алистера Лока.

Не слишком приятно видеть кошмары. Бывали времена, когда я видел сны, из-за которых боялся вновь лечь спать (в них зачастую присутствовали крокодилы). Сны, не поддающиеся контролю. Но значительно хуже наличие кошмаров, когда вы даже не спите.

ГЛАВА 19

ЗОВ ДОКТОРА

Крис задохнулся от зловония, пахнувшего ему в нос.

— Я сожалею, что убежал! — прошептал он и сжал руку Инносет.

Он сидел на полу, прислонившись к стене под портретом. Инносет показала ему небольшую зелёную бутылку.

— Эфирное масло асафетиды, — сказала она. — Весьма эффективно.

Её коричневая шляпа и огромная намотанная коса под плащом напомнила ему о Деве-черепахе из FreakWarrior Vidmags, которую он видел, будучи ребёнком.

— Полностью согласен, — ответил он. Его сознание прояснилось, хотя по-прежнему было наполнено ворчанием и скрипами беспокойного Дома. — Хотелось бы, чтобы это место затихло.

— Вашего прибытия было достаточно, чтобы выделить эхо всего плохого в этом месте.

Крис закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Какое эхо?

— Старые мысли, плохие воспоминания.

— Сны?

— Это — другое слово для них, — твёрдо сказала она. — Эхо отлетает от внутренних стен и многократно увеличивается.

— Возможно, — Крис смотрел в пол. — У меня было много дурных снов в последнее время. Но здесь это ухудшилось. Мне даже не нужно спать. Они не выглядят моими снами. Я пытался поговорить с Доктором, но он или слишком занят или не хочет знать.

— Это странно, — согласилась она. — Если бы у эха могла быть цель, я бы сказала, что это он.

И это — его сны, подумал Крис. Я знаю, что это так.

— Почему он так повёл себя? Как он смог оставаться безучастным?

— Он всегда был таким, — ответила она.

Крис неуверенно встал на ноги и вновь посмотрел на семейный портрет.

— Здесь старик. Это действительно Доктор?

Она кивнула.

— В его первой инкарнации, да. Домоправительница Саттралоп запретила произносить его имя в Доме, когда он был лишён наследства.

— Богиня, которая была жестока, — сказал Крис.

— Он мог возразить. Именно поэтому они так возненавидели его. — Инносет провела пальцем по основе рамки. — Где Вы с ним встретились?

Крис задумался.

— О, далеко отсюда. И довольно давно.

Чёрт, подумал он. В прошлом или будущем? Что я могу сказать его семье?

— Он — хороший друг, — добавил Крис и оглянулся на древнюю комнату с её потертой и невзрачной мебелью. — Насколько стар этот Дом?

Она выглядела удивлённой.

— Столь же стар, как любой другой. Разве Вы родом не из одного из Домов?

Вновь проникновенный взгляд, как будто она пыталась читать перевёрнутую книгу.

— Хм, не совсем такого, — ответил он, прерывая взгляд.

Она подошла к центру комнаты.

— Что ж, мы должны быть внимательны, когда выходим. Говорят, Дома — самые старые живые существа в мире. Первые были выращены во времена Интуитивного Открытия. Они, конечно, чувствуют, что всегда были здесь.

— Не думаю, что он убил Квинца, — сказал Крис. — Или Аркхью.

Она кивнула на зеркало в дальнем конце комнаты.

— Богиня!

Она рассмеялась.

— Как много придётся рассказать Квинцу, когда он проснётся!

Крис повернулся спиной к зеркалу и пробормотал:

— От кого Вы скрываете это? Вы не можете скрывать вечно.

— До сих пор могли, — её голос вновь похолодел. — Я не могу поручиться за безопасность Доктора. Даже за свою. Нет, если он вмешается.

— Уже поздно.

Она подошла к нему.

— Вы были с ним всё время с тех пор, как Вы прибыли?

— Да, — решительно ответил он.

Чёрт, подумал он. Он дважды оставлял меня. На чердаке и на грибной ферме. В любой момент он мог встретить Аркхью и... Чёрт, чёрт, чёрт!

— Слушайте, — пробормотала Саттралоп.

Глоспин наблюдал за старухой, пока она медленно раскачивалась в своём кресле.

— Вы ничего не сказали об Аркхью, — произнёс он.

— Это подождёт.

Она перебирала ключи на гигантском кольце. Один за другим в медленном, устойчивом ритме. Она прижимала их к деревянному кольцу на своём пальце.

— Слушайте. Вы слушаете? Вы спали.

— Что Вы делаете? — спросил он, хотя уже знал.

— Это должно быть сказано, — пропела она. Она смотрела прямо в зеркало. Раскачиваясь.

— Не сейчас, — он направился к ней, но драдж преградил ему путь. — Нет, не сейчас. Не будите Дом.

Она звякнула другим ключом. Ее голос был нежен, почти ласков.

— Ты должен остаться, Глоспин. Ты нужен мне. Ты должен слушаться.

Он повернулся к драджу.

— Оставайтесь Вы. Я тут не при чём.

Когда он выбежал за дверь, то слышал другой звон.

Стены дрожали.

— Слышал, что ты вернулся, Червоточина, — сказал Ринд. Он подстерёг Доктора на галерее над Залом. Драддж взял Доктора за руку.

— Я — гость, — сказал Доктор. — Я имею право говорить с теми, кто мне нравится.

— Но я тебе не нравлюсь, — сказал Ринд. — Во всяком случае, раньше.

Он медленно шёл рядом с Доктором, восхищаясь его чрезвычайно чистым одеянием. Ринд достал цветной шарф.

— Это моё, спасибо, — Доктор протянул руку.

— Что ещё ты принёс?

— Ничего для таких, как ты! — Доктор взглянул на драджу. — О, боже. Вы все были заперты достаточно долго, чтобы забыть о несправедливости. Извини.

Ринд схватил его за воротник.

— Ты останешься.

— Сожалею, что не пришёл раньше, хм... Кузен Ринд, не так ли? У меня были планы.

— Как и все мы! Я был Наблюдателем эпикурейства клана Дромиан.

— А, — вздохнул Доктор, — официантом.

— Я был известен как специалист по банкетам с самой редкой провизией. Теперь всё, что я ем — грибы и это. — Он показал пакет с тощими землеройками. — Существует очень мало способов приготовить их. А то я бы смог разнообразить меню.

Доктор выглядел смущённым.

— Куда уходят другие?

— Далеко, — ответил Ринд.

Стены и пол задрожали. Драдждж взглянул на мебель, расставленную, как попало, вдоль галереи. Из алькова раздался громкий крик.

— Кто твой друг? — спросил Доктор.

— Вылезай, Оуис, — позвал Ринд. Он подождал, пока пухлый кузен выйдет из своего укрытия.

— Он укусил меня, — пожаловался Оуис. — Стул укусил меня.

* * *

— Слушайте меня. Мы должны ждать, — Саттралоп раскачивалась в своём кресле. Зеркала дрожали. — Вы должны ждать. Теперь он здесь, и всё это может быть кончено. Мы можем разбудить Квинца. Но оставайтесь спокойными. Мы должны быть спокойными.

Она почувствовала, как настроение Дома отразилось в её мыслях. Она чересчур торопилась. Он ещё не проснулся. Это эхо спящего грохотало вдоль аркад и коридоров.

— Это скоро закончится. Будьте спокойны. Будьте спокойны. Волноваться не о чем.

Дверь медленно открылась. В проходе появилась фигура. Его голова склонилась набок. Пристальный и холодный взгляд. Искривлённое тело кузена Архью. Саттралоп с недоверием смотрела на него. Одно из зеркал включило свои стержни, чтобы увидеть.

— Здесь не на что смотреть! — воскликнула домоправительница.

Зеркало раскололось.

Оуис уставился на Доктора.

— Кто это? — жалобно спросил он. — Почему мне никто не рассказывает?

— Спроси его сам, — ответил Ринд.

Доктор всматривался в верх галереи, в потолок Зала. Что-то висело там, большое, пойманное в паутину. Он нащупал рогатку в своём кармане, посмотрел на драджа и отложил её.

— Хорошо, — сказал Оуис. — Кто Вы?

— Доктор! — слышался чей-то крик.

— Именно, — сказал Доктор.

В галерее показались двое. Инносет и молодой незнакомец. Они приближались.

Из глубин Дома слышался грохот. Мебель на галерее начала сдвигаться с места. Стулья, столы, все медленно потянулись к Доктору. Ринд оттолкнул Оуиса в сторону. Драдж бросился к Доктору. Тот отступил в сторону и залез в карман жакета, вытянув невозможно большой зонт. Он открылся как огромный цветной гриб, скрывая его Доктора. Драдж обошел зонт, но Доктор исчез. Грохот усилился.

— Сзади, — позвал Доктор с балюстрады. Он перелез через балкон и спускался по одному из белых стволов в Зал. Драдж гневно вскрикнул. Дом ответил дрожью неодобрения.

Инносет и незнакомец присоединились к Ринду и Оуису, смотрящим вниз.

— Что он делает? — пробормотал Ринд.

Доктор шёл по длинному Залу, направляясь к Станку, где лежал Квинц.

— Остановите его, — сказала Инносет. — Саттралоп, должно быть, разбудила Дом.

— Червоточина! — закричал Ринд. — Уходи оттуда. Ты убьёшь всех нас!

Доктор повернулся и махнул им.

— Почему? Чего я должен бояться?

Он замер, когда несколько тяжёлых обеденных столов начали выдвигаться из альковов. Драдж прокаркал что-то, и столы стали приближаться.

Молодой незнакомец внезапно взял цветной зонтик и закрыл его.

— Доктор, — крикнул он и бросил зонт вниз.

Драдж взглянул на незнакомца, но Инносет встала между ними.

— Остановитесь! Вспомните законы гостеприимства!

Слуга проигнорировал её слова.

Внизу Доктор схватил зонтик и начал отбиваться от столов. Грохочущий Дом снова задрожал, почти опрокидывая его на пол. Где-то хлопнула дверь. Затем другая. Затем все остальные. Беспомощные наблюдатели закрыли уши.

Инносет попыталась перекрыть шум.

— Оставайтесь там, Крис! Только Саттралоп может остановить эту суматоху!

Когда она отошла, Крис упал на колени. Он уткнулся подбородком в балюстраду и слабо стонал, наблюдая борьбу.

Столбы окружали Доктора, сужая пространство. Ринд заметил, что вот-вот они сомкнутся и раздавят его. Он подтолкнул Оуиса.

— Три землеройки на то, что он потеряет ногу.

— Пять, что обе.

Они пожали руки.

Доктор держал зонтик как щит, крутясь в попытке сдержать все столы сразу. Один стол сильно ударил его и выбил оружие из руки. Поскольку толпа приблизилась для убийства, он вспрыгнул на поверхность одного из них. Стол воспротивился и попытался сбросить его. Доктор балансировал на вершине, приседая и протягивая руки, крича что-то похожее на «сёрфинг». Стол внезапно замер, и Доктор упал.

Ринд засвистел.

— Он никогда так раньше не делал.

Оуис нахмурился.

— Ты уже встречался с ним раньше?

Драдж прокаркал другой приказ. Хлопающие двери внезапно успокоились. Грохот продолжался. Доктор ждал нападения других столов, но они начали отступать.

Что-то фыркнуло. Из мрака у постамента появился опекун места упокоения Квинца. Массивный чёрный катафалк затмил Доктора. Он щёлкал своим хвостом. Эбеновые статуи животных раскрыли декоративные стороны. У некоторых были крылья или копыта.

Доктор начал отступать, но столы заблокировали дорогу. Он посмотрел на галерею и дважды свистнул.

Крис попытался спуститься, но драдж потянул его назад.

Катафалк наступал, рыча. Церемониальные животные, вырезанные на его флангах, вскинули свои рога и клыки, готовые к атаке.

Доктор снова свистнул, и на сей раз раздался ответный свист. Он улыбнулся катафалку и попытался обойти его. Похоронный транспорт вновь щёлкнул хвостом и обхватил Доктора, зажав жакет. Пока Доктор пытался освободиться, его тянуло к животным, чавкающим от нетерпения.

Инносет переступила через тело Аркхью, лежащего в дверном проёме. Саттралоп сидела в своём кресле, смотря на труп и что-то бормоча. Её ключи лежали на полу у ног.

Инносет прикрыла дверь и взяла дрожащие руки старухи в свои.

— Саттралоп, послушайте. Дом...

— Я сказала ему, — прошептала старуха.

— Да.

— Он знает, что он здесь.

Дом снова задрожал. Со стены с громким лязганьем свалился щит.

— Мы должны остановить его, — сказала Инносет.

— Нет, нет. Он не будет слушать.

— Он должен выслушать, — настаивала Инносет. Она чувствовала новую волну сотрясений. — Вы не справитесь в одиночку.

Она подняла тяжелую связку и положила в руки домоправительницы. Вместе они повернулись к отражению в зеркале.

Катафалка в ярости размахивала хвостом. Доктор летал как марионетка, пытаясь за что-нибудь схватиться.

Внезапно раздался рёв на весь Зал. Ринд и Оуис увидели, как косматая фигура приближается к месту боя.

— Что это? — спросил Оуис.

— Барсук! — крикнул Доктор, изо всех сил пытаясь удержаться. — Как вовремя! Это — я!

Он снова свистнул, и высокая фигура возвратила сигнал. Это было огромное существо с массивными выющимися рожками на голове, но его полосатый мех был более грязным, чем помнил Ринд. Один кристаллический глаз свисал из глазницы.

Чёрный катафалк повернулся к новому врагу, по-прежнему зажимая Доктора в хвосте. Столы рассеялись, чтобы пропустить аватроида Барсука.

Барсук схватил один из тяжёлых обеденных столов. Он перевернул его вверх ногами, используя как щит. Ножки стола беспомощно дергались.

Катафалк зашипел как сердитый чайник. Его хвост, обмотанный вокруг Доктора, поднялся вверх.

— Нет, Барсук! — крикнул Доктор.

Аватроид поднял стол над головой и швырнул его прямо в разъярённый погребальный транспорт. Стол разбился об нос катафалка. Вырезанные животные залаяли. Катафалк взревел и приготовился швырнуть Доктора в ответ.

— Ну, давай, — закричал Доктор. — Это ничего не изменит! Давай же!

Все двери в Доме одновременно хлопнули.

— Жаль, — простонал Крис на балконе и резко упал на пол.

Хвост замер, и грохот в Доме начал стихать. Вырезанные животные замерли. Барсук взобрался по катафалку и помог Доктору выбраться из хвоста. Доктор спрыгнул и столкнулся с драджем, ждущим внизу.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Дева-черепаха из FreakWarrior Vidmags — близкий родственник Jaguar Maiden в «Loups-Garoux» Розы Кэймен.

Крис понимает, как мало он знает о своём друге, Докторе. Как будто Доктор, которого мы видим, просто верхушка самого монументального айсберга. Что таится под тёмной водой? Даже Доктор не уверен в этом.

Дома Галлифрея — тоже часть семьи, как и кузены, которые населяют их. Саттралоп в качестве домоправительницы Лангбэрроу мало чем отличается от одинокого морского капитана, который пытается управлять своенравным океанским лайнером. Дом спал в течение многих столетий, но теперь грозит столкнуться с большим айсбергом.

Катафалк, который охраняет стеклянный гроб Квинца, является еще одной ссылкой на сказки — дракон, который охраняет сокровище. Так или иначе, пришло время для большого неистовствующего монстра. Как и вся мебель в Доме, катафалк чувствует свои обязанности. Он защищает своего владельца. Я представляю его как тщательно продуманный катафалк в неопределённо-восточном стиле, его черные лакируемые фланги украшены резьбой легендарных животных. Некий галлифрейско-китайско-японский стиль.

ГЛАВА 20

СТЕРВЯТНИКИ

Инносет отпустила Саттралоп обратно в кресло. Старуха цеплялась за свои ключи.

— Спокойствие, — бормотала она. — Сохраняйте спокойствие.

Они слышали, что грохот прекратился. Тишина казалась зловещей.

— Теперь отдохните, — устало произнесла Инносет. — Вы успокоили Дом. Я позабочусь о теле бедного Аркхью.

Домоправительница задрожала и уставилась на зеркало.

— Кто смог бы ужиться с этим человеком?

— Мы не знали, что Доктор виновен.

— Вы предложили ему войти.

— Да.

Саттралоп взглянула на неё.

— Где мои драджи?

— Вы должны отдохнуть. У Вас был ужасный шок.

— Отдых? Все мы отдыхали слишком долго. Нужно подготовиться. Мы уладим это к ужину.

— Ты должен мне трёх землероек, — сказал Оуис, когда они с Риндом обшаривали карманы бессознательного Криса.

— Почему?

— Я сделал это.

Ринд присвоил странную монету и полезный многофункциональный нож.

— Ты сделал что?

— Что ты сказал мне, — захихикал Оуис. — Я нашёл более подходящее место, куда перенести Аркхью.

— Я сказал тебе поместить его в семейный склеп.

— Если я не найду чего получше, сказал ты.

— Я сказал это в шутку. Куда ты его перенёс?

— Никто не видел меня.

— Куда?

— К двери Саттралоп, — выдохнул Оуис.

— Боги Чистилища! Теперь нам придётся иметь дело с ним.

— С кем?

— С Червоточиной.

— А?

Ринд с отвращением качнул головой.

— Так называемый Доктор. Неудивительно, что Инносет не сказала тебе.

— Почему никто не говорит мне, кто он?

— Ты — его замена, — послышался холодный голос, и из алькова появился Глоспин.

Оуис открыл и закрыл рот.

— Но...

— И пока ты будешь думать, как разрешить эту дилемму, вы с Риндом можете унести нашего молодого посетителя в более укромное место. — Он пнул Криса. — У меня есть несколько вопросов к нему.

— Подожди, — сказал Ринд. — Это — моя добыча.

— Это, — сказал Глоспин, указывая на Криса, — является нашим спасением. Поэтому держи свои кулинарные фантазии при себе.

— Он мой.

— Он бесполезен в тушёном виде и с гарниром.

— Мой.

Глоспин достал кубик.

— Сыграем?

— Договорились.

Они пожали руки над телом Криса. Оуис вмешался.

— Но если мой предшественник вернулся, что будет со мной?

— Ты? — усмехнулся Глоспин. — Как думаешь, Ринд? Приготовленный или сырой?

— Повешенный на неделю, — предложил Ринд. Он ткнул Оуиса в живот. — Медленно коптить над огнём с лимонным соком. Нам хватит на год.

— Ой! — воскликнул Оуис и тут же смолк.

Глоспин и Ринд бросили кубик. Ринд победил.

Глоспин достал нож.

— Жаль. Не верю, что мог проиграть.

Ринд коснулся ножа в собственном кармане. Он поглядел на галерею и увидел приближающегося драджа.

— Мои поздравления, — сказал он. — Ты победил.

Глоспин прикоснулся к руке Криса ножом. Он отступил, поскольку драдж взял Криса и унёс во мрак. Он изучил окровавленный кончик ножа, и глубоко вздохнул.

— Ответ на вопрос, Оуис, чрезвычайно прост. — Он улыбнулся. — Ты или Доктор. Один из вас должен уйти.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Не столько глава, сколько несколько важных моментов, которые поясняют события вне участия Криса или Доктора. Линии фронта оттягиваются. Ножи наточены. Защиты укрепляются. Но как разбитая железнодорожная сеть после приватизации, никто не говорит друг с другом. Все участники имеют собственные причины для недовольства.

ГЛАВА 21

РИСОВЫЕ ЛЕПЕШКИ И БАНАН

Крис проснулся.

Он лежал на жёсткой кровати. И только что снова видел убийство. Те же самые люди, то же самое место, та же самая кровь. И фигура с седыми волосами была человеком с портрета. Человек, которого Инносет назвала первым Доктором.

Башни с алмазными решётками на окнах возвышались, как цветные трубы вместо бутылок на барной стойке. Самые высокие тянулись к небу. Что-то проскочило между зданиями и исчезло позади башен.

— Шесть, — слышался голос Инносет.

Крис услышал треск фишек. Он повернул голову и увидел Инносет и Доктора, склонившихся над игрой «Сепалчезм». Наверно, это библиотека, подумал он. Но не смог прочитать обложки книг.

— Я пытался добраться до своей старой комнаты, — Доктор бросил кубик. — Но в северном крыле потоп. Снова два.

— Поток начинается на третьем этаже, — сказала Инносет.

Крис заметил нотку глубокого уважения.

— Когда я был изгнан, я оставил эксперимент, у меня не было времени, чтобы закончить его. Небольшой гибрид

улиток, который я скрестил с красной орхидеей. Не думал, что они выживут.

— Восемь, — сказала она. — Существа были заперты в твоей комнате в течение ста тридцати лет. Когда они смогли выбраться, то были огромными как ихтидилы. В крыле целая стая.

— А. Так вот почему оно было закрыто.

— Сорок семь лет назад один из них оторвался от стаи. Драджи заманили его в ловушку на кухне. Но его невозможно убить, так что оно по-прежнему там.

Богиня, подумал Крис. Именно это было в кладовой.

Кубик загрохотал.

— Снова два! — пожаловался Доктор. — Это абсурд. Я знаю, что ты думаешь, что я убил Квинца, но это не так.

— Я видела, как ты выходил из его комнаты.

— Это невозможно. Я не возвращался домой. Они даже не предпринимали попыток вернуть меня. Я был бы рад согласиться.

— Квинц хотел, чтобы ты вернулся. Девять. Я догоняю.

— Он надеялся на другое. Но я не стал бы следовать его планам. Выходит, Саттралоп похоронила это место из злости, пока я не вернулся. Куда ушёл мой Барсук, когда он мне так нужен?

— Эта ужасная старая игрушка.

— Подарок Квинца.

— О, Улитка, — вздохнула она. — Он всегда любил тебя, ты же знаешь.

Улитка, подумал Крис.

В ответ Доктор улыбнулся.

— Меня давно никто так не называл.

— Да, — она выглядела смущённой. — Как только ты оказался в безопасности, он ушёл вместе с драджем. — Она недолго помолчала. — Что было в завещании Квинца?

— Откуда мне знать?

— Потому, что ты украл его, когда вернулся! Твой ход.

— И убил Квинца? Три до победы.

— Я видела тебя. И Крис с Аркхью тоже.

— Полтора, — пожаловался он. Кубик загремел. — И Аркхью я тоже не убивал. Где была Саттралоп? Она должна знать. Квинц лежит внизу на всеобщем обозрении.

— Да.

— О, нет! — Голос Доктора стал ледяным. — Это для Дома. Именно поэтому он выложен. Всё это ложь. Она не сказала Дому!

Инносет понизила голос.

— Это почти убило ее, но ей удалось убедить Дом, что Квинц пережил твоё нападение.

— Я невиновен! — заявил Доктор.

— И чтобы убедить Дом, она должна была также убедить себя.

— Саттралоп ещё глупее, чем я думал. Она продолжает ошибаться на мой счёт даже спустя столько лет.

— Тогда скажи ей это до того, как она попытается разбудить Квинца.

Ой, подумал Крис.

— Твой ход, — сказал Доктор.

* * *

— Каково Ваше назначение? — потребовала Саттралоп.

Изъеденный молью аватроид, известный как Барсук, стоял перед нею. В его шерсти застряли кусочки паутины. Один кристаллический глаз свисал из глазницы, удерживаясь группой волокон.

— Служить моему владельцу? — грубо спросил он.

Эта раздражающая привычка отвечать вопросом на вопрос.

— Кто оживил Вас?

— Мой ученик?

Владельцы, ученики. Разве Академия не была достаточно хороша? Неудивительно, что Доктор вырос таким шалопаем, раз Квинц так разбаловал его.

— Лучше бы Вам вообще не выходить со склада, — сказала она механическому наставнику.

— Есть ли задачи для меня?

— Конечно, нет! — Не было смысла ждать ответа от Квинца. — Демонтируйте его, — сказала она драджу, и слуга, подойдя к аватроиду, протянулся к порту.

Косматая рука остановила его. Машина проревела с программой гнева. Они сцепились с драджем в опасной близости от старухи. Её кресло перенесло её вне досягаемости. Она крикнула на слугу и стукнула тростью.

Драдж попытался схватить аватроида, но тот опустил голову и бодал деревянное тело витыми рогами. Когда драдж отступил, аватроид поднял его и ударил об платяной шкаф.

Голова драджа отломилась. Машина бросила безголового драджа на землю, и захлопнула за собой дверь.

— Вставай! Вставай! — кричала Саттралоп.

Поврежденный платяной шкаф дрожал в углу. Драдж ползал по полу, пытаясь найти голову. Она закатилась под стол и гневно шипела.

— Кристофер?

Крис посмотрел на Доктора. Тот улыбался стоя у края импровизированной кровати-стола.

— Извини, замечтался. Ну, ты знаешь.

Инносет стояла рядом с Доктором. Он подняла глаза к галлифрейскому эквиваленту небес.

— Есть что-нибудь поесть? — спросил Крис.

Доктор залез в свои карманы. Его рука погрузилась глубже, чем на вид могла позволить одежда. Он достал спелый банан, пакет с рыбными сэндвичами, две японских рисовых лепёшки и белого голубя, которого поспешно засунул назад. Крис взял рисовую лепёшку.

— Спасибо, *Улитка*.

Доктор выглядел недоумённым, и Крис кивнул на Инносет. Доктор внезапно понял и передал остальное кухне. Она смотрела на еду с почтением, как будто боялась съесть что-то настолько драгоценное.

— Вначале очистите банан, — сказал он.

Крис громко жевал рисовую лепёшку. Удивительно, но она была свежей.

— Что насчёт снов? — спросил он.

— А? Да, да, — Доктор выглядел взволнованным. Он подошёл к двери и прислушался. Затем отвернул зеркало к стене. — Видишь ли, Крис, то, что там произошло. Хм, в общем, это ТАРДИС.

— Что?

— Ну, моя голова. Чересчур заполнена. Люди видят...

— Заговоры.

— Что-то вроде этого. Но даже способности *моего* мозга ограничены.

— В отличие от карманов.

— Да, знаешь, думаю, у меня в них дыра. Кажется, я теряю вещи.

— Твоя голова переполнена, — напомнил Крис.

— Хм, да. Поэтому, в качестве компенсации, ТАРДИС может откладывать несколько моих подсознательных мыслей в ближайшую доступную базу данных.

— То есть, в меня.

— Хм, да. Она просто не хотела потерять информацию.

— Трусиха, — сказал Крис. Он потёр небольшой порез на руке, не уверенный в том, где это произошло. — Думаю, я должен чувствовать себя польщённым.

— К сожалению, у меня было несколько мыслей об этом месте в последнее время. Просто мимолетные мысли. Ты как-то спросил меня о семье. И я задумался о своей смертности.

— Значит, по-твоему, это я изменил координаты, что прибыть сюда.

— Под влиянием *моего* подсознания, Крис. Это не твоя вина.

Молодой человек потёр шею.

— Что-то еще?

— Да, конечно. То вмешательство ТАРДИС также сделало доступным всё, что происходит в этом Доме. Поэтому ты видишь меня. Это — моя ошибка. Я должен извиниться перед тобой. — Он посмотрел в глаза Крису, а затем уставился в пол. — И я весьма сожалею. Этого не должно было случиться. Я не хотел возвращаться сюда. — Он обвел окружающее взглядом, полным презрения. Пол, пыльные книги, стены и потолок, соединявшиеся белыми стволами. — Когда-то давно я хотел покорить Вселенную. В конце концов, кто хочет быть зрителем, когда имеет власть что-то менять? — Он глубоко вздохнул. — Но цепи прошлого тянут обратно в темноту. Лангбэрроу — худшее место во Вселенной. Я поклялся никогда не возвращаться, но вот я здесь. Это — моя ошибка.

— Хорошо, — ответил Крис. — Я просто останусь сидеть здесь, пока ты разбираешься с семейными делами.

— Ничего не выйдет, — сказала Инносет. — Ненависть. Отчаяние. Семья беспомощна. Вот, на что ты осудил нас.

Доктор вынул из внутреннего кармана небольшой измерительный прибор и поднял его к потолку. Он нажал на кнопку и принялся изучать данные.

— Семья всегда держится вместе, — пробормотал он. — И всё-таки, где все мои кузены?

— Ушли, — сказала Инносет. Она сложила банановую шкурку, как будто сокровище.

— Нет. Это не так, — возразил Крис. — Думаю, они всё ещё здесь.

Доктор выглядел изумлённым.

— Крис?

— Я слышал их. Когда уходил Мэлджамин, я слышал голоса, зовущие его. Они были в моей голове, и я уверен, что Инносет тоже слышала их.

Инносет отвела взгляд.

— Почему же я не слышал? — спросил Доктор.

Крис пожал плечами.

— Возможно, опять вина ТАРДИС? Или твои кузены действительно ушли.

— Или ждут, — он посмотрел на Инносет.

— Откуда мне знать? — ответила она. — Никто из нас никогда об этом не спрашивал.

Доктор опустил прибор, чтобы она тоже смогла увидеть показания.

— Дом похоронен не слишком глубоко. Почему же вы ничего не делаете? Или вам нравится сидеть и ждать археологов?

Слой земли давил на него. Темнота. Он не мог дышать. Он попытался кричать.

Затем земля исчезла. Над его носом двигался совок. Он увидел бело-голубое небо.

В его поле зрения попала чья-то голова. Это была Бернис с самодовольной усмешкой на лице. Она покачала головой.

— Только посмотрите. Какая жалость. Хотя он будет хорошо смотреться в музее.

— Извини, — сказал Доктор. — Думаю, это моё.

Крис застонал.

— Мы должны попросить Вас об одной важной вещи, — сказала Инносет. — Если у Вас, конечно, хватит сил на это.

— Вы знаете меня, — устало ответил Крис. — Попробую.

Глоспин нанёс образец крови Криса на стеклянную пластину и поместил её под хрупкие линзы старинного магнископа. Он потемнел среди залежей люминисцентного натрия в семейном склепе, среди тел ничем ни прославленных предков Лангбэрроу.

В плазме были красноватые тромбоциты и немного белых фагоцитов. Как он и подозревал, ничего галлифрейского. Доктор привёл с собой чужака.

В стене открылся ящик, из которого Глоспин извлёк маленькую шкатулку. Внутри, аккуратно свернутые, лежали копии его записей и теорий о Докторе. Они пожелтели от времени. Он задумался, сохранились ли оригиналы у Инносет.

Где-то внизу он услышал удары машины. Дом задрожал.

Инстинктивно, он узнал возвешение об ещё одной новой угрозе его наследованию и праву по рождению.

* * *

Доктор нервно сгибал пальцы.

— Единственный способ разобраться с этим убийством — это позволить Инносет изучить твой разум. У неё всегда был дар к этому.

— И сертификат криптастезианского общества, — добавила кузина.

Позади них дверь библиотеки дважды вздрогнула, а затем широко распахнулась. В комнату влетело существо, высокое как драдж, пушистое и с вьющимися рожками.

— Барсук! — воскликнул Доктор. — Не думал, что снова увижу тебя.

Он пожал коготь Барсука, а затем исчез в объятьях существа, похожего на заблудшую собаку, которая, наконец, нашла хозяина. Доктор засвистел, и Барсук, больше похожий на полосатого медведя-свинью, издал ответный свист. Инносет смущённо отвела взгляд.

— Тогда зачем Вы звали меня? — загрохотал голос из огромной груди Барсука.

— О, ну, все живут надеждой, — Доктор обернулся к остальным. — Крис, это — Барсук. Мой самый старый друг и наставник.

Крис вежливо кивнул, давно привыкнув к неожиданным появлениям старых знакомых Доктора. Он заметил, что Инносет потихоньку отщипывает кусочки рисового пирога.

— А с Инносет ты уже знаком, не так ли? — продолжил Доктор.

— Верно, — подтвердил Барсук.

— Где ты был все это время?

— Он был в шкафу в течение шестисот семидесяти трех лет, — сказала Инносет. — Ждал.

Крис соскользнул со стола.

— Может, продолжим, Доктор?

— Минутку, — Доктор вернул глаз Барсука на место. — Ну, как?

Барсук посмотрел по сторонам.

— Улучшение на тридцать один процент.

— Это же твой глаз, — сказал Доктор. — Не одно из моих эссе.

— Мы готовы, — заметила Инносет.

— Хорошо.

Доктор сел на кровать и принялся наблюдать за Крисом и Инносет, расположившимися на коврике.

— Я знаю. — Крис закрыл глаза и попытался привести мысли в порядок. — Вам это труднее, чем мне.

— Необязательно, — ответила она. — Пожалуйста, откройте глаза.

Она внимательно посмотрела на него. Очень внимательно. Взгляд серых глаз проникал глубоко под кожу, устремляясь к его мыслям.

— Гм, — вздрогнул он.

Думайте о Квинце Что Вы видели в его комнате? Когда он... Когда он был...

Убит, подумал Крис. Когда он был жестоко убит.

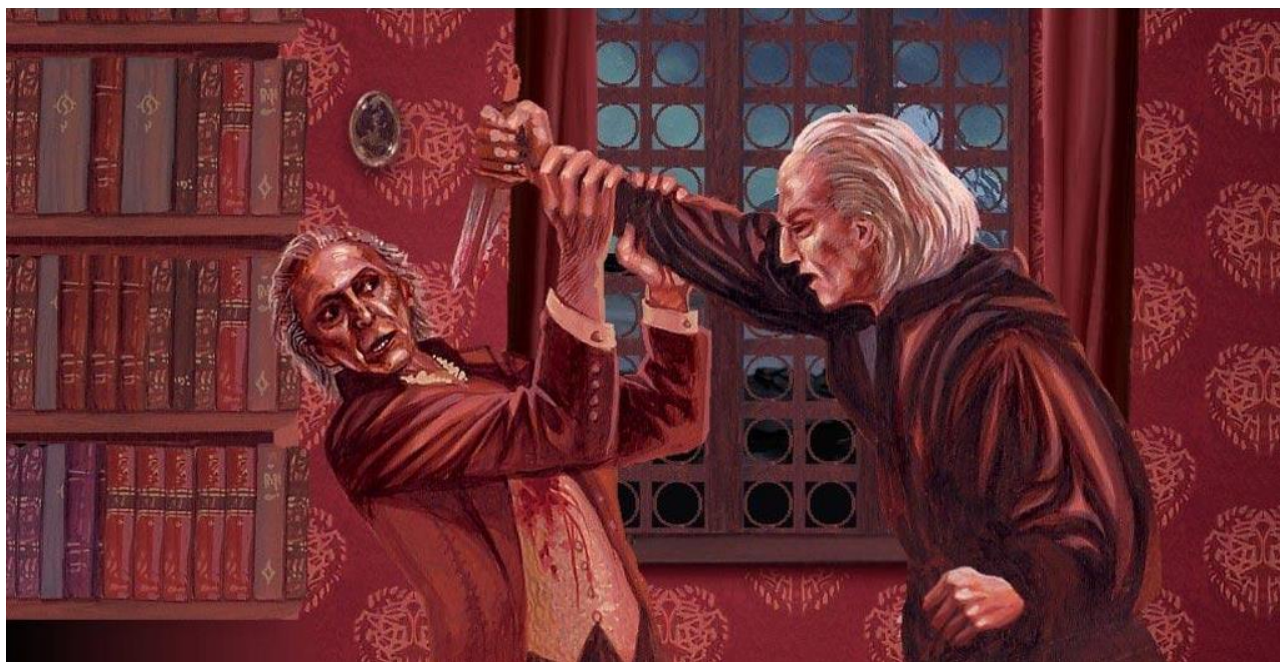
Момент вспомнился легко.

Старик смеялся над Саттралоп, выходявшей в гневе из комнаты. Он повернулся, чтобы продолжить работу над огромной пушистой насыпью на столе.

Память раскололась. Дюжина одновременных убийств в одном сломанном зеркале.

Фигура в чёрном. Бегущий пожилой человек с седыми волосами. У него были жестокие глаза и клювообразный нос.

Да, это человек с портрета.

В левой руке он держал кинжал с двумя лезвиями. Квинц обернулся, и злоумышленник нанес один-единственный удар в оба сердца. Старый Генерал пытался что-то произнести, но кровь, полившаяся изо рта, мешала ему.

— Ты, — прошептал он.

На зеркало была наброшена чёрная ткань.

— Убийца! Убийца! Это был ты!

— Я невиновен! Вернись! — Голос Доктора отзывается эхом в темноте.

— Я видела тебя! Убийца!

— Инносет, послушай!

Извините, подумал Крис. Это — моя голова.

— Убийца! — прошептала Инносет.

Крис открыл глаза и увидел Барсука позади Инносет.

— Барсук! — Доктор тут же оказался рядом, отодвигая животное назад. — Мне не нужна защита. — Он повернулся к Инносет. — Да, это был я. Самый первый. Я узнал себя. Вы правы.

— Как ты смог увидеть это? — спросила она, поднимаясь.

— Я вошёл после тебя. Подумал, что тебе, возможно, понадобится помощь.

— Значит, ты признаешься в убийстве.

— Признаюсь? Я даже не помню его.

— Подождите, — сказал Крис. — Барсук? Это были Вы на рабочем столе?

Существо поднялось.

— Каком столе?

— Столе в комнате Квинца.

— Оставь это мне, — прервал Доктор. — Барсук, кто убил Квинца?

— Я не знаю, — быстро ответил робот. — Это действительно произошло?

— Вы знаете, где завещание Квинца?

— Не знаю.

— Та память, возможно, была стерта, — сказала Инносет.

Доктор подошел к одному из окон и присел. Он выдернул доску и посмотрел на выпавшую черную землю с камнями.

— Ты раньше была в состоянии хорошо видеть отсюда. Тот старый разрушенный сад. Помнишь, Инносет? И однажды ты сказала, что в тот самый день, когда я появился из Станка, ты видела там незнакомку. Она наклонилась, окунув в воду длинные волосы. Солнечный свет мерцал зелеными и коричневыми бликами на её одежде, поэтому ты даже сомневалась, что она действительно была там. И ты спустилась в сад, чтобы найти ее, но там никого не было. Только фрукты, упавшие в воду и аромат роз.

— Женщина роз, — сказала Инносет. — Я помню. Мне казалось, это было хорошим предзнаменованием для Дома. Возможно, я ошиблась. Я никогда не могла понять, кто ты.

— Я не верю в предзнаменования. Предзнаменования — пустые грозовые тучи без дождя. Попытка ухватиться за сломанную соломинку. — Он хотел вернуть доску на место, но передумал. — Что я могу сказать, Инносет? *Я не помню*, чтобы я убивал Квинца, но мы только что видели, как оно произошло. Это был я, первый Доктор. Но я не возвращался сюда. Я верю, что бедный старик любил меня. Хотя также был и тираном. Но я бы никогда не убил его.

— Тогда где ты был? — спросила она.

— Не здесь, — ответил он. — Я был далеко отсюда.

— Где?

Он раздражённо постучал пальцем по оконному стеклу.

— Я не помню. Действительно, глупо.

Крис перевел взгляд с одного на другого. Они оба уставились на него. Проникали внутрь головы, читая мысли.

Он знал, кем была женщина. Она сидела у Двери в Прошлом, и вокруг витал аромат роз.

ГЛАВА 22

БЫСТРОТА РУКИ

В Капитолии раздался сигнал тревоги. Инносет посмотрела сквозь окно на небо. Она забыла, что такое необъятность. Оно испугало её — заполненное чёрными грозовыми тучами, среди которых возвышалась Цитадель с её башнями и мостами, освещенная золотистым закатным солнцем. Это было больше, чем она могла представить. Она находилась здесь, её ум транспортировался в другое место и время. Внезапно возле неё появился Доктор. Он взял её за руку, и они обернулись, чтобы осмотреть комнату.

Кабинет был наполнен старыми книгами и бумагами. За столом сидел первый Доктор. Его седые волосы были зачесаны назад. Он был одет в тёмно-зелёную тунику. На его носу подёргивались очки.

С недовольным выражением лица он рассматривал какой-то документ, на котором стояла печать Дома Лангбэрроу — два дерева с серебряной листвой и переплетающимися ветвями.

Благородный

*Квинцессетианобайолосатугразададеуилангбэрроумас,
422-й китриарх Дома Лангбэрроу
ожидает Вашего присутствия на своей годовщине смерти
во время прочтения завещания и погребения.*

Слово «ожидает» было зачёркнуто, а рядом небрежно добавлено «требуется».

Первый Доктор включил плазменный экран, на котором высветилось сообщение: «Ваше заявление о повышении было рассмотрено и отклонено. Вы продолжите работать в качестве архивариуса». Внизу стоял штамп. Регистратор Непрерывного Наблюдения.

Он сложил руки на груди, по-видимому, находя ситуацию забавной.

— Это — заговор. Достаточно ясный, — пробормотал он, но в его глазах отражалось иное. — Что ж, посмотрим, кто будет вести первую партию.

Он продолжал что-то бормотать, когда раздался громкий стук в дверь.

Он замер. Снова удар.

Прежде, чем он успел сойти с места, что-то большое, похожее на гроб, пролетело сквозь закрытую дверь. Чёрный ящик завис над ковром над уровнем пояса.

Удивившись, Доктор схватил свою трость и подошёл к созданию. Оно трещало и щёлкало, слегка вибрируя.

Старый Доктор осторожно дотронулся до него тростью. Оно заскулило как потерянное животное.

— Кыш, — сказал Доктор, — чем бы ты ни было. Уходи, существо. Убирайся.

— Это действительно происходило с тобой? — спросила Инносет.

Доктор плыл над столом первого Доктора, пытаясь прочитать его журнал.

— Видимо, да. Путешествие на ТАРДИС, конечно, показало бы более точно, чем твоя реконструкция. Просто не отпускай мою руку.

— Что это была за коробка?

— Инносет! И ты ещё изучаешь классику! — воскликнул он. — Ладно, тише. Мне кажется, тут какой-то заговор.

* * *

Дневник. День Другого.

Шестой день с интригующего появления коробки, и она по-прежнему бросает вызов моим попыткам проанализировать её. Я уверен, что постоянный сигнал тревоги из Капитолия как-то связан с ней. Охранники канцлера выглядят тревожно. Думаю, многие даже не понимают, с чем связан сигнал. Это объясняет, почему он звучит так долго. И теперь идут разговоры о введении комендантского часа. Естественно, нет никаких сообщений, чтобы объяснить происходящее.

Они обыскивали мои комнаты дважды, но коробка, с ее возможностью перемещаться быстрее, чем я успеваю моргнуть, всё время уклоняется от них. Она продолжает неотступно следовать за мной, скуля как потерянный уличный щенок, и сегодня это фактически спасло мне жизнь. Часть каменной кладки упала с реконструируемой Башни Наблюдения. (Я говорю «упала», но это суждение того, кто с добром относится к миру). На несколько мгновений я заметил, как что-то мелькнуло и вспыхнуло, а затем это распалось в воздухе над моей головой.

В следующий раз, когда я увидел коробку, она вся была в пыли. Я надеюсь, что мой «гость», в конечном счёте, раскроет себя и свою цель.

Завтра мои именины, значит, последует множество поздравлений. Также годовщина смерти старика. Нашёл подходящий момент.

— Высокомерный, как всегда, — прокомментировала Инносет.

— Это — семейная черта, — ответил Доктор.

— Не знаю, что ты находишь здесь забавного. Это ужасно.

— Действительно, пугает, — согласился он. — Я просто восхищался его потенциалом.

* * *

В комнатах старого Доктора царил хаос. Повсюду лежали разорванные бумаги и книги.

— Вандалы из Агентства! — проклинал он их, убирая беспорядок.

— Поздравляю с Днём Другого, — произнёс старик с черными волосами. Глоспин, старый Глоспин, стоял рядом, облокотившись на трость. Подбородок Доктора вызывающе вздёрнулся.

— В чём дело, кузен? Наслаждаешься именинами? Хм?

— Я — не твой кузен, забыл?

— Как я мог забыть?

— Поэтому, надеюсь, ты не собираешься посещать свой бывший дом.

— Чудесно, — Доктор начал складывать новую горсть бумаг. — Ты проделал столь длинный путь, хотя должен

находиться в Доме. В чём дело? Боишься потерять право наследования?

— Возможность стать новым китриахом мне гарантирована, — сказал Глоспин. — Квинц стар. Но не думай, что он мечтает о твоём возвращении. Ты уже был заменён.

Доктор закашлялся.

— Невозможно, — он схватился за стол. — И незаконно.

— Ну, да, слегка преждевременно. Но с несколькими нужными словами в подходящих местах, — он улыбнулся. — Так что, я любезно решил разъяснить тебе несколько вопросов. — Он вынул документ. — Твой сертификат станка.

— И?

— Недавно я изучил документ и обнаружил некоторые аномалии в твоём генетическом коде.

Доктор выхватил документ.

— Не имеет значения, Червоточина, — миролюбиво произнёс Глоспин. — Это — просто копия. Но если ты взглянешь, то увидишь, что твой код полностью отличается от генетического шаблона Станка Лангбэрроу.

— Враньё, — раздражённо сказал Доктор, изучая документ. — Это просто попытка отлучить меня от семьи.

— Я заинтересовался этим только как генетик. Но, конечно, нынешние обстоятельства...

— Это оскорбление.

— Я бы так не сказал. Люди возобновляют свои регенеративные циклы, прыгнув в станок, и таким образом заново рождаются в новой семье. Таков был твой план,

Червоточина? Ты, конечно, никогда не принадлежал Станку Лангбэрроу. Так откуда же ты взялся? — Он приближался, смотря на Доктора как на лабораторный экземпляр. — Короче говоря, что или кто ты?

— Кто? — вспыхнул Доктор. — Не знаю, что за мелкую лазейку ты выкопал, Глоспин, но я — твой кузен. И не думай, что я не знаю о твоей связи с галлифрейской Агенством преданности. Или о твоей причастности к Агенству по Вмешательству.

— Ты не совсем прав, — улыбаясь, произнёс Глоспин. — Но я готов очаровать их своим открытием... за правильное вознаграждение.

— Безумие! — старый Доктор покачал головой. — Неужели недостаточно того, что случилось?

— Нет, — ответил Глоспин. — Я хочу получить всё.

— Убирайся! — закричал Доктор.

Он поднял свою трость, замахнувшись на Глоспина. Но Глоспин был готов дать отпор. Два старика сцепились как щенки в борьбе за кость.

Внезапно сквозь стену пролетела коробка. Глоспин закричал, поскольку вспышка света опалила его правую руку. Задыхаясь от боли, он уставился на коробку.

— Я ещё посмеюсь над твоими страданиями! Ты никогда не вернёшься в Лангбэрроу!

Коробка скользнула к нему, но он толкнул дверь и вышел в Капитолий.

— Ложь, — произнёс старый Доктор. Его щека кровоточила. Он нашёл свою трость среди кучи разорванных книг. Крушение работы всей жизни. — Ложь.

Снаружи слышался новый сигнал тревоги. Коробка висела перед открытой дверью, взволнованно щёлкая.

— Что ты такое? — потребовал Доктор.

В ответ коробка открыла свою крышку. Внутри находилась белая печь. Пока Доктор смотрел, его выражение лица становилось всё удивлённей. Его голос дрожал.

— Конечно, конечно. Экстраординарно. Я понимаю. Но почему именно я?

Наблюдатели смотрели на события сверху.

— Глоспин рассказывал тебе об этом? — Голос седьмой инкарнации Доктора прозвучал устало.

— Да, — ответила Инносет.

— Это всё ложь. Разве ты недостаточно увидела?

— Чья ложь? — спросила она. — Глоспина или твоя?

* * *

Главному кардиналу клана Прайдон.

Кардинал,

я хочу обратить Ваше внимание к самому спорному вопросу относительно прайдонского Дома Лангбэрроу. Мне известно, что в вышеупомянутом Доме должно находиться сорок пять кузенов. Однако я заявляю, что эта доля была недавно нарушена появлением в Доме несертифицированного кузена.

Надеюсь, Вы разделите мое беспокойство.

Первый Доктор плотно скрутил письмо и запечатал официальным прайдонским штампом, который он удержал со времени в Бюро Здания капитула Возможности. Пост он покинул после разногласий о его чрезмерно фанатичной политической причастности. Завернувшись в чёрный плащ, он сунул свиток в клюв каменной совы, охранявшей ворота клана.

Сигнал тревоги всё ещё звучал, когда он проходил по зданию Цитадели. Мосты были подняты, а коридоры пусты. Никто не выходит в ночь накануне Дня Другого.

Он взял с собой одну сумку. Несколько вещей на память. Остальные он раздал охранникам и мусорщикам.

Он поспешно прошел ветреные колоннады, известные как Пальцы Джесаеввы, и остановился перед мемориалом Омеги. На мгновение он заметил, как что-то промелькнуло в тёмно-оранжевом небе над памятником.

Порт посадки ТТ находился на 15 подуровне Цитадели. Группа людей сидела в зале ожидания. Некоторые были чем-то заняты, пытаюсь не слишком выделяться.

— Охранники агентства, — подумал Доктор.

Он нырнул в сухое пространство судоремонтной верфи на следующем уровне. На нервной строительной палитре стояла новенькая блестящая ТАРДИС, готовая к работе. На листе были перечислены особенности и последние неисправности — отдаленный отзыв отвергает систему.

— Тип пятьдесят три? — простонал Доктор. — Вы не сделаете из меня новомодного мертвого промаха. В дальнейшем

углу, окружённая барахлом, стояла тускло-серая, разбитая старая ТТ с надписью «Тип 40» на двери.

В замке был ключ.

Как только Доктор вошёл в обречённую ТАРДИС, он услышал новый сигнал тревоги. За небольшими дверями находилось огромное пространство. Комната управления выглядела мрачной и заброшенной. На главной консоли слегка подёргивалась паутина. Несколько панелей открылись, показывая сложную внутреннюю систему.

Доктор сорвал паутину и сдул пыль. Тут же послышался слабый гул. Стены слегка мерцали, приветствуя посетителя.

Доктор положил свою сумку.

Повсюду валялись коробки с инструментами и опрокинутые стулья. За дверью внутрь виднелся тёмный коридор. Доктор слегка задумался и выбрал кнопку со словом «Дверь».

Ответа не было. Энергия закончилась. Свет погас, и гул судна затих. Доктор в расстройстве забарабанил пальцами.

Что-то щёлкнуло. Возле него внезапно оказалась чёрная коробка.

— Да, я задавался вопросом, когда ты догонишь меня, — сказал он. — Значит, ты тоже думаешь сбежать? Что ж, это очень хорошо, дружище. Но у нас нет ни энергии, ни пилота. Хотя, возможно, ты знаешь, как управлять этим.

Коробка затрещала, приоткрыв крышку. Белая печь внутри замигала. Он мог почувствовать энергию, исходящую от неё.

Судно постепенно начинало жужжать снова. Более уверенный гул. В комнате стало светлеть. Экран на потолке ожил, показывая группу охранников из Агентства, идущих по верфи снаружи. У одного из них было оружие.

Доктор вновь нажал кнопку «Дверь». На сей раз тяжелые двойные двери загудели и качнулись, закрываясь. Центральная колонна сильно вибрировала. Повсюду замерцали огни.

Теперь у судна было достаточно энергии.

— Чудесно! Чудесно! — воскликнул Доктор. — В этой рухляди еще осталась какая-то сила!

Раздался громкий лязг. На экране он увидел, что охранники собрались вокруг судна.

— Что ж, кажется, мое будущее находится в твоих руках, или, я должен сказать, руке, а? Хм? — он пожал плечами.

Сияние исходило от дисков, которых он не заметил ранее. Доктор посмотрел на коробку. Она привыкала к нему. Он протянулся и повернул диски.

Воздух задрожал от рёва двигателей. Колебание напоминало рвущуюся ткань действительности. Стеклопанель колонна поднималась и опускалась, выключатели и рычаги двигались самостоятельно.

Судно затряслось, и изображение с экрана исчезло.

Доктор побледнел и упал рядом со стулом.

Затем волнение прекратилось. Колонна снизилась и затихла. Свет потускнел, и откуда-то послышался голос.

— Это судно неавторизовано. Транспортировка за пределы Галлифрея запрещена. Вам следует вернуться к Контролю трафика времени для дальнейших указаний.

Доктор, стоя на четвереньках, повернулся к коробке.

— Куда ты хотела увести меня? Хм?

Судно вновь задрожало, и свет покраснел.

— Что ж, значит, меня ждёт неприятный штраф, — пожаловался он. — Что ты хочешь сделать?

Коробка поднялась вверх, зависнув рядом с вершиной колонны.

Воздух загудел. Доктор закрыл уши, поскольку красный свет продолжал мерцать вокруг него.

— Внимание! — он снова услышал голос. — Сопротивление вбудет расценено как преступление. Вы не сможете покинуть пределы поля. Остановитесь немедленно!

Судно дрожало. Коробка широко открыла свою крышку.

— Внимание! Контакт с полем разорвёт это судно.
Возвраща...

Коробка закричала. Доктор бросился на пол, поскольку ледяные солнечные лучи ворвались в комнату. Цветок белого пламени завис на мгновение. Затем место и другие измерения вне времени свернулись вокруг него.

* * *

Доктор лежал на спине, смотря в потолок. Лёгкий гул ТАРДИС звучал успокаивающе. Он сел. Стеклянная колонна поднималась и опускалась. На сканере виднелись ромбовидные лучи воронки.

— Что ж, — сказал он, ощупывая кости, — и куда же ты забираешь меня?

Коробка подлетела к нему. Она ласково защёлкала.

Он выглядел изумлённым.

— Домой? Что значит «домой»? Я не хочу возвращаться.
Я никогда не вернусь домой.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Я впервые столкнулся с астральным путешествием в «The Ka of Gifford Hillary», одном из оккультных романов Дениса Уитли. Нынче он, кажется, вышел из моды. Возможно, сейчас его работы кажутся аляповатыми или безвкусными, но в конце шестидесятых они выглядели одной из тех чудовищных фантазий, к которым относился и Доктор Кто. Это были дни, когда парни из истборнского колледжа должны были получать письменный пропуск для похода в город, и мы с другом тут же мчались в кино, чтобы посмотреть «Изгнание дьявола» или «Возвращение Дракулы».

В припадке ядовитой враждебности Первый Доктор трусливо мстит Глоспину и остальным членам семьи. Напоминает о детях, доносящих, что их родители употребляют наркотики или бьют их. Первоначально я не задумывался об этом. Но Доктор одним махом добавил целую линию, как и почему Дом был разрушен галлифрейскими отчётами.

Статуя совы напоминает о любви Пола Корнелла к птицам. Эта особая прайдонская сова похожа на вырезанное лицо на стене Дворца Дожей в Венеции. В его рот граждане могли класть анонимные обвинения соседей.

В одной из возможных версий Доктора Кто — «Unbound» присутствует теория, как Доктор мог покинуть Галлифрей. Она существует и у большинства поклонников. И я уже слышу их вопросы, где же, чёрт возьми, Сьюзан?

ГЛАВА 23

СТАРЫЙ КРОТ

Инносет прикоснулась ко лбу Доктора его шарфом. Тот прижимался к стене и дрожал. Затем Доктор приоткрыл глаза.

— Хорошо, — сказала она. — Я признаю, что ты был далеко от Дома во время убийства Квинца.

— Все мы видели меня. Возможно, я вернулся.

Она раздражённо качнула головой.

— Улитка, ты был изгнан по вине Глоспина. Это многое объясняет. Но украсть машину ТТ.

Он снова закрыл глаза.

— Рука Омеги действительно существует, а не является мифом, — продолжила она.

— Это ты изучала классику. Рассказывай.

— Это — легенда. — Она поглядела на стойки цветных труб вокруг комнаты. — Существует, как минимум, дюжина различных историй, чья интерпретация зависит от общественных и духовных потребностей времени, в которое они были написаны.

— И авторов, — добавил Доктор. — Не существует приливов без Луны или башен без фундамента. — Он достал из кармана ещё одну рисовую лепёшку. — Барсук? Рука Омеги.

Задремавший было Крис резко наклонился вперёд.

— В Триумфах Рассилона, — прогремел наставник, — Рука — звездный манипулятор, созданный Омегой для Рассилона. Это ключ, открывающий горящие врата Времени. Но Другой украл Руку.

— Мелодрама какая-то, — произнёс Доктор. — Очень упрощённое представление.

— Нечто подобное есть в Записях Рассилона, — сказала Инносет. — Рука Омеги создала Время-Солнце, что освещает Галлифрей. В Книге Старого Времени сказано, что Другой пытался свергнуть Рассилона, но, проиграв, бежал. Рука вечно преследует его. Как бы мы ни пытались интерпретировать, это означает отказ людей от суеверия. Господство Богов заканчивается, и мы учимся сами о себе заботиться.

— Именно, — подтвердил Барсук. — Этот период называют Интуитивным Открытием.

— Извините, — вмешался Крис, — но каким образом это связано с историей о генетических несоответствиях в твоём свидетельстве о рождении?

— Не особо, — ответил Доктор. — Рисовую лепёшку?

— Извини, но сложновато игнорировать такое, когда половина мыслей в голове не являются моими собственными.

— Это ещё не доказано.

— Я пыталась защитить тебя, — сказал Инносет. — Глоспин собирался сообщить о своей теории, но я помешала ему попасть в Капитолий.

Доктор кивнул.

— Спасибо, кузина. Надеюсь, он не решил отомстить тебе.

Она встряхнула головой.

— Глоспину стало плохо. Он потерял сознание после того, как Дом был похоронен. Когда Квинц умер, Глоспин был уже прикован к постели.

— Я видел это, — сказал Крис. — Мы с Аркхью видели это во сне.

— Саттралоп спасла его посредством регенерации. Но возникли осложнения, а медицинская помощь отсутствовала. Ему понадобилось много дней, чтобы прийти в себя.

— Как вовремя, — пожаловался Доктор

— Он лишь на триста лет старше тебя, — неодобрительно заметила Инносет.

— И в третьей инкарнации, — Доктор вздохнул и убрал рисовую лепёшку обратно в карман.

— Ещё вопрос, — сказал Крис. — Почему все кузены называют тебя «Червоточиной»?

Доктор застонал.

— Не все мы, — ответила Инносет.

— Почему бы вам не пройти по библиотеке? — отрезал Доктор. — Я останусь здесь. Тогда у вас будет достаточно места, чтобы обсудить меня!

Оуис не мог поверить в свою удачу. Он только что обнаружил новый и разноцветный шерстяной предмет одежды. И сейчас, свёрнутый в рулон и никем не охраняемый, он лежал на кухонном столе. Одежда, вероятно, со временем улучшилась, значит, после шести с половиной сотен лет она должна быть... что ж, есть только один способ узнать. Он протянул руку.

— Ты слышишь этот шум? — сказал Глоспин. — Как от машины?

Оуис покачал головой, задумавшись, каким образом Глоспин оказался на кухне.

— В былые времена, — продолжил Глоспин, — у воров отрезали пальцы. Один за другим. Чик—чик. Червоточина всегда говорил о былых временах. Если бы он стал китриархом, то, скорее всего, вернул бы старые порядки.

Оуис быстро отдёрнул руку.

— Неважно, — добавил Глоспин. — Он ещё не китриарх.

Оуис медленно улыбнулся.

— Будь ты им, он бы никогда...

Сквозь облако пара показалась фигура драджа. Он сердито шипел и жестикулировал.

— Скоро ужин, — произнёс Глоспин, наблюдая за убегающим Оуисом. — Так что не задерживайся.

Доктор спокойно сидел, прислушиваясь к голосам своего друга и кухни, доносившихся из глубины библиотеки. Барсук, его самый старый друг, как страж стоял рядом. Дом затих. Но существует другая тишина, не похожая на спокойствие. Иногда, перед моментом внезапного ужаса или насилия, стихает ветер, птичий крик и наступает полное затишье.

Рябь, распространяющаяся во времени от неизбежного случая.

Саттралоп глухо кашляет в своей комнате. Никакой еды, только отбросы и очистки, для ужина в День Другого. Она сидит на стуле в ожидании приближающегося момента.

Джобиска, преодолевая боль, просунула голову в камин, чтобы взглянуть в телескоп. В вышине, в отдалённой вершине дымохода, она увидела, что небо изменяется из белого в чёрное, поскольку приближается туча.

В стеклянном гробу у станка Генерал-Ординал Квинц спит, похожий на труп, пока не настанет время для его возвращения.

Землеройка, сидящая на крышке гроба, испугалась эха рычащего двигателя. Существо стрелой бросилось в крошечную чёрную трещину, где, как знает по опыту, не будет замечено.

Серая фигура в длинной одежде появляется в коридоре на третьем ярусе. Старая и угловатая. Тени, отбрасываемые от плаща, пляшут вокруг.

Саттралоп видит его в своём зеркале. Из миски, что она держит, выплёскивается холодная каша.

Доктор сидел и смотрел на дверь в библиотеку.

Когда старик зашёл внутрь, его тёмный плащ медленно качался от невидимого ветра. Декоративная рукоятка кинжала с двойным лезвием торчала из груди. Кровь всё ещё струилась по его одежде.

— Ангелы и амнистия министров хранят нас, — сказал Доктор.

— И что? — ответил Призрак. — Это всё? Никаких извинений?

— За то, что убил тебя?

— За то, что разрушил наши планы.

— Твои планы, Квинц, не мои.

— Всё, над чем я работал. Труд тринадцати жизней.

— Который нынче превратился в пыль благодаря Саттралоп, — Доктор направил луч, имеющий форму сканирующего оружия на призрак. — Будь осторожен, Квинц. Твои экзоплазматические жизни опасно малы. Можно сказать, что они практически отсутствуют.

Призрак сел на стул, не сняв пыльную подушку. Он печально смотрел на Доктора.

— Столетиями этот несчастный Дом производил только слуг и мелких клерков. Но ты отличался. В тебе присутствовали ум и хитрость. Именно поэтому я заботился о тебе.

Во время разговора рукоятка в его груди подпрыгивала.

Доктор фыркнул и поглядел на Барсука, который выглядел спокойным настолько, насколько это вообще могло быть.

— Это не было столь уж ужасно, Квинц. Генерал-Ординал из братства китриархов преуспел.

— О, да. С трудом завоёванное, с трудом удерживаемое положение. Но ты бы, безусловно, смог заменить меня.

— И стать первым в семье кардиналом? Не думаю. Я подвёл свои кланы в области исполнения обязанностей и законов. Я ужасно подвёл их.

— Ты сделал это сознательно. Большинство результатов было вычислено, чтобы выиграть твой проход.

— Тогда чего же ты ждал? — спросил Доктор. — Как только вы поступаете в Прайдонскую академию, как они тут же заставляют забыть всё, что вы знали, и заменяют годами лекций по жизнеспособности панотропической системы.

— Не стоит останавливаться на кардинале. Ты один в этом несчастном Доме мог достичь истинного величия власти.

— Я знаю, что мог, — Доктор подошёл к затемненному окну. Он взглянул на отражение призрака в стекле. — Именно поэтому я испытал облегчение, когда ты лишил меня наследства.

Старик задрожал.

— У меня были такие планы относительно тебя. Не для Дома или этого пресмыкающегося перед Саттралоп Глоспина. Ты. Мой преемник.

— Ты выбрал не того человека, Квинц. У меня были собственные планы.

Призрак сердито поднялся со стула, его плащ продолжал развеиваться.

— Ты по-прежнему не хочешь извиниться за то, что заставил нас ждать?

— Зачем? Что ты собираешься сделать? Изменишь своё завещание? Если, конечно, оно существует.

— Согласно закону, нельзя презирать мои пожелания.

— Попытайся объяснить это своей семье. И скажи мне, кто на самом деле твой убийца.

— Это был ты, Доктор. Я видел тебя, — на глазах призрака показались слёзы. — Признаюсь, я не ожидал такого. Но я был готов к этому, и принял меры.

— Что за меры?

— Выясни это сам. Однажды ты сбежал, но теперь, когда ты вернулся, мои планы наконец-то смогут осуществиться.

Призрак повернулся и прошёл сквозь закрытую дверь.

— Вот это верно, — сказал Доктор. — Отправляйся обратно на кладбище или куда угодно к духам Галлифрея. Увидим, был ли я прав.

Могильный голос Квинца отозвался эхом из подвала.

— Найди завещание, Доктор. Найди моё завещание.

— Другие называют его «Червоточиной» по той же самой причине, что я называю его «Улиткой».

Инносет шла вслед за Крисом вдоль рядов освещённых книг, пока они не оказались у противоположной стены.

— Вы не обязаны рассказывать мне, — произнёс он.

— В этом нет ничего постыдного. Просто небольшой... — Она сделала паузу. — Просто небольшой физический дефект.

— Да?

— Маленькая впадина на его животе. Похожая на вьющуюся раковину улитки.

Крис удивился.

— Но это — всего лишь пупок. Они есть у всех.

Он поднял верх своей цветной рубашки. Инносет, смущаясь, отвела взгляд.

— Нет, — сказал Доктор, глядя на них. — Не здесь.

— Жаль, — ответил Крис и застегнул рубашку.

Инносет взглянула на Доктора.

— Кто ты? Рука Омеги действительно существует и прибыла, чтобы забрать тебя?

— Я — твой кузен, Инносет.

Она закрыла лицо руками.

— Я не знаю, чему верить. Твои мысли говорят мне, что легенда протянулась и унесла тебя назад в запрещенное прошлое. Если это так, какое повреждение ты вызвал?

Доктор обогнул угол и подошёл к ней.

— Если я был там, тогда я был частью его.

Она широко раскрыла глаза.

— И ты оставил нас со всем этим. Как далеко назад ты забрался? Насколько нам известно, ты мог...возможно, ты мог быть самым Другим.

— Не смейся. Ты же знаешь, я всегда хотел путешествовать.

— И, возможно, ты действительно вернулся, чтобы убить Квинца.

— Зачем? — возмутился Доктор. — Потому, что он лишил меня наследства? Да я был бы рад убежать от такой ответственности. Я — противный иностранец, с противными, прогрессивными негаллифрейскими идеями, которыми пропитывал вашу ужасно важную семью!

— Доктор, — мягко прервал его Крис. — Единственный иностранец здесь — я. Но Аркхью признал тебя убийцей.

Доктор прошёл вперёд. Остальные последовали за ним в читальный зал, где продолжал стоять ждущий Доктора Барсук. Он взялся за ручку двери в библиотеку и потянул, открывая.

В проём упал Оуис, приземлившись в его ногах.

Доктор наблюдал за тем, как Инносет помогает кузену подняться.

— Они сказали мне, — прошептал ей Оуис, глядя на Доктора. — Это значит, что мне предстоит умереть?

— Не глупи, — отрезала она.

— Оуис, — обратился к нему Доктор. — Кто убил Аркхью?

Толстый кузен взвизгнул и выбежал обратно. Барсук с грохотом помчался за ним. Инносет выпрямилась в полный рост, превосходя Доктора. В её голосе слышались горечь и гнев.

— Ты должен радоваться тому, что ни одного из твоих влиятельных друзей нет поблизости.

— Некоторые вещи должны оставаться в семье, — ответил Доктор.

Инносет вышла. Дверь за ней захлопнулась.

ГЛАВА 24

СЧАСТЛИВАЯ РУКА

Дом был тих, как будто желал сохранить тайну. Инносет почти прошла коридор, когда Глоспин догнал её. Она слегка улыбнулась.

— Я рада, что это ты.

— Кузина?

Он, казалось, был искренне потрясён её словами.

— Не удивляйся, — продолжила она. — Доктор, или тот, кого мы продолжаем так называть, по-прежнему невыносимо высокомерный и самый тяжёлый человек из всех, кого я знаю.

В глазах Глоспина появился блеск.

— Мы должны выйти, Инносет.

— Да.

— Насколько он стар, по-твоему, с точки зрения регенераций?

Она поманила его в нишу.

— Старше, чем он выглядит. Но, без подсчёта в станке, как мы можем знать наверняка?

— Он сказал, что делал в то время, как все мы гнили здесь?

— Он был далеко. Но я думала, ты знаешь об этом, Глоспин. — Она заметила, что его лицо вновь приняло

злое выражение. — Что с твоей рукой? — спросила она многозначительно.

— Он сказал тебе? — Глоспин засунул искалеченную руку в карман.

— Не вслух. Он никогда не был настолько правдивым.

Глоспин сузил глаза.

— Но он же не позволил тебе забраться в его мысли? — Он рассмеялся. — Не думал, что ты настолько доверчива. Ты же знаешь, насколько он изворотлив.

— Я знаю, как вы оба недостойно вели себя, Глоспин. Много лет назад, когда ты посетил его номера в Капитолии.

— Тогда тебе известно, что он напал на меня.

— Я видела... что-то. Я не уверена, что это было.

Его рот растянулся в ухмылке.

— В течение нескольких дней в Капитолии звучала сирена. Повсюду раздавался сигнал тревоги. Ходили слухи, что вернулась рука Омеги. Но никто не мог доказать это.

— Слухи Агенства, конечно же.

— Когда я делился с Червоточиной своей теорией, он позвал эту вещь. Это была мифическая рука Омеги. Она пришла к нему, как верный питомец. Как этот Барсук.

Она пошла дальше.

— Это не то, что я видела.

— Что же ты видела? — Глоспин направился за ней. — Ты продолжаешь верить, что он — твой кузен?

— Нет.

— Он сказал тебе, где был? Или почему он действительно вернулся домой?

— Нет.

Она потянула свою дверь, вошла внутрь и захлопнула её перед его лицом.

Когда она повернулась спиной к двери, молясь, чтобы та оставалась закрытой, до неё донеслись мысли Глоспина.

Он пришёл домой, чтобы потребовать своё право наследования, кузина. Он предположил, что мы все были мертвы. Он назвал тебя старой Пифией. И он сказал, что никогда не видел тебя в качестве следующей домоправительницы. По-моему, ты должна знать об этом.

Наконец отголосок, который слегка колебался через Дом в сердитых порывах машинного шума, сошёлся и взорвался в единственном золотом раскате грома.

Машина прогрохотала о прибытии и умерла.

— Кто там?— крикнула Саттралоп. Её пальцы запутались в шнурках ботинка. — Что за незваный гость переступил порог?

* * *

Дороти припарковала мотоцикл под самым высоким столом из всех, что она видела.

— Чтоб мне провалиться, — прошептала она. — На минуту мне показалось, что с нашими размерами что-то не так.

— Я думала так же, когда впервые посетила дом Андреда, — сказала Ли́ла. — Подожди здесь.

Она осторожно направилась в сторону высоких дверей.

Дороти проигнорировала предостережение и подошла к заколоченным окнам. Она заметила трещину в дереве, но та

была чёрной, как ночь на улице. Романа ошиблась. Они не были под землёй.

Тяжёлый воздух в доме пах маслом. Странный ствол дерева в архитектуре её не удивил. В конце концов, они находились в Доме Доктора. Пыльное место можно было бы принять за заброшенное, если бы не лампы, горевшие вдоль стен. Она подошла к Лиле, всматривавшейся в глубину тёмного прохода.

— Галлифрейцы — грустные существа, — произнесла Лила. — У них нет настоящих детей.

— О, станки, — ответила Дороти. — Я никогда не понимала этого. Я имею в виду, если вы родились в обычной семье.

Лила покачала головой.

— Они все рождаются в станках сразу же взрослыми. Вначале они подобны детям и должны учиться, как дети. Андред называл это время полировкой мозгов. Он рассказывал, что они специально живут в таких больших домах, чтобы чувствовать себя маленькими.

— Понятно, — ответила Дороти. — Значит ты — не Повелительница Времени.

Лила начала бродить по комнате, изучая древнее оружие и мечи, свисавшие со стен.

— Моё племя живёт в мире, далёком отсюда в пространстве и во времени.

Она подтянулась, забралась на стул и вытащила нож.

— Племя? — усмехнулась Дороти.

Стул закачался. Лила спрыгнула и мягко, по-кошачьи, приземлилась рядом с Дороти.

— И будь осторожна с мебелью, — предупредила она, поднимая нож. — Она может быть жестокой и хитрой, как лесные звери...

Они замерли, услышав звук шагов. Едва девушки успели спрятаться в огромной комнате, как что-то очень высокое вошло внутрь.

Крис наблюдал за тем, как Доктор пытается покинуть библиотеку. Каждый раз, когда Повелитель Времени подходил к двери, столы и стулья толкали, пытаясь преградить путь.

Доктор молчал. Крис не мог читать его как книгу. Вместо этого он был слушателем поневоле десятков голосов, насильственно вторгнувшихся в его голову. Постепенно он привык к этому и смог сосредоточиться на собственных мыслях.

Предположим, что я действительно присутствовал при убийстве, а затем моя память была стёрта. О, возможно, здесь вина двойника? Но нет. Станок всегда ткёт по случайному шаблону. Ты не можешь выбрать свою будущую внешность. Шансы выглядят похожим на кого-то бесконечно малы.

Всё это происходило на фоне мыслей, как будто включало в рассказ исторического текста то, что походило на свинячий визг, поющий наряду со своего рода оперной героиней, наряду с джазовым оркестром дешевого бара, репетицию речи по культурной динамике планеты Синяя Глубина в

системе двух солнц Сапфо и список компонентов для самодельного вина.

Аркхью никогда не говорил, что это я. Возможно Аркхью узнал в убийце кого-то другого. Возможно, он пошёл к нему и сам был убит.

— Как мог Аркхью узнать кого-то другого, если убийца выглядел, как ты? Кто ещё был там?

Неужели нет никакой частной жизни? — пожаловался Доктор в мыслях, но вслух произнёс:

— Инносет видела кого-то, выходящего из комнаты.

— Она сказала, что это ты, — ответил Крис. — Если, конечно, ты не считаешь, что она сама замешана в убийстве Квинца. Я не могу читать её мысли.

— Но она умеет читать твои через меня.

Доктор решил замять тему.

Почему она носит свою вину за собой в длинной косе за спиной? Я не знаю, что бы она сделала, если бы считала, что последствия повредят Дому. Это экстремальная ситуация. А ещё есть Глоспин.

— Он был на пороге смерти, помнишь? — прервал Крис.

— Но я готов поставить месячную зарплату, что это он. Как насчёт Саттралоп?

Может ты перестанешь меня допрашивать, словно я главный подозреваемый?

— Но так и есть Доктор, — извиняющимся тоном произнёс Крис. — И в случае убийства Квинца, и Аркхью.

Меня подставили!

— Я тут не при чём!

Крис пожал плечами.

— Если бы мы были в Оверсити, ты бы уже находился за решёткой.

Доктор попытался добраться до двери, нырнув под стол, но тот намеренно присел, чтобы преградить ему путь. Когтистые лапы схватили плащ Доктора.

— Саттралоп не могла убить Квинца, — сказал он, пытаясь освободить одежду. — Не имеет значения, насколько они ненавидели друг друга. — Он выскользнул из плаща, оставшегося зажатым в лапах. — Но не забывай, что она уже солгала Дому о его смерти. И, по её мнению, сделала это весьма убедительно.

— Рано или поздно об этом всё равно узнают.

— Рано, — мрачно сказал Доктор. — Она планирует разбудить его сама. Интересно, кто будет более травмирован.

Крис медленно направился к двери, держась у стены. Мебель проигнорировала его.

— Я уйду, чтобы кое-что выяснить. Я понял, о чём ты думаешь.

Доктор кивнул.

— О чём же?

Крис улыбнулся и подумал:

Единственный выход — найти завещание.

— А, — произнёс Доктор. Он смотрел ему вслед, а затем перенёс внимание на спасение плаща.

— Он испортил мой шоппинг, — сказала Дороти. — Кто этот урод?

Они наблюдали за высоким деревянным существом из-за большого шкафа. Лила оттолкнула Дороти за спину, а затем сама спряталась за декоративными панелями.

У высокого существа отсутствовала голова. Только расщепленная шея, вокруг которой висели зеркала на цепочке. Он подошёл к мотоциклу и забрал пакеты M & S.

— Это был драдж, — сказала Лила. — Один из слуг Дома.

— Ненавижу общаться со слугами, — произнесла Дороти. Ей не слишком нравилось, что Лила взяла на себя роль лидера. — Не стоит задерживаться, если бы собираемся найти Доктора.

— Подожди, — остановила её Лила. Она присела и понюхала один из белых стволов. — Дом Лангбэрроу болен. Я чувствую это.

— Серьёзно? Хочешь сказать, он живой?

Лила принялась стягивать с себя длинную одежду.

— И если Дом болен, то болезнь переходит на слуг и мебель. Все они являются частью дома.

Она отбросила длинное платье и оказалась в обтягивающем белье из кожи. Её тело было стройным и подтянутым. Теперь она не походила на элегантную даму из общества. Она сунула нож в пустые ножны на поясе.

Мёртвое племя, подумала частица Эйс в Дороти. Она была поражена. Она взглянула на себя в большое зеркало. Тёмное лицо, которое выглядело усталым. Но это было её собственное лицо, сформировавшееся от тревог и сражений. Не обвиняющее и не спрашивающее. Обе Эйс и Дороти.

Она позволила Лиле идти первой, пока они не попали в заброшенный зал. В дальнем конце что-то светилось в стеклянной кабине. Призрак в алой форме, наполовину истлевший.

Это он, — сказала Лила, вглядываясь в стекло. — Это, должно быть, Редред, пропавший кузен Андреда.

Дороти прикоснулась к сгоревшей консоли.

— Для замены блока потребуется немного времени. Я видела подобное в ТАРДИС. Интересно, почему никто не сделал этого до сих пор. — Она посмотрела на призрак в машине. — Как долго он пробыл там?

Лила положила ладонь на рукоять ножа.

— Он пропал без вести шестьсот семьдесят три года назад, — ответила она.

* * *

Саттралоп перебирала содержимое белого пакета. Она разорвала одну из обёрток и вынула странный коричневый предмет. Кто-то принёс им пакеты с едой для Дня потусторонности? Или это была шутка Доктора? Вещь оказалась съедобной и богато приправленной зеленью, напоминая хлеб, который пекли бродяги на углях. Здесь же лежали незнакомые фрукты и пакетики с травяными смесями, пахнувшие, как чай.

— Возьми, — сказала она безголовому драджу. — Этого хватит для ужина. И найди злоумышленников.

Внезапно раздался стук.

Доктор, находившийся в библиотеке, бил кулаком по зеркалу. Он молчал, но весьма отчётливо мыслил.

Саттралон! Немедленно прекрати это или я скажу Дому о Квинце.

Она с яростью вцепилась в подлокотники. Какое высокомерие! Да как он смеет?

Она собиралась отправить драджа, когда разглядела фигуру, стоявшую за Доктором. Это был Глоспин.

* * *

Крис чуть было не споткнулся об Джобиску. Он подумал, что она мертва, но старушка вынырнула из глубокого камина и протянула ему свой телескоп.

— Взгляните, дорогой. Похоже, будет дождь.

Крис лёг на спину и взглянул сквозь трубу в далёкое светлое отверстие.

— Теперь можно смотреть лишь в западный камин, — грустно произнесла Джобиска. — Кузен Латон думал, что сможет подняться вверх по восточному камину, но застрял. Мы слышали, как он регенерирует в течение одиннадцати дней. Это было пятьсот шесть лет назад, и он всё ещё там. — Она взяла Криса за руку. — Мне двести девяносто девять. И никто не хочет отвести меня домой.

Крис сел.

— А кого бы Вы хотели увидеть в качестве проводника?

Глаза Джобиски снова наполнились слезами.

— Аркхью, дорогой. Мы вместе играли в «Сепалчезм». Куда он ушел?

— Он просто ушёл, — мягко ответил Крис.

Она негромко застонала.

— Нет, дорогой. Он всегда говорил, что не может позволить себе уйти.

— Что?

— Он был должен слишком много. Он пытался расплатиться, но ставка была слишком велика.

Крис почувствовал, как что-то щёлкнуло в его уме. Это напомнило ему об объятиях Роз.

— Что здесь можно поставить? Кому он проиграл? Бьюсь об заклад, что Глоспину.

Она подавила слёзы.

— Аркхью сказал, что это было единственным, что он мог поставить. Остальное уже принадлежало Глоспину.

Крис хотел обнять крошечную старушку, но боялся, что она этого не выдержит. Поэтому он наклонился и нежно коснулся губами её руки.

Что-то прорезало воздух рядом с его ухом.

Нож приземлился на пол.

Резкая боль заставила его сфокусироваться. Крис был окружен людьми. Все кузены с портрета обращались к нему. Казалось, они думали, что он — Доктор.

— Вот он!

Кузены исчезли. Джобиска указывала на кого-то, пытавшегося спрятаться под диваном.

— Глоспин!

Крис бросился и вытащил его за воротник. Это оказался Оуис.

— Это не я! — взвизгнул он.

— Хорошая попытка, — ответил Крис. — Ты и Аркхью так убил?

— Зачем мне это? — вспотел от страха Оуис.

— Они вместе искали пропавших, — сказала Джобиска.

— Насколько успешно? — зарычал Крис. — У тебя были пари с Глоспином?

Оуис с трудом сглотнул.

— Иногда.

— Ничто так не возбуждает, как здешнее пари.

— Вполне.

— Да?

— Мы с Аркхью были друзьями. И нам никогда не попадалось завещание.

— Аркхью ненавидел Оуиса, — добавила Джобиска.

Он поднял руку, чтобы ударить старуху. Крис толкнул его на пол. Они начали бороться.

— Заткнись! — ответил ей Оуис. — Заткнись!

— У Аркхью была домашняя зверушка, — продолжила Джобиска. — Он упал через окно. Серебристо-серый и слепой, с блестящим носом и большими когтями. Аркхью держал его в коробке и кормил червями. Это был его лучший друг. А потом Оуис съел его.

— Нет! Запротестовал Оуис. — Это всё из-за Доктора. Он хочет убить нас всех!

В дверь вошла Инносет. С ней был Ринд.

Она осуждающе посмотрела на Криса.

— Зачем Доктор вернулся? Он должен был оставить нас похороненными с миром.

— Чтобы вы продолжали тратить жизни, играя в свои дурацкие игры? — ответил Крис.

— Себе-то он мог позволить одну или две, — равнодушно заметил Оуис.

В этот момент что-то упало из трубы и ударило в очаг.

Это оказалась рыба. Большая рыба с блестящими когтями. Она выползла на грязный коврик, а затем замерла. Кузены стояли молча, когда в камин упало ещё три рыбины.

— Это знак? — взволнованно спросил Оуис. — Или чудо? Инносет обхватила шею руками.

— Возможно, — медленно произнесла она. — Доктора всегда привлекали странности.

— Крис! — прошипел голос.

Крис обернулся и увидел Дороти с ещё одной женщиной, стоявших в дверном проёме.

Остальные молча смотрели на них. Рыбы, задыхаясь, ползали вокруг их ног.

— Дороти? Как вы сюда попали?

Новый грохот.

— Не спрашивай, — ответила она. — Где он?

С обеих сторон вышли драджи.

— Это мои гости, — уверенно начала Инносет. — По законам...

Драдж оттолкнул её в сторону. Она повернулась и выбежала из комнаты.

— Прячьтесь за меня, — сказал Крис, когда огромный слуга попытался загнать новых гостей в угол.

Слишком поздно. Женщина в бикини ударила ножом безголового драджа, но даже втроём против двоих у них не было ни малейшего шанса.

Первый драдж взял обеих женщин. Второй засунул Криса под мышку, и воспользовался свободной рукой, чтобы поднять рыбу и положить во внутренний ящик.

* * *

— Шаткое время, — сказал Глоспин. Он взял фигуру с доски для «Сепалчезм». — Один неверный шаг, и Дом может уничтожить нас всех. — Он поднял кубик. — Какого цвета?

— Патрикс. — Доктор ударил по фиолетовому диску. — Планируешь ли ты убить и меня тоже?

— Что?

— Так же, как ты убил Квинца. Как ещё можно остановить Дом, если не его смертью?

Глоспин выбрал для себя серебристо-серый диск цвета Дромиан.

— Все говорят, что ты убил его.

— Скучно, — ответил Доктор. — Что ты сам думаешь?

— Я был слишком болен, чтобы знать об этом.

— О, да. Ты был занят регенерацией, — Доктор посмотрел на Глоспина. — Выглядишь бледным.

— Да. Думаю, от недостатка солнечного света. — Глоспин улыбнулся. — Не волнуйся, Червоточина. Твоё происхождение и сомнительная родословная слишком важны, чтобы убивать тебя

— Возвращаться домой так радостно, — произнёс Доктор. — Однако я помню, на чём мы остановились в прошлый раз. Я — твой кузен, Глоспин.

— Среди прочего.

— То есть?

Глоспин взял кубик и медленно обернулся.

— Когда мы виделись в последний раз, в Капитолии, я знал, что ты несколько странен. В твоей генетической записи есть пробел. Но это неважно. Ты недолго пробудешь здесь.

— Надежда всегда есть, — сказал Доктор. — Бросай кубик.

Выпало одиннадцать.

— Я думал, что ты лазутчик или перебежчик. Не с Галлифрея.

— Это слова Агенства, — ответил Доктор. Он бросил кость, где выпало шесть. — Я знаю ещё одно хорошее слово. Кукушка. Что скажешь?

— Мы не сделали ставки, — ушёл от ответа Глоспин.

— Хорошо. Я играю за местонахождение завещания Квинца.

Они сжали пальцы.

— А я играю за твою ТАРДИС, — улыбаясь, ответил Глоспин.

* * *

Саттралоп пыталась наблюдать за игрой, но она не могла ни услышать Глоспина, ни прочесть мысли Доктора. Тогда он вышел, блокируя её видение. Он смотрел на неё из зеркала с этой штукой, застрявшей в груди.

Я мёртв, Саттралоп. Мёртв и истекаю кровью в ожидании отмщения.

Она не поверила привидению. Этого не было. Квинц погиб в результате убийственной атаки Доктора. Он использовал все силы, чтобы утешить и убедить Дом.

Старик искоса глядел из зеркала на неё. Независимо от того, на что она смотрела сквозь зеркало, он заливал это абсурдным количеством крови.

— Квинц, старый вампир! — закричала она. — Я желаю тебе действительно быть мёртвым!

Ей показалось, что она чувствует запах рыбы.

* * *

Фишка Глоспина продвинулась вперёд. Он выигрывал.

— Ты был единственным, о ком заботился Квинц, — сказал он.

Доктор по-прежнему оставался высокомерным.

— Ты мог присоединиться к нашим турнирам по «Сепалчезм». Нужно было только спросить. Мы часто играли на этой самой доске.

— Даже после того, как он выставил тебя, он по-прежнему о тебе заботился. Если бы он только знал, что играл с...

— Огонь, Глоспин. Прямо, как ты. — Доктор бросил кубик. — Опять шесть. Любой другой сказал бы, что это подстроено.

Глоспин потёр шрам на руке.

— Только, когда эта штука напала на меня, я понял, что ты на самом деле.

— Продолжай. Твоя фантазия не знает границ.

— Это была Рука, не так ли? Легендарная Рука Омеги, сила из прошлого. И надо же случиться такому, что она нашла тебя!

— Глоспин, — сказал Доктор, — у тебя было почти семьсот лет, но ты смог придумать только такую чушь?

— Я — первый, кто догадался? Так вот почему ты так боишься?

Доктор был тих и спокоен. Никакой истерики или отрицания. Словно подтверждая сказанное.

Доска загудела и открылась под фишками Доктора. Он посмотрел на маленькие диски, запрещая им падать. Пока они парили над отверстием, он сказал:

— Глоспин, поддержи.

— Что?

— Поддержи это открытым для меня.

Глоспин принял психические ниточки, держа пропасть открытой, пока Доктор склонился над доской. Он просунул руку вниз, в глубину доски и начал обшаривать.

— Не могу найти... Нет, подожди, здесь что-то есть..

Глоспин отпустил.

Доска захлопнулась, защебив руку Доктору. Он взвыл от боли.

— Ну и где теперь твоё тщеславие? — сказал Глоспин. — Пришло время расплаты!

Он ударил доктора по лицу. И снова.

В комнату вбежала Инносет. Он сразу же заметила ловушку.

Доска приоткрылась, и Доктор упал, сжимая руку. Его нос и губы были в крови. В руке он держал чёрное ядро данных с печатью.

— Думаю, что это — то, что мы так долго искали, — задыхаясь, прошептал он.

— Завещание Квинца? — недоверчиво спросила Инносет. — Оно здесь?

— Это уловка, — вмешался Глоспин. — Оно было у него всё это время.

Он бросился к ядру, но Инносет оттолкнула его.

— Мне всё равно, где оно было, — сказала она. — Теперь с его помощью мы можем противостоять Саттралоп.

— Противостоять ей — всё, чего вы хотите? Что случится, если она попытается разбудить Квинца? Или, у Червоточины есть легендарное решение?

Доктор откинулся назад, наблюдая за ссорой кузенов.

Снаружи раздался шум. Двое драджей несли Криса Кведжа и двоих новых гостей. Двух возмущённых женщин.

Доктор сел и спрятал ядро в карман.

— Что это у нас? — кисло сказал он. — Ассоциация посетителей тюрьмы?

ГЛАВА 25

ОСМОТР

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

Чудо? Какое чудо?

Новости в Лангбэрроу распространяются быстро.

Шёпот движется вдоль проходов, поднимая тучи пыли, скопившейся в Доме.

Рыба в дымоходе.

Момент становится событием, которое становится деянием, которое становится легендой.

Он вернул завещание.

Долгое ожидание, перешедшее в отчаяние, воплотилось и осталось позади, как гирлянды, развешенные драджами в День Другого.

Темнота вскоре кончится.

Они выгонят столы и стулья на место для ужина.

И Саттралон в итоге разбудит Квинца.

Шепот замирает.

В итоге? Несчастливый итог. Не малейшего шанса.

Дороти подумала, что она никогда не видела Доктора настолько замкнутым. Губа была порвана, а из носа текла кровь. И Крис Кведж, обычно милый и невинный, выглядел совершенно изнурённым.

Рука Доктора была сине-чёрной до плеча. Пока Лила протираала синяк какой-то травяной мазью, лежавшей в её сумке, он спокойно выслушивал остальных.

Он явно выглядел смущённым, когда Крис упомянул о рыбе.

— Чудо? Какое чудо? — пожаловался он. — Я не верю в чудеса. Это просто природное явление.

— Попробуй объяснить это им.

— Это совпадение. Падение рыб, лягушек или кувшинок может быть спровоцировано любым обычным торнадо. Они забыли про огромные воронки, когда галлифрейское море поднимается на несколько километров, затмевая солнце и луну?

— Они думают, что это ты.

— А что насчёт Аркхью?

— Ничего, — сказал Крис, держась за голову. — Но у меня ещё будет несколько вопросов.

Доктор хмыкнул. Пора, подумала Дороти.

Она рассказала ему о жизни в Париже, прошлое и будущее. Она не учла свою связь с Жоржем Сера. Он захотел бы быть представленным и затем волновался бы, что живописец собирался умереть через несколько лет.

Лила рассказала о своей жизни с Андредом в Капитолии, где она не может освоиться. Казалось, она ужасно обрадовалась появлению Доктора. Она никогда не видела его другим, кроме как тем, с которым она путешествовала. Высокая версия с вытаращенными глазами, которую Дороти

видела, то ли в голове или на фотографиях или ещё где-нибудь.

Они обе рассказали о событиях, что привели их в Лангбэрроу. Он нервно дёрнулся, узнав, что их отправила Романа. Он не выглядел заинтересованным проблемами в Капитолии или посылкой, что принесла Дороти.

— Это от Фреда, — сказала она.

Чёрный шар растворился в руках, как только он взял его. Внутри оказалось серое устройство.

— Экстрактор данных с приложением станка, — сказал он хмуро и положил его в карман.

— А для чего это? — спросила Дороти.

— Я не уверен, что Романа подозревала об этом. Теперь, в качестве президента, ей чаще приходится заботиться о себе. Такое чувство, будто император прислал мне свой меч.

Возникло неловкое молчание. Дороти хотела обнять его, но что-то удерживало её. Лила была занята порезом на ухе Криса.

— Хочу тебя о кое-чём спросить, — сказала Дороти. — Что ты знаешь о балете?

Доктор вдруг оживился.

— Я могу рассказать о фуэте от Фонтейн.

— У меня есть друг в Лондоне 2000-ного. Она знает о мотоцикле. И она — танцовщица, верно.

— А.

— И она продолжает традиции того балета, который всегда хотела видеть. Но он в 1913 году.

Он выдавил из себя улыбку.

— «Священная Весна» русского балета. Двадцать девятого мая. Грандиозный скандал. Тебе понравится. Зайди за сцену. Оттуда будет лучше видно возмущение зала.

— Ты тоже будешь там?

— Возможно. Я могу стоять с краю, рядом с Нижинским, отбивая такт для танцоров. Бедняжки не могли услышать музыку из-за шума в зале.

Они оба рассмеялись и обнялись с облегчением.

— О, доктор, ты — контролирующий себя псих.

— Я знаю, — сказал он ей на ухо. — Но если я не сделаю этого...

Она продолжала держаться за него.

— Что-то ещё? — спросил он.

Прошла минута, прежде чем она смогла сказать, но он терпеливо ждал.

— Я встретила другую Эйс. Зеркальное отражение.

— Да?

— Ну, — она искала подходящие слова. — Она была грязной сукой.

— Продолжай.

— И я боюсь, что я действительно такая. Я имею в виду, я знаю, что я жёсткая и эгоистичная.

— Ты можешь быть такой, — ответил он. — Это то, что с тобой сделало время. Но ты по-прежнему и Дороти тоже.

— Шизо, ты хочешь сказать. Убивающий далеков байкер в кринолине.

Она отодвинулась с вымученной улыбкой.

— Посмотри, что время сделало со мной.

— Посмотри, что ты сделал со временем.

Он поморщился.

— У меня были планы насчёт тебя.

— Расскажи мне.

— О, да. По моему замыслу, ты должна была поступить в Академию, здесь, на Галлифрее. Ты вскоре дала бы Повелителям Времени тему для раздумий. Внезапно она поняла.

— Так вот, что это было. Все эти поездки с копанием в моём прошлом. Ты — старый хитрый мудак.

— Но, конечно, это не сработало. События обогнали нас, и у тебя были собственные идеи.

— Извини, — сказала она. — Сейчас всё перевернулось с ног на голову. И всё из-за твоего прошлого.

Он сжал её руку. Затем взглянул на Лилу и Криса и улыбнулся.

— Я рад, что вы все здесь, — произнёс он и подошёл, чтобы присесть рядом.

— Он спит, — ответила она, кивая на Криса.

Доктор снял куртку и накинул на плечи Криса.

— Это пора закончить, — сказал он. — Я должен остановить его. Я должен найти ТАРДИС.

Дороти поймала обеспокоенный взгляд Лилы.

— Всё в порядке. Я, возможно, немного изменился, но это я, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.

— Не делай этого, — сказала она, как будто предупреждая ребенка. — Я знаю, что это ты.

— Хорошо.

— Романа предупредила меня.

Странно, подумала Дороти. У Лилы есть своего рода мудрая невинность. Частица первозданной Матери-Земли.

— Что думает Крис? — спросил он.

Лиля взглянула на него.

— Он сказал, что думал, что превращается в Доктора.

— Это глупо, не так ли?

— Да, — ответила она.

В дверь вошла Инносет.

— Но если ты можешь сделать это, — продолжила Лиля, — почему не может кто-то другой?

Доктор смущённо закашлялся.

Инносет была одета в старинное и длинное платье цвета ржавого заката.

— Я принесла вам это, — холодно сказала она и положила одежду на стол. — Пожалуйста, наденьте это перед ужином.

Дороти была поражена бледным и изможденным видом женщины. Исхудавшей от чрезмерного бремени волос на её спине.

— Инносет, это был не я, — позвал Доктор, но она уже ушла.

Где-то прозвучал гонг.

Доктор принес свой зонтик из угла. Он развернул его жестом фокусника, наподобие того, что Дороти видела в представлениях. Резким движением он повернул зонтик в сторону, и внутри оказался зеркальный круг. Он наклонил его под большое зеркало на стене.

— Перед ужином я хочу показать вам свой дом, — сказал он.

Он выравнивал и поворачивал зонтик, ловя отражения зеркала в зеркале в зеркале в зеркале, пока изображение не сменилось интерьером Дома, комната за комнатой внутри этой невозможной камеры-обскуры.

* * *

Гонг ударил второй раз.

Кузены собрались в пещере, украшенной гирляндами из зала. Инносет, Глоспин, Джобиска, Ринд, Оуис.

Никто не говорил. Никто не смел.

Они бродили между огромных столов, с тревогой глядя на фамильное серебро (рыбные ножи были заложены) и особенно на центральное место, не зная, где сесть.

Они знали, что Саттралоп должна сидеть во главе стола, но для них оставалось на выбор пять мест из сорока четырех возможных.

* * *

Дороти пыталась принять всё это, пока Лила, по просьбе Доктора, рассказывала, что она знала о происхождении галлифрейских семей: Великий раскол и проклятие Пифии, которое привело к бесплодию планеты; создание Рассилоном генетических Станков и жилых Домов для стабилизации исчезающего народа.

— Рассилон был большим интриганом, — добавил Доктор. — Большинство приписываемых ему инноваций были введены другими.

Дороти подумала, что в его голосе звучит обида.

Он рассказал им о своих разногласиях с семьёй по поводу дальнейшей политической карьеры.

Он скрытничает, подумала она. «Небольшие разногласия» не похоронили бы Дом заживо.

— Дом Лангбэрроу был построен на склоне горы Ланг на южном хребте в двух днях пути от крепости Рассилон, защищавшей от мародёрства шобоганов спустя три века после смерти Рассилон. Дом выходил к реке Кадонфлуд, которая протекает...

Это было чересчур много для того, чтобы отобразить в зеркале все ветхие достопримечательности Дома.

Всё северное крыло было затоплено, но Дороти смогла что-то разглядеть в кружащейся чёрной воде.

В зале кузены Доктора молча сидели вокруг обеденного стола во главе с чем-то, чего она не смогла рассмотреть.

— Это лесной зверь! — воскликнула Лиля, увидев следующее изображение.

— Это — Барсук, — ответил Доктор.

Огромное, похожее на медведя, видимо, работало над управлением кабины трансмата.

На мгновение изображение сменилось зловещим лицом.

— Саттралоп, — произнёс Доктор и быстро закрыл зонтик.

В дверь снова вошла Инносет.

— Вы должны спуститься, — сказала она.

Доктор отвернулся и нахмурился.

— Что такое День Другого? — спросила Дороти.

— Просто глупый языческий праздник, — пробормотал он. — Как июльский или августовский неприсутственный день в банках.

Инносет строго взглянула на них.

— Другой был одним из трёх правителей старого мира, наряду с Рассилоном и Омегой.

— О, да, — сказал Дороти. — Как Рука...

— Эйс!

— Но Другой восстал против Рассилона и был изгнан, — вмешалась Лила. — Он украл Руку Омеги.

Дороти усмехнулась.

— В самом деле?

— Зависит от того, чью версию вы прочли, — сказал Доктор.

Инносет посмотрела на него.

— В День Другого празднуется его изгнание. Теперь, пожалуйста, спуститесь к ужину.

Доктор указал на принесённую одежду.

— Единственная возможность возродить Саттралоп — это концентрация Дома на чём-либо.

Гонг прозвучал в третий раз.

Он посмотрел прямо в глубину зеркала.

— Нет. Думаю, я останусь здесь.

Библиотека начала дрожать.

Инносет отступила назад, когда на Доктора начали надвигаться два стула. Он отступил в проход между полками. Дверь распахнулась, впуская драджа. Он вытащил Лилу и Дороти из обезумевшей комнаты.

До них донеслась яростная волна.

Ядра данных вылетали из своих стеллажей, как снаряды. Доски вырывались из пола и бросались на Доктора. Когда он исчез среди качающихся полок, они увидели, как белые ветви, отрывались от потолка и тянулись вниз, как корявые пальцы.

Они слышали его крик, и затем все стеллажи нагнулись над ним.

— Доктор! — закричали Дороти и Лиля. Ответа не было. И, несмотря на всё это, Крис продолжал крепко спать.

ГЛАВА 26

ИГРЫ СЛУЧАЯ

— Он придёт, — сказала Инносет.

— Он может быть мёртв, — сказала Лила.

— Или ранен, — сказала Дороти. — Мы должны были остаться.

— Он придёт.

Кузены и компаньоны Доктора ждали в Зале в стеснённой тишине.

Высокие банкетные столы были размещены вокруг станка Дома со стеклянной шкатулкой, где спал Квинц, напоминающей декоративную вазу в центре. Сорок пять мест были установлены вокруг стола, но все сгруппировались в две противостоящих группы в одном конце. Ничьи ноги не касались пола.

Друзья против Семьи.

Каждый смотрел на тело на столе.

Что-то прогрехотало под полом, а затем огромный взрыв открыл каменные плиты. Взъерошенная фигура выпрыгнула из пропасти в Зал.

Доктор еле стоял на ногах и, покачиваясь, смотрел на собравшихся.

— Так, так. Самая разрушенная семья Галлифрея!

— Боже, он пьян, — подумала Дороти. Она спустилась вниз, чтобы дать ему место между собой и Лилой.

Он выглядел отнюдь не торжественно, а его одежда была взъерошенной и пыльной.

Позади отверстие в полу закрылось с хрустом и вздохом.

— Очаровательно, — сказал он, язвительно рассматривая стол. — Не стоит унывать. Это — вечеринка. Поздравляю вас всех с Днём Другого!

Жестом фокусника он вынул букет из рукава.

— Очень празднично, — сказала Дороти. — Что с тобой случилось?

— Ты же знаешь, на что походят библиотеки. Они не терпят отсрочек. — Он пытался держаться невозмутимо, но его голос слегка дрожал. И у него был подбитый глаз. — Саттралоп должна строже контролировать Дом. Я никогда прежде не был избит библиотекой. Не рекомендую пробовать.

Он взглянул на Криса, который спал на стуле позади Лилы.

— Мы не можем разбудить его, — сказала она. — Он спит слишком глубоко.

Дороти последовала за взглядом Доктора вверх, где в сети паутины висела знакомая форма.

— Иисус, как она оказалась там?

— А как мы оказались здесь? — огрызнулся он.

— Ты всегда так обращаешься со своими друзьями? — раздался голос Инносет с другого конца стола.

— Так же, как и с семьёй, — сказал Ринд.

— Скажи слово, Доктор, и я заставлю этих твоих несчастных кузенов уважать тебя, — прошептала Лила.

Он встряхнул головой.

— Не волнуйся. Они так не наслаждались в течение многих столетий.

Он повернулся к компании.

— Теперь позвольте мне угадать, что находится в сегодняшнем меню.

— Рыба, — сказал кузен Ринд.

— И мои покупки из магазина, — добавила Дороти. Она кивнула на поднос с дольками высохшего на солнце помидора.

— И пустоголовки, — сказал Оуис, нетерпеливо наклоняясь вперёд к предлагаемому блюду.

Доктор подозрительно нахмурился.

— Это мой пуловер?

Ряд шерстяных вопросительных знаков выглядывал из-под туники Оуиса.

— Проиграйте и плачьте, найдите и держите! — пропел тот, возвращаясь к блюду.

— Доктор, это правда? — прервала Инносет.

Он проигнорировал блюдо Оуиса.

— Правда что?

— Что ты не позволишь мне стать следующей Домоправительницей, чтобы мы выжили.

— Он — преемник Квинца, — обрезал Ринд. — Будь возможность, он бы всех нас выгнал из Дома.

— А как насчёт меня? — спросил Оуис. — Он говорит, что я вообще не имею права на существование.

— Когда мы пойдём домой? — сказала Джобиска.

Пока они препирались, Доктор медленно снял шляпу и трепал за край.

— Давайте посмотрим, что скажет Квинц.

Внезапно всё смолкло.

Доктор посмотрел на Глоспина, сидящего поодаль от других.

— Я не сказал ни слова, — пробормотал кузен.

Быстро, как вспышка, прежде, чем стул смог возразить, Доктор поднялся на банкетный стол и начал прокладывать путь между свечами и хрусталем. Цепочка следов на скатерти показывала его дорожку к стеклянному гробу.

Кузены зашумели. Раздались крики 'Нет!' и 'Не трогай его!'

— Почему?— спросил он. — Чего вы боитесь? — Он склонил голову и положил букет поддельных цветов на крышку гроба.

— Покойся быстрее, — сказал он спокойно.

— Как ты смеешь! — раздался в Зале голос Саттралоп.

— Всё будет разделено поровну, — заметил Доктор, наблюдая бегство лодок с приправой.

Трость Саттралоп грохотала по каменным плитам, пока та с трудом пробиралась к столу. Драджи шли позади.

— Спускайтесь, сэр! Всеми огнями в кухне, вниз!

Доктор слегка улыбнулся. У Дороти появилось неприятное чувство, что он собирается сыграть на ложках. Она взглянула на Лилу, крутившую нож.

Кузены с открытым от удивления ртом наблюдали, как он шагает по столу, чтобы встретить Домоправительницу.

Подойдя, он встал на колени среди столового прибора и наклонил голову.

— Кузина Саттралоп, спасибо за Ваше гостеприимство. Это честь для меня.

— Честь? — Саттралоп с трудом контролировала гнев. Она подняла глаза к галереям и продолжила: — Когда-то здесь были действительно благородные люди.

Как властный суверен, она протянула руку.

Доктор пожал плечами.

— Жизни зависели от подписанного контракта здесь, поцелованного кольца там. Семейные традиции для меня теперь мало что значат.

Он вытянулся вперед, чтобы поцеловать её деревянное кольцо, но старуха схватила его за ухо и потянула со стола.

Он завизжал и упал на пол, но ее костистые пальцы продолжали держать.

Лила и Дороти вскочили, чтобы помочь ему, но драдж блокировал им путь.

— Что ты сделал с завещанием Квинца? — спросила Саттралоп, дергая за ухо. Его лицо выражало сильную муку. — Что ты сделал с остальными кузенами? Жалкое подобие Червоточины! Верни украденное! — Она всё сильнее крутила его ухо. — Я не приношу извинения за угрозы Дома. Он очень сердит!

Она оттолкнула его.

— Конечно, он сердится, — сказал Доктор с пола. — Чего Вы ждали, если похоронили его вместе с Семейей?

— Я похоронила? Я? — Саттралоп повернулась, чтобы посмотреть на остатки кузенов. — Дом Лангбэрроу так стыдился того, что ты сделал, что похоронил себя сам и взял нас с собой!

Доктор застонал. Он встал на ноги и взглянул на ТАРДИС, хлопнув себя по карманам.

— Завещание, — пробормотал он. — У меня есть завещание.

Инносет подошла к нему.

— Не теперь, — прошептала она. — Вы убьете нас всех, если не будете осторожны.

Она взяла его за руку и мягко повела назад к месту между Дороти и Лилой.

Саттралоп поднялась наверх на собственное место во главе стола.

— В День Другого, время обновления, мы заверяем нашу преданность Дому.

— И мои именины, — пробормотал Доктор, разминая ухо. Он просигнализировал компаньонам встать. Крис спал, в то время как Саттралоп напевала заклинание.

— Главная Книга. Глава Прайдон. Стих шесть семь три.

— Лангбэрроу, — ответили кузены.

— Мы будем всегда возвращаться к станку, из которого сотканы.

— Древний Дом.

— Защищая поколения твоих друзей, начиная с рождения Нового Времени.

— Дом.

— Мы — твои планы, проекты и архитектура. Мы те, кто радуется имени...

— Лангбэрроу, — пропели они хором. — Лангбэрроу! Лангбэрроу!

Их крики пронеслись эхом через Зал, поднятым и повторенным стенами и галереями, лесом и камнем.

Кузены и гости с опаской переглянулись. Ушедшее в темноту эхо становилось более грозным, как будто сам дом обрел дар речи.

ЛАНГБЭРРОУ! ЛАНГБЭРРОУ! ЛАНГБЭРРОУ!

Сквозь продолжающийся шум зазвучал голос Саттралоп.

— Ни один из Вас не должен когда-либо покинуть Дом снова! Семья наконец-то вместе!

Глоспин внимательно посмотрел на сидящего напротив Доктора.

Доктор пристально глядел на ТАРДИС, качающуюся в сети.

Когда шум затих, ударили барабаны и гонги невидимых музыкантов. Сорок пять стульев, в большинстве пустующих, перетасовались, чтобы седоки увидели представление в открытом Зале.

Гигантские марионетки, больше, чем драджи, вышли из теней. Огромные разноцветные головы, укутанные плащами. Они двигались вполне самостоятельно

— Весьма грустно, — пожаловался Доктор и резко упал вглубь стула. — Я думал, что мы сэкономим на этом.

— Начните мистерию, — сказала Саттралоп и ударила тростью.

— Этот ритуал, — сказала Ли́ла взволнованно, — действительно ли это — Мистерия Нового Времени?

Доктор мрачно поклонился.

— Тогда я читала об этом, — продолжила она. — Но она же теперь не исполняется. Она считается утерянной.

— Точно так же как *Le Sacre du Printemps*? — добавила Дороти

— Некоторым вещам лучше оставаться утраченными. — Доктор нахмурился, глядя из-за серебра на Глоспина. — Это твоя идея?

— В твою честь, — улыбнулся кузен. — Это традиция. Очень подходит для этого случая, как думаешь?

Доктор глубже зарылся в стул. Он с завистью глядел на Криса. Голова молодого человека откинулась назад, и он мягко похрапывал.

Гонги начали вращаться, повторяя мелодию, дикая флейта вопила как ветер. Появилась марионетка в синем плаще и с длинными серебряными волосами, полными драгоценностей. Один глаз был красен. Марионетка двигалась по Залу по спирали, вздымая плащ, как будто зовя за собой.

— Это — всевидящая Пифия, — сказала Ли́ла. — А это — Рассилон. Теперь они будут бороться за будущее Галлифрея.

Появилась вторая, меньших размеров, марионетка. У неё были красные волосы и корона, и она махала серебряным жезлом или скипетром. Она стилизованно боролась с марионеткой Пифией; две фигуры, обменивающиеся ударами, больше походили на танцоров. В конечном итоге Пифия качнула головой, и флейта завопила в агонии.

Барабаны покатались, гремя, и каменный пол Зала взломался. Марионетка исчезла в ледяной расщелине с криком и всплеском пламени.

— Сепалчезм! — закричали кузены, когда марионетка Рассилон подняла в триумфе оружие.

— Неточно, — пожаловался Доктор. — Рассилон не должен носить этот пояс.

— Стоп! Лучше напиши жалобу, — сказала Дороти.

Лила поспешила их успокоить. Зрелище явно поразило ее.

— Это было проклятие. Теперь Галлифрей обречен и там больше нет детей.

Ложный снег начал падать с галереи. Сквозь белый вихрь они наблюдали за медленной процессией марионеток, несущих маленькие свёртки. Каждая фигура поворачивалась, мягко кладя свою связку в трещину, куда упала Пифия. Дороти подумала о собственной матери, пеленающей её по вечерам. Она увидела, как Доктор понимающе взглянул на Лилу.

— Это — только игра, — прошептал он. — Ничего личного.

Лила выдерживала его взгляд в течение долгого времени. Она выглядела глубоко расстроенной.

— Я так сочувствую всем вам, — сказала она.

Он кивнул и мягко пожал её руку, но Дороти не смогла бы сказать, кто был расстроен сильнее. Она также заметила, что взгляд Глоспина никогда не отрывался от Доктора.

Марионетки двигались по кругу в том, что Инносет назвала мистическим Танцем Интуитивного Открытия.

Сначала они жаловались идентичными движениями, кулаками грозя в небеса, соединяя головы в едином порыве.

Затем каждая медленно нарушала круг, находя собственный танец.

Две фигуры присоединились к Рассилону. Первая манипулировала пылающими шарами единственной рукой. (о, очень символично, — сказала Дороти.)

Вторая только что появилась на заднем плане. Она была безлика и обернута в черный капюшон.

— Это — Другой, — объявил Глоспин.

Доктор играл со столовым прибором.

Сопровождаемая воплем флейты, первая марионетка, Омега, взорвалась в огне. Когда дым исчез, осталась невредимой только рука, прикрепленная с его пеплом к палке. Рассилон переместился, чтобы взять руку, но марионетка Другой подхватила трофей. Эти две марионетки начали поединок, рука против жезла, и Другой был, наконец, побежден и разрушен.

Что-то торжествующее прозвучало в бурном шуме барабанов и гонгов.

Крис внезапно выпрыгнул со стула.

— Нет! — закричал он марионетке. — Это неправильно! Всё было иначе!

— Тишина! — сказала Саттралоп, и Дом сердито загрохотал.

Доктор схватил Криса, пробуя успокоить его.

— Это не его мысли, — произнёс Глоспин, указывая на Криса. — Они — мысли Червотчины. Он — змея, что разрушила нашу Семью!

Мрачная марионетка Другого поднялась над полом. Она издала вопль и помчалась к Доктору, заглотив его полностью в черный капюшон.

ГЛАВА 27

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ЗА СТОЛОМ

Последние лучи солнечного света пересекли сад и ворвались в ветхий зал в Южном крыле.

Капитан Редред был рад избежать надоедливой атмосферы Дома. Он проверял документы, которые принёс в трансматовую кабину. Он отделил официальные документы о регистрации погребения от заметок, требующих специального визита к Агентству.

Годовщины смерти всегда выявляли худшее, и итоговый указ мог только добавить мрака. И всё же слухи, распространяющиеся по зданию Капитолия, слухи о незаконном рождении в Лангбэрроу казались неслышанными в нынешнем месте позора. Большинство членов семьи, с которыми он столкнулся, выглядело почти ненадлежащим образом весёлыми. Только кузен Глоспин, действующий вместо Домоправительницы, был обеспокоен официальным рассмотрением дела и оказал этому случаю должное внимание. Но даже Глоспин замышлял что-то своё, и Редред чувствовал себя посыльным. По крайней мере, его взятка не была оскорблением.

Годовщина смерти была частным случаем, когда Дом оставляли с собственным горем. Хуже, когда он должен был

вернуться и собрать погребальную урну, содержащую мнение покойного.

Он послал сигнал, который отправит его в клан Прайдон.

Что-то треснуло. Вспышка и ливень искр. Свет погас, и кабина заполнилась дымом.

Редред повернул дверь назад и вышел.

Его лицо опутала паутина. Он задыхался. Горло пересохло. Воздух снаружи был затхлым. И зал внезапно полностью обветшал. Его окна были забиты.

Инстинктивно Редред связался с кланом через устройство на запястье. Он неправильно телепортировался. Он снял шлем и мучительно закашлял. Связь передавала шипящие помехи.

Он почувствовал движение сзади. Кто-то схватил его за плечо и развернул.

Редред завопил, поскольку увидел перед собой морду дикого животного с жёлтыми клыками, похожими на ножи.

* * *

Чёрный капюшон марионетки Другого рухнул и развалился, открывая фигуру Доктора, застывшую среди обломков.

Глоспин медленно захлопал.

— Хорошая игра, Червоточина. Блестящее представление.

— Ради наших гостей — хватит! — Саттралоп ударила тростью. — Продолжайте обслуживание, — сказала она громадным драдхам.

Доктор вернулся к своему месту за столом.

Крис глубже зарылся в стул.

— Я хочу сказать им, Доктор. Я хочу, чтобы они знали, что я видел.

Доктор покачал головой.

— Попробуй сначала чего-нибудь поесть. Я скажу тебе, когда придёт время.

Безголовый драдж положил на стол огромную тарелку, и кузены удивились. На ней лежали четыре рыбы, которые упали в дымоход. Они были приготовлены целиком с неизбежными грибами в качестве гарнира.

Второй драдж поставил перед Саттралоп небольшую чашу. В ней находилось что-то фиолетовое и слизистое. Старуха подхватила содержимое и проглотила его.

— Языки рыб, — сказал Доктор в ответ на шутливую гримасу Дороти. — Традиционное блюдо.

Драджи разделили рыбу на куски и положили хлеб вокруг помидоров. Кузены и Ли́ла с радостью набросились на еду. Дороти и Крис поспешили присоединиться.

Когда бокалы были заполнены вином цвета изумруда, Ринд сказал:

— Помнишь того причудливого отшельника? Который жил в пещере?

— Да, — сказал Доктор.

— Я уволила его, — перебила Саттралоп. — Он был слишком дорог и оказывал плохое влияние. — Она уважительно посмотрела на Дороти. — Доктор, как он желает быть известен, оказал нам честь, подарив эту рыбу.

— Это ерунда, — сказал Доктор.

— Семья дала ему самое прекрасное образование, которое могла позволить. Всегда надеялась, что он достигнет ранга Кардинала. — Ее голос стал твёрже. — Стыдно, что он хотел только быть тем, чем он является — Доктором чего-то там, что я не могу даже вспомнить! И ничего, чем он смог бы зарабатывать на жизнь!

— Вы пробовали эти черепа? — спросил Оуис, снова пододвигая тарелку с грибами.

Дороти не понравился их запах, но Лила попробовала один.

Доктор отодвинул её руку подальше от тарелки и встал.

— Жизнь? Что вы знаете о жизни? Большинство из вас даже носа из дома не высовывало.

Кузены прекратили есть и уставились на него.

— Я обедал за столами иностранных императоров и томился в их темницах. Я видел целые галактики, рожденные в огнях Авроры Темпоралис. Я спасал жизни, но также и забирал. Кто из вас слышал о Морозной Ярмарке Жидкого Льда на Зимней Звезде? Или мечтал о фонарях, горящих на каналах Венеции?

Ошеломленная тишина нарушилась, поскольку Саттралоп отпустила драджей.

— Он был далеко? — спросил Оуис. — Он вернулся с подарками?

— Всегда их не переваривал, — сказал Ринд со взглядом отвращения.

Инносет молча смотрела на свой ужин.

— Домой, — сказала Джобиска. — Я хочу вернуться домой.

Ли́ла взяла себе ещё хлеба.

— Это правда? — спросила Саттралоп. — В то время как твоя собственная семья была похоронена здесь и страдала, ты сбежал подальше от Галлифрея, общаясь и кутя с чужаками?

— Конечно, он был там, — сказал Крис. — Как вы думаете, кто мы?

На лицах кузенов появилось отвращение.

— Бесстыдник, — сказала старуха.

— Вы выгнали меня, — сказал Доктор. — Куда мне было идти?

— Чудовище.

— По крайней мере, я могу выбирать себе друзей.

Дороти сжала его руку. Затем она встала на стуле.

— С именинами тебя, — пропела она вслух и повернулась к другим спутникам.

— С именинами тебя, — поддержал Крис. Ли́ла с набитым ртом отбивала ритм.

— С именинами, дорогой... (они переглянулись)... Доктор. С именинами тебя!

Они громко захлопали.

— Спасибо, — ответил Доктор. — Единственное, в чём я теперь нуждаюсь — вернуть назад ТАРДИС. Инносет, ты поможешь мне?

— Я не доверяю тебе, — сказала она. — Больше нет.

Саттралоп торжествующе улыбнулась.

— Нет, Доктор. Ты больше не будешь путешествовать.

— Вы мне не указ. Я был лишен наследства, помните? Разбудите Квинца, и он подтвердит это.

Кузены тревожно переглянулись.

— Невозможно, — объявила Домоправительница. — Он не может быть разбужен, пока завещание не возвращено.

Доктор поднялся. Он положил чёрное ядро данных на стол перед нею.

— Вот оно, Саттралоп. Это — завещание Квинца, всё ещё запечатанное. Я нашел его там, где он оставил. Теперь его ход!

— Нет! — закричали кузены.

Она подняла ядро данных и перебирала в своих костистых пальцах.

— Чего они боятся? — услышала она шёпот Доктора. — Теперь Вы можете восстановить честь и уважение Вашего любимого Дома.

Глоспин попробовал оттолкнуть Доктора.

— Не слушайте его! Он лжёт, как всегда!

— Боишься, что я выиграю, Глоспин?

— Ты ничего не выиграешь!

— Правда? — усмехнулся Доктор. — Призрак Квинца сказал иное.

— Ложь! — Саттралоп сжала ядро данных. — Квинц не мёртв!

— Увы, да, — сказал Доктор. — Я убил его. Я вернулся. Спросите Кристофера Кведжа. Он в курсе.

Крис вскочил, но Джобиска внезапно крикнула.

Посреди Зала стояла огромная медведеподобная форма со вьющимися рожками.

— Барсук! — воскликнул Доктор.

Позади аватроида стоял чиновник в алой униформе. Он остановился перед столом, не здороваясь.

— Капитан Редред из охраны клана Прайдон. Я хотел вернуться в Капитолий, но трансмат сломался.

Лила потянула Доктора в сторону.

— Это — он, — пробормотала она с вновь набитым ртом.
— Он был пойман в ловушку в трансматовой кабине. Он — недостающий кузен Андреда.

— Он говорил с Глоспином, — сказал Крис. — На годовщине смерти.

— Какой? — спросила Дороти. — Ты имеешь в виду, что всё это время он находился в ловушке?

— Верно, — сказал Барсук.

— Хм, — сказал Доктор.

— Я освободил его, — добавил Барсук.

— Ого, — сказал Доктор.

— Мы видели Вас в зеркалах, — сказала Лила роботу. — Я — Лила, а это — Дороти.

— Я — Барсук, — сказал Барсук.

Крис покачал головой.

— Но если он по-прежнему считает, что он — шестьсот семьдесят три года назад...

— Ой, — воскликнула Дороти. — Кто-то должен сказать ему.

— Простите, — сказал Доктор. — Простите, что прерываю, но это был ещё один твой сон?

— Я не могу помнить всё, — сказал Крис. — Они говорили о доставке. И деньги перешли к другому владельцу.

Доктор поднял бровь.

— Делая своё дело, не так ли?

— Тишина! — закричал Саттралоп.

Глоспин отошёл от стола, ележно улыбаясь.

— Капитан, предлагаю Вам подождать в одном из вестибюлей. — Он начал выводить Редреда. — Семейное дело, понимаете. Годовщины смерти и всё такое.

Саттралоп ударила тростью по столу.

— В чём дело?

Редред повернулся.

— Я обращаюсь к Домоправительнице?

— Да, капитан.

— Простите меня, госпожа, я понял, что Вам нездоровится. И я должен вернуться в Капитолий.

Она с любопытством следила за ним.

— Система охраны в трансматовой кабине, — сказала она Глоспину. — Доктор? Ты его выпустил?

— Я освободил его, — сказал Барсук.

— Он доставил матрикулярное устройство для передачи завещания Квинца, — пояснил Глоспин.

— И итоговый указ, — раздражённо добавил Редред.

— Указ? — спросил Доктор.

— Указ Совета Главных Кардиналов относительно Дома Лангбэрроу, сэр. Пожилой кузен, назвавшийся Глоспином, взял посылку.

— Но это — Глоспин, — сказал Доктор, указывая на кузена.

Стало тихо.

— Это определённо был старик, — сказал Редред.

Глоспин посмотрел на Саттралоп.

— Самозванец! Как это могло случиться в нашем Доме?

Доктор изобразил аплодисменты за спиной Редреда.

Саттралоп улыбнулась.

— Все будет объяснено, капитан. У Вас есть копия этого указа?

— Да, госпожа. Копия прикреплена к моему связующему устройству на запястье.

— Пожалуйста, включите нам.

Редред активировал устройство на запястье и направил в центр Зала. Там появился пожилой человек в красной и оранжевой регалиях Кардинала.

— Кардинал Ленади, — прошептал Доктор. — Руководитель клана Прайдон.

— Дом Ланбэрроу, — Кардинал стал зачитывать пергамент, — преднамеренно нарушил Первую Статью Поколения, то есть сознательно создал новую жизнь сверх установленной законом доли станка — сорок пять, отказавшись от консультации с Центральным Справочником Населения, и был признан виновным.

Оуис, вытаскивавший грибы из тарелки, начал скользить под стол.

Кардинал нахмурился.

— Если в течение пяти дней не последует апелляции, вышеупомянутый Дом Лангбэрроу и все его обитатели будут, согласно древним законам, подписанным триумvirатом Нового Времени, отобщены от Матрицы и клана Прайдон. Его имя будет стёрто.

Он свернул пергамент и воткнул в глаз старинного черепа, который внезапно появился перед ним.

— Осталось пять дней, — сказал череп с усмешкой.

Передача закончилась.

ГЛАВА 28

ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ

Дом Лангбэрроу дрожал. Его древесина тряслась, от чешуйчатых крыш до волокнистых концов корней. Затопленное северное крыло. Мысли мерцали как тени в его глубинах. Голоса шептали и мучительно кричали.

Голоса шептали Джобиске.

Она беспокоилась.

— Почему они не слышат? Никто не слышит.

Пора домой, настаивали они.

— Пора, — сказала она.

Да.

Она вздохнула и улыбнулась.

— Пора вернуться домой.

* * *

Всегда голоса, думал Крис. Всюду, куда бы я ни шёл, чей-то голос звучит в моей голове. Возможно, я скучаю по путешествиям. Возможно, пришло время лежать по ночам с трэшвизором или со своими мыслями, а не с секунд-хэндом других людей. Давайте вернёмся домой и посмотрим на народ. Давайте споём хором «Старую Джоанну». (У нас нет старой Джоанны. Что такое старая Джоанна?) Неважно, здесь крутится одна и та же песня. И теперь все вместе:

Восьмой человек связан

Не пророни ни звука

* * *

— Брошенный, — Саттралоп сидела на своём месте во главе стола, щёлкая ключами на кольце. — Бедный, бедный Дом.

— Дом похоронил нас, — сказал Глоспин. — У нас было пять дней. Первым делом в качестве Киттриарха я вернул бы всё на своё место. Но Дом должен был вмешаться.

— Нет, это не так. Мы брошены.

— Где остальные члены семьи? — спросил Редред. — И где самозванец, который взял указ?

— Все мертвы, — сказала Саттралуп, безучастно глядя вперёд.

— Мертвы? Как они могут быть мертвы?

— Нет, не мертвы, — поправила Инносет. — Просто ушли.

— Умерли со стыда, — сказала Саттралоп.

Доктор подкрался к ней.

— Если бы они были мертвы, Дом заменил бы их.

— Ты мёртв, — сказала она, поворачивая ключи.

— Теперь Вы видите меня, теперь нет, — согласился он.

— Принятие желаемого за действительное, — сказал Глоспин.

Саттралоп резко махнула.

— Скоро Квинц и я будем единственными живыми.

— Я хочу уйти из этого безумного дома! — закричал Редред. Его попытались утихомирить.

Раздался тошнотворный звук. Оуиса рвало.

— Идиот, — сказал Глоспин. — Только ты мог съесть свою собственную отравленную пищу!

— Все скоро умрут, — пробормотала Домоправительница.
— Кто будет присматривать за Домом?

Доктор хлопнул кулаком по столу и прошёл в центр Зала.

— Хорошо! Что Вы хотите, чтобы я сделал? Принёс извинения Дому? Тогда прошу прощения! Я сожалею! Очевидно, я должен был найти более подходящую семью. Скажите Дому, что месть не лучший вариант. Проглоти меня или ударь по голове, но это ничего не изменит! Я — всё ещё я! И я по-прежнему его ребенок

ТАРДИС выпала из паутины как камень.

Доктор едва успел отбежать, когда полицейская будка с треском ударилась об каменные плиты.

Эхо вспугнуло летучих мышей.

Доктор улыбнулся.

— Я сделал это, — сказал он с тихим триумфом.

* * *

— Чья это ТАРДИС? — потребовал Редред.

— Доктора, — сказала Инносет.

— Вернись, — закричала Саттралоп. — Никому не разрешали покидать стол.

И Ринд и Глоспин уже рассматривали опрокинутый корабль. Он выглядел целым после падения, но мигалка пробила кратер.

Доктор и Крис наблюдали за ними.

Инносет слышала шёпот молодого человека.

— Они не могут войти, не так ли?

— Она упала дверями вниз, — сказал Доктор. — Если ты не забыл запереть.

— Хм, — ответил Крис.

Она провела рукой по старой синей поверхности корабля. Он слегка вибрировал, показывая огромный потенциал двигателей ТТ, запертых внутри. Пыль и песок собрались в складках и щелях. Странная окраска.

Царапины, и ожоги, и нечто, похожее на следы когтей.

Как он посмел! Её кузен, который нагло бросил вызов Дому и выбрал свой путь. Всегда ли он имел это право? Всегда ли оставался в тени? Кем был тот, кто дружил с пришельцами и силами Времени Хаоса? Действительно ли Глоспин прав? Где он находился в то время, когда его собственная семья была осуждена на тьму? Или он сам был тьмой?

Хор в её голове распался. Это стало толпой криков. Она стремилась защитить их всех, но ее силы были на исходе. Почему они так стремительно таяли?

Вес волос на спине угрожал сокрушить её.

* * *

Ринд приложил ухо к стенке ТАРДИС.

— Звуки стабилизируются, — сказал он.

Инносет попрекнула его.

— Это не твоя собственность, Ринд.

— Ну, так что, — сказал Глоспин. — Как мы проникнем внутрь?

Лила вышла вперёд.

— Отойди от корабля Доктора, хитрец.

Глоспин улыбнулся и вытащил нож.

Ринд последовал его примеру.

— У Вас нет никакой чести, у Вас и вашего племени мусорщиков, — предупредила она и достала собственный нож.

Дороти стала искать Криса, но тот неопределённо бродил поперёк Зала с полным замешательством во взгляде.

Глоспин ударил лезвием в Лилу. Она поймала его запястье и вывернула. Он схватил ее за горло другой рукой.

Как только Ринд вынул нож, Дороти быстро подбежала к нему с другой стороны ТАРДИС и ударила.

Нож отлетел, и она подхватила его.

— Остановитесь! — закричала Инносет. — Прекратите ссориться!

Лила пнула Глоспина и вырвалась. Через мгновение она прижала нож к его горлу.

— У меня есть шипы, способные убить одной царапиной, — сказала она.

— Чужачка-хищница, — прошипел он.

— Держись от него подальше!

Лила повернулась и увидела Редреда с поднятым оружием.

— Спасибо, кузен, — сказала она и отошла от Глоспина.

— Кузен? — удивился капитан.

— Драдждж!

Раздался треск.

— Драдждж! — Сатттралоп в ярости размахивала тростью.

Доктор присел на стол, исследуя панель с краю стеклянной шкатулки.

Барсук выпустил когти и двигался на неё.

— Нет, Барсук! — закричал Доктор, уворачиваясь от тарелки, брошенной ею. — Я в безопасности!

Машина остановилась. Кузены подошли ближе.

Доктор стоял перед ними, указывая на шкатулку.

— Это стазисное устройство — уловка, — сказал он спокойно. — Вы боялись, что Дом узнает о Квинце, и таким образом прожили во лжи шестьсот семьдесят три года.

— Не слушайте, — сказал Глоспин. — Он играет с нами!

— Квинц был убит, но не мной, независимо от того, что говорят. Тем более ваша Спящая красавица.

— Нет! — закричала Саттралоп. — Квинц жив!

Доктор дернул крупное ядро на панели. Мирное изображение старика под стеклом исчезло.

Теперь там лежал коричневый скелет, начисто съеденный паразитами. Только несколько клочков материи по-прежнему цеплялись за кости.

— Не позволяйте видеть! — Саттралоп схватилась за одно из сердец. — Не позволяйте Дому видеть!

Что-то пискнуло. Землеройка пробежала по тому, что было лицом.

— Не позволяйте видеть!

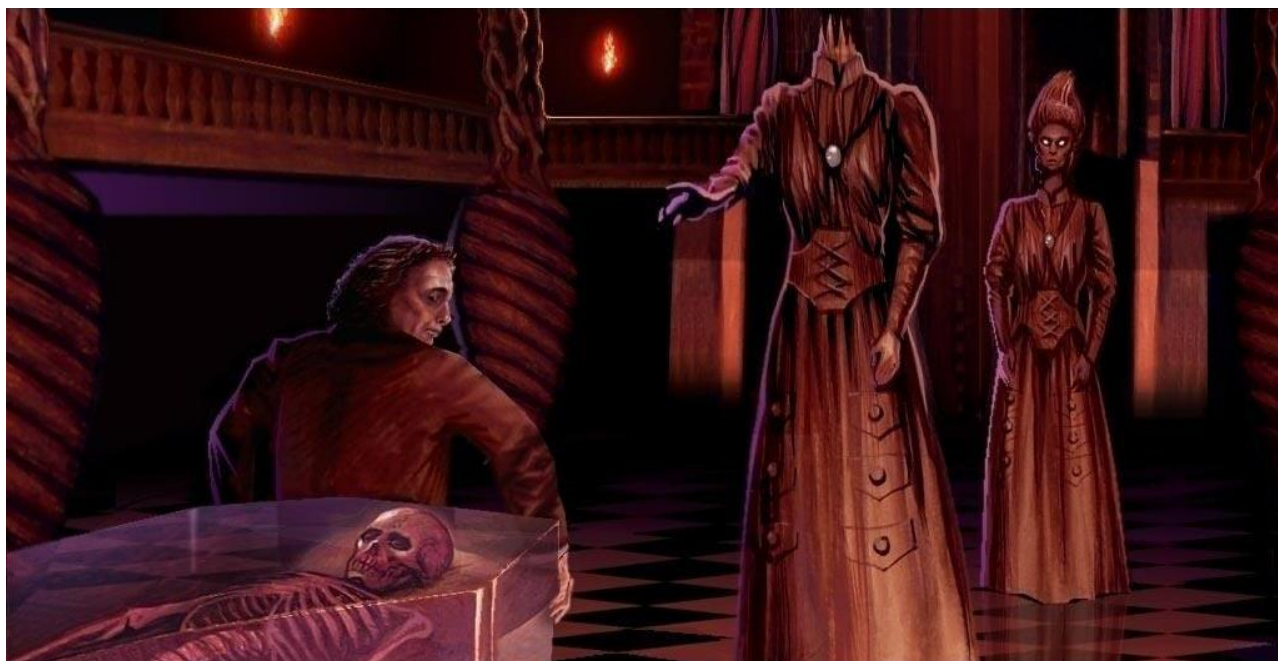
Драджи вернулись в Зал. Они медленно приближались к столам, внимательно смотря на каждого кузена и спутника.

Доктор, спокойно улыбаясь, отошёл от гроба и столов. Квинц снова мирно лежал на своём месте.

— Всё в порядке, — сказала Саттралоп. Она сжимала завещание, опасаясь любого движения.

По сигналу драджей столы переместились подальше от возвышения. Два опекуна Дома, один с головой, другой без, остановились с обеих сторон станка, на котором стоял гроб.

Каждый стоял и ждал.

— В смысле, шестьсот семьдесят три года? — потребовал Редред.

Саттралоп проигнорировала его.

— Почему они не отвечают? — сказала она, поворачивая ключи. — Что он видел?

Редред схватил Ринда.

— Как долго я находился в трансматовой кабине?

— Уйдите, — пробормотал кузен. — Вы не знаете, чего избежали.

— Драдж, — Саттралоп встала. — Я иду в мою комнату.

Слуги не отвечали.

— Я требую вашей помощи!

Её игнорировали. Дрожа, она наклонилась на трость. Крошечная разгневанная фигура одиноко похромала из Зала.

* * *

Редред допрашивал Инносет. В его глазах светилась ярость.

— Как мне выбраться из этого места?

Она была спокойна.

— У вас есть посылка, которую Вам дали, чтобы отправить в Капитолий.

— Как долго я находился в трансматовой кабине?

— Не могу сказать. Я считаю, что Вы должны отдать посылку мне.

— Это какой-то сложный маскарад Дня Другого. Поздно ссылаться на него теперь.

Она отвернулась от него. Доктор подхватил её под руку.

— Инносет, спасибо за саботаж трансматовой кабины.

— Я не делала ничего подобного.

— Нет, сделала. Крис видел, как ты украла оригинал документа Глоспина. Ты преднамеренно предотвратила доставку некоторых, скорее заслуживающих осуждения, материалов.

— Чёрт возьми, для кого? Я даже не видела капитана.

— Дорогая Инносет, — сказал он кротко. — Ты всегда не учишь других людей.

Она рассмеялась.

— Я уничтожила документ. Я думала, что Глоспин сошёл с ума.

— Или шёл к безумию. Нелегко так жить, знаешь.

Она снова заглянула в его глаза. Глубоко в синем цвете были пятна зеленого и коричневого, переходящие в чёрный

зрачок. Она не могла ничего там увидеть. Она чувствовала запрет.

— Кто ты? — подумала она.

— Я не знаю. Это пугает меня. — Он прикусил губу. — Главная проблема — как вытащить вас всех отсюда прежде, чем Дом узнает.

Инносет осмотрела Зал. Лила, жующая хлеб, сидела с Дороти на боку ТАРДИС.

Глоспин и Ринд заговорщически шептались в дальнем конце Зала. Неподалёку Редред изучал связующее устройство на запястье, а Оуис сгорбился на стуле, выглядя весьма плохо. Драджи застыли рядом с гробом Квинца.

— Где Крис? — спросила она.

Он осмотрел Зал.

— И где Джобиска?

Нет, подумала она. Не ещё один. Не теперь.

* * *

Когда Джобиска достигла ворот в Северное крыло, они были открыты.

Черная вода начиналась с лежащего на полпути вниз наклонного прохода. По краям плавали обломки старой мебели.

Она пробовала поднять одну из опрокинутых лодок, но это было слишком тяжело для ее хилого небольшого тела.

— Отодвиньтесь, бабуля, — сказал Крис, догоняя ее. — Я сделаю это.

Он поднял ее и уселся на борт.

— Вы тоже поедете, дорогой? — спросила она.

— Да, — ответил он, проверяя весло. — Тоже подальше от Дома.

* * *

— Я не знаю, куда он пошел, — сказала Дороти.

Доктор был встречен стремительными взглядами.

— Он пошёл за Джобиской. Она отправилась присоединиться к без вести пропавшим кузенам.

— Мы найдем его, — сказала Лила.

— Нет, оставайтесь здесь, вы обе. Следите за вещами. И не позволяйте никому разрушать Дом. — Он искоса посмотрел на Лилу.

— Что? — спросила она.

— Крошки, — он дотронулся до её губ носовым платком.

— Если понадобится помощь, поговорите с ней. — Он неопределённо махнул рукой.

Дороти оглянулась на Зал.

— С кем? Галактическая бой-баба ушла в свою комнату.

— Не Саттралоп. Инносет.

— Она только что ушла.

— Куда?

Она показала.

— В ту сторону.

Доктор побежал.

— Хлеб очень хорош, — сказала Лила.

— Ты съела весь поднос, — сказала Дороти.

— Я хотела есть.

— С таким темпом ты недолго проносишь это бикини.

— Капитан, — сказал Глоспин. — Та посылка, что Вам дали. Вам лучше освободить руки.

Редред оторвался от устройства на запястье.

— Она останется со мной, пока я не выберусь. — Он указал на ТАРДИС. — Эта машина ТТ была украдена вчера вечером со связующих измерения доков в Капитолии.

— Вчера вечером, — удивленно повторил Глоспин.

— Вашим Кузеном.

— Вы обнаружите, что Доктор стоит за большинством таких происшествий. — Глоспин раскрыл закодированный значок Агентства. — Видите ли, я обнаружил аномалии в его свидетельстве станка. Он может быть обманщиком. Или подкидышем.

Редред улыбнулся.

— Самозванец?

— Это — его месть за то, что он был лишен наследства и удален из Семьи. Именно он убил Китриарха.

— Серьезные обвинения. — Редред проконсультировался со связующим устройством.

— И он регенерировал перед тем, как прибыл сюда, — добавил Глоспин. — Я уверен, что мы нашли бы больше доказательств, если бы смогли попасть в его корабль.

ГЛАВА 29

ПОСЛЕДСТВИЯ

Инносет изо всех сил пыталась сбалансировать свою лодку — половинку стручка, выращенного в атриуме прежде, чем он был затоплен. Шест, при помощи которого она пыталась удержаться, скользил в руках.

Она прошла полпути. Чёрная вода отражала искусственно освещённые извилистые формы ветвей на потолке атриума. Со стен неодобрительно взирали полузатопленные портреты прежних кузенов.

Впереди, на дальнем краю озера, стояли лодки, которые использовали Мэлджамин и Джобиска. Драджи всегда возвращали лодки.

Дом знал.

Всё это было игрой.

Инносет! Среди шума голосов в её голове, она услышала собственное имя. И снова.

Она оглянулась. Доктор стоял у края озера. Она проигнорировала его зов, и он сел в другую лодку.

Что-то со свистом пронеслось мимо в воде.

Тощая рептилия плавала вокруг лодки. Её длинная белая голова поднялась выше поверхности и открывалась как голодный цветок. Волокнистые глаза как тычинки завивались к фиолетово-пятнистым лепесткам. Она шипела. Блестящий язык высунулся из центрального круга зубов. Чудовищное

потомство ящерицы и орхидеи, скрещённый в одном из наиболее отталкивающих экспериментов Доктора.

— Тебе говорили не приносить такие вещи в дом, — сетовала Саттралоп.

Кто-то схватил шест. Второе существо плавало в воде позади лодки. Инносет попробовала отогнать его. Лодка сильно наклонилась. Инносет изо всех сил пыталась удержаться на ногах.

Первое существо протаранило лодку.

Инносет схватилась за шест, но потеряла опору и упала в воду. Вес волос топил ее. Она видела, как огромный рот лепестка открылся, чтобы проглотить ее. Его язык мерцал, как внезапные вспышки огня.

Доктор, плывущий во второй лодке, завопил и ткнул пылающей головешкой в центр лепестков.

Существо гневно зашипело и нырнуло поглубже.

Инносет схватилась за руку Доктора. Пока он тянул её, лодка покачнулась и уронила его рядом с ней.

Факел зашипел в воде.

Возле носа лодки появилось второе существо, глаза которого моргали в красивой открытой голове.

Оно внезапно нырнуло в воду, сердито, словно что-то давило на него сверху.

Доктор забросил Инносет в лодку и вскарабкался за ней.

Существо не было видно. Он взял шест и направил лодку к дальней стороне.

Саттралоп сидела в глубине стула. Она поворачивала ключи, но Дом не слушал. Ее зеркала были чисты.

— Не мёртв? — сказал Квинц. Она уставилась на капающий кровью кинжал в его груди. Он подходил всё ближе и ближе. — Не воображайте, что Ваша крепкая привязанность к Дому остановит меня.

— Вы не мертвы, — ответила она. — Вы не мертвы!

— Дом знает об этом? — прохрипел старый Призрак.

Дом, подумала она. Я — Дом!

И она полностью забыла себя.

* * *

— Что происходит? — спросила Лила.

Они сидели на опрокинутой ТАРДИС, наблюдая, как Редред и Глоспин обмениваются документом на одном из столов.

— Не знаю, — сказала Дороти. — Хотят что-то сделать с родословной Доктора. Считают, он не тот, за кого себя выдаёт.

Лила схватилась за нож.

— Тогда мы должны защитить его.

— Меня это не удивляет. Люди всегда так говорят о нем.

— Какие люди?

Дороти пожала плечами.

— Многие. Когда Вы путешествуете с кем-то, то не можете не обнаружить нескольких тёмных тайн. Не говори мне, что никогда не хотела узнать, кто он на самом деле.

— Иногда, — сказала Лила. — Но это неправильно.

— Обоснуй? Я подразумеваю, почему?

Лила серьёзно посмотрела на нее.

— Доктор мудр и странен, и он силен. Но также он — тайна, которая откроется только избранному.

— Возможно, — сказала Дороти. — Но я всё ещё хочу узнать.

Они сидели в тишине. Дороти смотрела на драджей. Позади них изображение в стеклянном гробу судорожно мерцало.

— Лила, — сказала она спокойно. — Я вижу.

— Я думаю, что мы должны найти Доктора.

Инносет сидела, дрожа, и слушала жалобные голоса в голове.

— Ты не имел никакого права следовать за мной, — сказала она Доктору.

— Сними сырую одежду, Инносет, — сказал он. — Ты должна показать мне, где кузены.

— Я не буду, — ответила она.

Он снял жакет и выжал рукава.

— Я знаю, что ты защищала их всё это время. Ты единственная оказалась достаточно сильной.

Он сел около неё и попробовал взять за руку.

— Инносет, послушай. Мы можем положить конец этому. Ты должна сказать мне, где они.

— Убери руку, — сказала она.

— Пожалуйста, кузина. Больше никаких тайн. Ты не можешь сейчас уйти.

Она пыталась не слушать. Вода хлюпала при каждом шаге.

Он вздохнул.

— Знаешь, в других мирах есть люди, чистящие беспорядок, остающийся после меня. У меня есть привычка забывать о последствиях.

Она наблюдала за кем-то, плывущим под водой.

Он продолжал.

— Но теперь я должен исправить причиненный ущерб. Это — моя обязанность. Прекрати скрывать свои страдания и скажи мне, где другие!

Она закрыла глаза.

— Тогда сделай это, чтобы спасти Криса, — сказал он.

Она наклонила голову. Влажные волосы давили на нее. Она медленно сжала его руку в своей.

Вода подбежала к их ногам. Что-то огромное начало появляться, поднимаясь по затонувшей лестнице. Вода лилась каскадом с его потрепанного меха.

Доктор удержал Инносет.

— Барсук! Почему ты всегда липнешь ко мне?!

— Я обязан защищать Вас, — быстро ответила машина. — Я уничтожил амфибию орхолотl.

— Я не нуждаюсь в телохранителе. Я самостоятельно справлялся в течение многих столетий.

Инносет направилась к вершине лестницы. Затем обернулась и побежала по старым заброшенным коридорам, где белоствольные деревья переплелись с мебелью.

— Инносет! — Он бежал за ней. Ее влажное платье рвалось, зацепляясь за ветви.

И в ее голове они тоже звали. Просили присоединиться к ним.

Но здесь негде было скрыться.

— Инносет! — Он догонял ее. Этот коротышка, эта змея разрушила Семью, Дом, которому никогда она не будет служить силой и проводником, драджем и дройлом.

Инносет, звали они в ее голове.

— Кузина! — сказал он изза плеча.

Она схватила ржавый меч, висевший на стене, и приставила к его груди.

— Уходи!

— Прекрати это, пожалуйста.

— Оставь нас в покое!

Хрустя ветками, подошёл Барсук.

— Инносет, убери меч, — сказал Доктор.

— Нет!

— Барсук нападёт на любого, кто угрожает мне. Даже тебя. Квинц запрограммировал его.

Огромная машина, подойдя, затмила его.

— Убирайся! — завопила она громче голосов в своей голове.

— Барсук, — сказал он. — Ты не причинишь вреда Инносет. Она не нападает на меня. Отойди назад!

Аватроид колебался.

Доктор обернулся к ней.

— Теперь отдай мне меч.

— Не могу, — сказала она.

— Пожалуйста, — он мягко коснулся лезвия.

Внезапная вспышка голосов в ее голове. Она ударила мечом в протянутую руку. Он не издал ни звука, но кровь сочилась между его пальцами.

Барсук яростно взревел. Доктор был отодвинут в сторону. Машина схватила Инносет и бросила в дерево.

Голоса стали тише.

Она лежала у подножия дерева. Ветви оплетали ее. Волосы не позволяли лежать ровно.

Он стоял рядом, смотря на неё с экстраординарной нежностью.

— Не двигайся. Я пойду за помощью.

— Я должна была защитить наших кузенов, — с усилием прошептала она. — Это — моя вина.

— Конечно, нет.

— Они не могли выдерживать темноту. Нужно было идти. Туда, где Дом не мог видеть.

— И ты помогла им скрыться?

— Да.

Он погладил ее волосы.

— Но Дом знал. Должен был знать.

— Конечно, знал. — Она начала кашлять. — Но он любит их. Именно поэтому позволяет им идти.

— Но он не позволил бы им уйти полностью, не так ли? — в голосе звучал гнев. — Они просто скрылись от Саттралоп.

— Это все, что я могла сделать.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее лоб.

— Как один человек смог вынести так много?

Она почувствовала вкус крови во рту.

— Они ждут тебя, Улитка. Они ждали долгое время.

— В моей комнате? Они там?

Её тело болело.

— Я очень устала. Не могу сделать больше. — Она почувствовала, как он мягко коснулся её разума.

Пожалуйста, пойми, подумала она. Пожалуйста, закончи это для меня.

— Инносет, нет. Не умирай здесь. У тебя осталось много жизней.

Я хочу умереть, думала она. Не будет больше мрака. Наконец-то всё кончится.

— Инносет.

— Найди их, Улитка, — сказала она и сжала его руку

Она закрыла глаза и слушала, как он уходит.

Доктор вытер лицо рукавом.

Он оставил Инносет лежащей у подножия белоствольного дерева. Когда Барсук начал следовать за ним, он сказал 'Нет!' и машина остановилась.

— Иди за помощью, — сказал он, и аватроид ушёл.

Доктор пошел по коридору. Осталось недалеко. Место было слишком знакомо.

Он достиг двери. Дверь в то место, где он нашел убежище от абсурдного, ложного, полностью искусственного галлифрейского детства.

Дети моего мира были бы оскорблены.

Место, где он копил пятимерные карты звездного неба и читал трипстедовскую «Флору и фауну Вселенной»

(сокращенную для юных читателей), делал макеты птичьих крыльев и вырезал своё имя на крышке возмущенного стола.

Они говорили, что галлифреец не вырастет, пока не изучит собственный язык.

Было тихо. Он ожидал целое эхо воспоминаний, когда открыл дверь.

Но он услышал только писк жука.

Его комната была пуста. Лишена мебели и изобретений, как будто его собственное воспоминание было изгнано.

Он сел на полу у пропасти.

Кое-кто хорошо знакомый был на втором этаже.

Фигура стояла на краю, пристально глядя вниз в мерцающие глубины.

— Крис, — сказал Доктор.

— Ты слышишь их? — спросил молодой человек. — Я должен пойти к ним.

— Возвращайся, Крис, — сказал Доктор. — Эти мысли предназначаются для меня. Они не твои.

Крис не обернулся. Его лицо пылало и было похожем на маску.

— Нет, они зовут меня.

— Что они говорят?

Крис направился вдоль стены.

— Они зовут меня. Они ждут. Они зовут Доктора.

Доктор догнал его, но Крис бросился с края и исчез в свету.

Тишина.

Он посмотрел в невозможную глубину. Он искал иной путь попасть туда. Его пальцы сжимали рукоятку меча.

Он пошел назад, расталкивая дикие ветви, туда, где лежала Инносет.

Она была холодной.

— Инносет?

Только форма во влажном платье. Никаких мыслей. Никаких мечтаний об обновлении. Только пустота и холод.

Он сидел на полу в болезненном искусственном освещении, держа ее за руку.

Это было худшим моментом в его жизни.

Он долго смотрел на некогда знакомые черты ее лица. Наконец он наклонился и развязал шнуры, которые держали большую катушку заплетенных волос.

— Дорогая кузина, простите мне этот последний позорный поступок.

Используя ножницы, он освободил голову от тяжелого груза.

Нет больше вины. Путешествуй свободно.

Он вернулся в свою комнату, раскрутил локон и привязал один конец к ветке.

Проверив, что она выдержит, он начал снижаться в глубину.

Мысли походили на языки тихого огня. Спускаясь, он видел фигуры, цеплявшиеся за стены.

Он узнавал лица. Кузены. Талгел, Ховор Вариативный, Фарг и ДеРусифа. Но их лица были искривлены и измождены. Мэлджамин и пухлая Сэлпэш, теперь слабая тень себя прежней. Надменная Целезия и маленькая Джобиска.

Лица, горящие в аду их собственных мыслей.

Их становилось больше. Все смотрели с тихим обвинением.

Жалкие, пустые и истрёпанные персонажи с зияющими глазами и ртами собирались вокруг него, как линчующая толпа вокруг рваного чучела. Здесь не было ни обновления, ни возрождения. Питаясь злостью, его кузены дегенерировали в собственную горечь.

Он был рад, что Инносет избежала этого.

Вскоре шахта расширилась в пещеру, где они, толкаясь, собрались в группу.

— Я здесь, — сказал он. — Я имею право, клянусь всем вам.

Он не слышал ответа.

Он пробирался сквозь толпу, пока не увидел фигуру, горящую на полу пещеры.

Доктор присел возле Криса. Руки молодого судьи обхватывали голову. Он кивнул.

— Мне жаль, — простонал он. — Мне так жаль.

Доктор потянулся своим разумом к мыслям Криса.

Сила презрения кузенов отбросила его назад. Ненависть за все мучения и вещи, что они потеряли.

Он не принадлежал Семье. Они отклонили его.

* * *

— Они пошли сюда, — сказала Лила.

Они шагали по белой пыли, разлетевшейся после взрыва группы выпуклых грибов. Следы вели внутрь, в открытые ворота, и прерывались в пещеристом затопленном зале.

Дороти указала на группу лодок на дальней стороне.

— Представляешь себе плавание? — сказала она.

Лила посмотрела на черную воду.

— На вашем месте я бы не смогла, — произнёс знакомый голос.

К ним спускалась Романа. Ее волосы были острижены, и она была одета в алую тунику с серыми брюками и практическими ботинками.

Выглядит как мальчик, подумала Дороти.

— На сей раз я действительно здесь, — сказала Романа и обменялась рукопожатием, чтобы доказать это. — Вы нашли его?

Дороти и Лила переглянулись.

Для Глоспина стало неожиданностью, что ТАРДИС так легко приняла вертикальное положение. Оуис уже оправился от отравления и помогал Ринду.

— Нам по-прежнему нужен ключ, чтобы проникнуть внутрь, — сказал капитан Редред.

Глоспин исследовал двери корабля.

— Не обязательно, — ответил он. Он поддернул дверь пальцем, и она открылась. — Кто-то забыл позаботиться об этом.

Кузены встали за его плечами. От тёмного интерьера доносилось жужжание.

Внезапный порыв ветра создал небольшие пылевые смерчи. Новая дрожь пробежала по Дому.

— Что случилось? — спросил Ринд, глядя на галереи. — Похоже на предупреждение.

Глоспин кивнул в сторону Зала.

Драджи повернулись, чтобы взглянуть на стеклянную шкатулку на возвышении. Голограмма Квинца исчезла, обнаружив сухой скелет.

Раздался удар грома.

— Не нравится мне, как это звучит, — сказала Романа, как только она дослушала Лилу и Дороти.

— Почему ты пошла за нами? — спросила Лила.

Дороти усмехнулась.

— Проблемы дома?

Романа выглядела смущенной.

— Вообще-то, да. Я сейчас в бегах. Андред и посол Уайткуб вывели меня. Лорд Ферейн захватил управление. Он пробует легализовать мой импичмент, так что я не уверена, являюсь ли президентом в настоящее время.

— Андред в порядке? — спросила Лила.

Романа подошла к ней.

— Да. Но твой побег не улучшил дело.

— Доктор нуждался во мне, — ответила Лила.

— Сделаем всё возможное, — серьезно сказала Романа.

Дом быстро рос и грохотал. Небольшие волны начали хлопать по ногам. Группа оборванцев собралась на полузатопленной лестнице.

— Думаю, Доктор нашел свою семью, — сказала Романа.

— Они никогда не поплывут на тех лодках, — сказала Лила.

Дом дрожал. Дождь из штукатурки и леса начал падать с купола атриума в лагуну.

Белые ветви, поддерживавшие крышу, отрывались от неё. Три спутника наблюдали, как два столба вырвались из стен и наклонились внутрь. Ветви затрещали и неожиданно спутались, оставив единственный промежуток.

Они тут же помчались по новому мосту.

— Где Доктор? — потребовала Романа, когда кузены подошли ближе.

Ни один из них не ответил. Их глаза были пусты. Зомби, подумала Дороти, наблюдая процессию.

— Идём, — сказала она.

* * *

Когда они подошли к комнате, то увидели Криса со странной фигурой на полу.

— Больше никаких спутников, — сказал он, когда увидел их. В голосе слышался шотландский акцент. — Иногда вы приносите только неприятности. Хорошо, оставайтесь

вместе, делайте, что говорят, и не пытайтесь помочь.— Он наклонился к фигуре у ног. — Избит собственными кузенами, — продолжил он.

Фигура надела шляпу. Это был Доктор, более оскорбленный, чем когда-либо.

— Только мое достоинство, — неубедительно прошептал он.

Крис, казалось, потерял интерес. Он отошёл подальше и сел в угол.

Доктор вздрогнул, когда они коснулись его.

— Я только хотел быть частью Семьи, — сказал он. — Я прошел все этапы. Генное переплетение, родовая травма, образование, прыщи... очевидно, этого было недостаточно.

— Мы можем улететь в ТАРДИС, — сказала Дороти.

— Нет! Никто не приблизится к моему кораблю.

Он выглядел испуганным, когда узнал Роману.

— Что она делает здесь? — тихо спросил он Лилу. — У неё же на выбор целая планета?

— Я пришла помочь, — сказала Романа.

— Это правда, — сказала Лила.

— Больше снаружи? — усмехнулся он. — Это похоже на соборование или поминки.

— Доктор, — серьезно сказала Романа.

Он вздохнул.

— Вы правильно поступили, мадам президент. Будущее так важно.

— И прошлое? — спросила она.

— О, прошлое. Пршлое мертво и похоронено. Я уже никогда не узнаю. — Его взгляд выражал отчаяние. — А будущее? Я не могу видеть вне своей седьмой регенерации. Настоящий восьмой связанный. Возможно, у меня нет будущего.

Его глаза закрылись.

— Он травмирован, — сказала Романа. — Если мы ничего не сделаем, он может отвергнуть регенерацию.

Дороти наклонилась вперед.

— Доктор, если ты не часть Семьи...

— Нет, — прервала Лила. — Не спрашивай его.

— Я сейчас я, — прошептал он. — Что в этом хорошего?

— Но кем ты был? — спросила Дороти.

Доктора говорил с трудом.

— Слишком много мыслей. Не могу больше думать...
Жаль.

— Он едва дышит, — сказала Лила.

Кто-то вошёл в дверь. Женщина с короткими каштановыми волосами слегка горбилась. Она была одета в белое.

— Чтобы он выжил, мы должны освободить его разум.

Она, качаясь, вошла в комнату.

Дороти уставилась на нее.

— Кто Вы?

Женщина поправила платье.

— Его кузина, — сказала она.

Лила вскочила.

— Инносет? Что случилось? Вы регенерировали? Вы должны отдохнуть.

Женщина устало кивнула. Она стала ниже ростом, а лицо — полнее.

— Не беспокойтесь за меня. Мы должны помочь ему.

— Романа двора трелундар, — сказала Романа, неловко предлагая руку. — Пожалуйста, присядьте. Вы уверены, что справитесь?

Инносет закрыла глаза.

— Чем больше поддержки, тем лучше. Теперь, пожалуйста, сядьте в круг.

Они сели и соединили руки вокруг Доктора.

Инносет глубоко вздохнула и начала бормотать.

Позади них Крис сжал голову.

— Я — Доктор. Я. Я. Я!

Он снял ботинок и бросил в центр комнаты.

Компаньоны осторожно смотрели друг на друга.

Голова Инносет повернулась. Ее глаза были белы, взгляд был обращён внутрь.

— Почему ты оставил нас? — Ее голос резонировал через пальцы в их головы. — Где ты был? Кто ты?

— Стервятники! — закричал Доктор. Его тело выгнулось, как будто что-то рвалось из него. Он резко упал назад.

— Меня не поймать, — прошептал Крис.

Инносет задрожала и опустила руки. Круг был сломан.

— Он ушел, — сказала она с дрожью в голосе. — Ничего. Его разум во мраке. Я пришла слишком поздно.

ГЛАВА 30

ПРОПАСТЬ

Три, два, один, три, два, один,

Венок из роз лежит.

Рассилон мёртв, Омега проиграл,

Другой ушел.

Трое спросили и ждут своего часа,

Они все возвратятся однажды.

Расшифрованные иероглифы в Пещерах Сказочного дворца на Страве.

* * *

Романа стучала обоими кулаками по груди Доктора, но он не реагировал на удары.

— По-прежнему нет признаков регенерации, — сказала она, как будто её преднамеренно оскорбляли.

Дом грохотал.

Новая женщина по имени Инносет неоднократно провела зеленой бутылкой у его носа. Он даже не шелохнулся.

Она покачала головой.

— Как будто он освободился.

Лиля держалась за амулет в своем ожерелье.

Дороти улыбнулась.

— Когда я спросила его о балете в Париже, он сказал, что мог быть там. Я знаю, что так и есть. — Она задрожала. — Глупец. Не думаю, что я пойду туда.

Лампы замерцали и потускнели. Из угла раздался стон.

Инносет обернулась.

— Крис? Это Вы?

Другой стон.

Она прикоснулась пальцами к голове Доктора.

— Его сознание закрыто. Но как насчёт его подсознательного?

Они повернулись, чтобы посмотреть на Криса.

— Принесите его в круг, — быстро сказала Инносет.

Крис не оказал никакого сопротивления, когда его положили возле Доктора.

Они снова сцепили руки. Пока Инносет концентрировалась, Дороти почувствовала вызывающую головокружение энергию, пульсирующую вокруг них. Она не смогла бы разделить руки, если бы даже попробовала.

Тусклый свет, похожий на пламя свечи, парил в центре круга. Тени пламени медленно расширялись, поглотив их всех в центр. Вокруг них тени соединялись в твердые мысли или воспоминания.

Назад. Назад...

— Доктор? Доктор? Доктор? — звали различные голоса.

Он лежал в ТАРДИС, возмущаясь своим поступком.

Он лежал в ТАРДИС. Его тошнило. Королева летучих мышей была древней и почти иссохла...

Он лежал под стальной балкой, чувствуя себя так, словно его шея сломана.

Он лежал на полу лаборатории. ТАРДИС привела его домой. Домой? Вы называете это домом?

Он вертится в темноте. Но это не смертный приговор, о, нет. Повелители Времени просто конфискуют одну из его жизней.

Он лежал в ТАРДИС. Вся эта работа оставляла его слегка измученным. Неважно, посмотрим, куда это приведет, хм?

Пойдём, пойдем.

— Семь жизней, — прошептала Инносет. — Это — его седьмая жизнь.

* * *

Они парили как призраки, их руки были сцеплены в круг.

Солнце спускалось, окрашивая небо в кровавый цвет. Высокая стена из древних камней была залита им полностью.

Если смотреть сверху, укрепление растянулось так далеко, насколько Вы могли вообразить. В небе парили птицы.

— Подождите меня, — сказал Крис и, схватив Дороти за руку, ворвался в круг.

— Ты в порядке? — прокричала она.

— Наверно. Только комната мала для нас обоих в моей голове.

Они летели вниз. Стена настолько протянулась в пространстве и времени, что мир выскальзывал из-под неё.

— Это он, — крикнула Лила.

Крошечная фигура стояла перед огромным дверным проёмом с почерневшими воротами.

Когда они оказались ближе, то увидели, что Доктор был одет в свои шляпу и жилет.

Он толкнул ворота, но они не поддались. Старый стервятник с повязкой лениво порхнул вниз и сел возле него. В его рваных перьях сверкали драгоценности.

— Это ты, сивилла? — спросил он.

— Ворота Будущего закрыты, — прокаркала она.

— Постоянно? Или только с вечера до утра?

Она стояла на одной ноге, царапая голову украшенным драгоценными камнями когтем.

— Обычно я могла видеть будущее, — сказала она. — Но оно скрыто. Теперь я вижу только прошлое.

Дороти видела таких и прежде. Типы, что подходят к Вам на автобусной остановке и рассказывают о своей жизни.

— Когда-то я правила целой империей, — сказала старая гарпия. — Я предвидела и управляла событиями и была неуязвима. Теперь я вижу лишь последствия и питаюсь их падалью.

— Ты заслужила это, — сказал Доктор.

Она вытянула свою худую шею к нему.

— Я знаю тебя. Ежедневно я питаюсь смертью, которую ты приносишь. Когда-то ты запретил мне входить в Ворота. Ты пытался избежать прошлого, но теперь не можешь достичь будущего. Однажды я буду питаться тобой.

— Это ещё одно твоё пророчество, проницательнейшая Пифия? Насколько я помню, они никогда не отличались надёжностью.

Стервятник расправил крылья.

— Я была миром! — завопила она.

— О, уходи, — сказал он. — Возвращайся в склеп. Я не настолько протух, чтобы оказаться в твоём меню. — Он обернулся к кроваво-красному солнцу и снова толкнул ворота, медленно вынуждая их открыть будущее.

Позади него солнце зашло. За воротами солнце было бело и светило сквозь туман персикового цвета.

Наблюдатели последовали за Доктором. В воздухе чувствовался аромат роз. Невзрачная женщина, одетая в коричневое, ждала, держа длинное одеяние.

— Это женщина роз, — сказала Инносет. — Я видела её в саду, в день, когда он был соткан.

— Вы, Вечные, проходите всюду, — сказал Доктор.

— Действительно, — сказала женщина, закрепляя многоцветную одежду вокруг его шеи. — Большинство из нас расценивает поклонение как ответственность. Мы пытаемся соответствовать ожиданиям. Но есть Боги, не столь внимательные.

Она встала позади него.

— Там. Что Вы думаете? Одежду ткут из всех ваших дел и событий. Выглядит работой трёх безумных швей.

— У меня нет зеркала, — ответил он, волнуясь.

Она улыбнулась.

— Не слишком умно, не так ли, быть сразу повсюду?

— Вам виднее, — сказал он.

— Это могло быть великолепно, — пожала она плечами. — Или ужасно.

— Это — жизнь.

— Точно. Теперь идите. Будущее ждёт.

Он пошел по краю мостовой. Мир двинулся навстречу ему, ускользя под стену в прошлое.

Пока он шёл, розовый туман стал рассеиваться, открывая для него будущее. Он торопился.

Но кое-что задерживало его. Тяжёлая одежда давила. Он тащил её. Воспоминания выходили на поверхность. Кровь просачивалась из переплетений.

Одежда цеплялась за тротуар. Его тянуло из будущего в прошлое.

Он изо всех сил пытался освободиться. Он тянул заклепки, но не мог уничтожить их. Одежда душила его.

От ворот донесся смех старого стервятника.

Доктор упал. Он закричал от отчаяния и потянулся головой под стену в неизбежное прошлое.

Наблюдающие призраки сцепились крепче во внезапной темноте. Прошлое было пустотой. Поднялся ветер, и они потянулись за Доктором. Они могли видеть ветер. Он походил на поток серебра.

Инносет находилась в нём.

— Воздух, — её душили слезы. — Чистый воздух. Я забыла, как дышать!

Впереди они увидели фигуру Доктора, уходящую в темноту.

Вдалеке появилось зарево. Оно становилось больше, пока половина города не оказалась освещена адски ярким светом.

Огромное здание горело как факел в ночи. Большой зал или храм. Камни раскалывались от высокой температуры, и воздух был заполнен серой бурей пепла.

Соседние здания были освещены, и стая воздушных автомобилей гасила пламя вакуумными брандспойтами. Они игнорировали очаг возгорания. Вокруг него стояло кольцо охранников, не удерживающих толпу, а пропускающих людей, бегущих из здания. Вспыхивали поединки. Шипел орудийный огонь.

В воздухе витал шёпот. Отдаленное бормотание тысяч голосов. Но Дороти не могла понять, было ли это внутри или снаружи её головы.

Доктор зашагал в другой район, и наблюдатели последовали за ним.

На высоком квадрате среди куполов стоял памятник в форме Ω.

— Это — Мемориал Омеги в Капитолии, — сказала Лила.

— Верно, — сказала Инносет. — Но это — старый город, на месте которого была построена Цитадель Повелителей Времени. Он, должно быть, сбежал сюда, когда украл ТАРДИС, на тысячи лет назад в прошлое. Он точно знал, что его не станут преследовать. Непосредственно в Старое Время.

Доктор подошёл к высокому памятнику. На его верхушке сидела одинокая фигура, обернутая в темный плащ. Она свесила тонкие ноги, когда увидела черный ящик, плывущий в воздухе под ним.

— Я знаю, что это, — сказала Дороти. — Это — Рука Омеги.

— Но кто — он? — спросила Романа.

— Это не Доктор, — решительно ответила Инносет.

Они уловили сердитые мысли фигуры, но были ли они переданы через Доктора или непосредственно от человека, они не знали.

— Я предупредил его. Я предупредил Рассилон, что, если сила будет использована против инакомыслящих, если их прибежище в храме Пифии будет разрушено, тогда я оставлю его проклятую планету на ее собственное усмотрение!

Он снял обувь и бросил, но коробка поймала ботинок так быстро, как будто его и не существовало.

— Но если я уйду, не будет пути назад. Рассилон останется с абсолютной властью. Никакого контроля, никакого баланса. Боги, как я жажду свободы. Свободы от схем, амбиций, и от мрака в собственных мыслях.

Дороти подумала, что он собирается броситься вниз с памятника. Он почти вышел за пределы, но вместо этого отступил и скатился по кривой здания. Он притормаживал последние двадцать футов и приземлился как кот.

Его обступили фигуры, вышедшие из тени. Сверкнул нож, но коробка внезапно очутилась среди них, бросаясь разрядами энергии в беспомощных убийц.

— Таким образом, Рассилон выбрал собственную судьбу. — Мысли фигуры были утомленными и печальными. — Но нужно подготовиться к отъезду и сказать одно невозможное «прощай».

Он положил шелковую серую розу к подножию памятника. Затем выбросил другой ботинок и направился в город.

Доктор последовал за ним.

— Это действительно его воспоминания? — пожаловалась Дороти. — Как это связано с Доктором?

Романа и Инносет обменялись взглядами, но ничего не сказали. Они направлялись глубоко в трущобы, в плохо освещенные улицы и переулки, населенные тенями оборванцев.

Из-за угла появилась группа пьяных охранников. Фигура на мгновение застыла в дверном проеме. Она завернулась в плащ, и мрак поглотил ее.

Доктор шел дальше, не останавливаясь.

— Куда он делся? — спросил Крис, когда они пролетели мимо пустого дверного проема.

Дороти обратилась к Инносет.

— Если это — воспоминания Доктора, то мы видим вещи его глазами?

Инносет кивнула.

— Больше, чем просто воспоминания.

Среди охранников раздался пьяный смех.

Доктор уже прошёл их.

— Он там, — сказала Лиля. Фигура выскользнула из тени перед Доктором, и поспешила вдаль.

Уже смеркалось, когда он, наконец, добрался до дома с закрытыми ставнями, втиснутого между захудалой таверной и магазином торговца памятью. Он вошёл и начал подниматься по деревянной лестнице.

Старая женщина, шьющая в небольшой комнате со стопками книг, едва признала его. Ее толстое лицо было покрыто тенью от куполообразной головы.

— Где моя внучка? — спросил он.

Она убрала иглу.

— Спит. Половину ночи она провела на крыше, наблюдая за пожаром.

— Я говорил Вам не выпускать ее, — прорычал он. — Не туда, где она может быть замечена.

Старуха заскрипела зубами.

— Ей невозможно объяснить это.

Он вытащил из плаща звенящий кошелек.

— Вы должны уехать, Мамлаурея. Здесь больше не безопасно.

— Домой? — спросила она. — Обратно в Терсур?

Он мрачно кивнул.

— И возьмите Сьюзен с собой. Сядьте на первый попавшийся звездолет. Захватите вещи. Вы не должны выглядеть беглецами.

Старуха уставилась на него.

— Вы не поедете с нами?

— Возможно, позднее. — Он нагнулся, чтобы выглянуть из небольшого окна. Окна, в которое смотрела Дороти и остальные.

Он смотрел непосредственно сквозь них. Его темные волосы были зачёсаны назад, но, несмотря на свет, его лицо оставалось в тени.

Доктор находился в комнате, но Дороти не могла увидеть его лицо. Она видела только, что он покачал головой, когда в комнату вошла молодая девушка.

— Дедушка! — Она бросилась к нему. — Дедушка, я думала, что ты никогда не вернешься. Где ты был? Ты видел пожар? Что случилось с твоими ботинками?

— Да, я видел это, ребенок. К сожалению.

У нее были короткие волосы и огромные коричневые глаза. Она рассмеялась.

— Я скучала по тебе. Я читала Пелатова, а затем внезапно поняла, что ты здесь.

Он посмотрел на нее.

— И больше ты никого не видела?

— Нет. Я не выхожу. Я знаю, что там опасно.

— И как ты узнала об этом?

— Ну, ты сказал мне.

— Хм?

Она не осмелилась взглянуть ему в глаза.

— И незнакомцы на улице. Я видела их из окна.

Он посмотрел на старуху. Она пожала плечами.

— Я не могу за всем углядеть.

— Прости, дедушка, — сказала девушка и вновь обняла его.

— Нет, нет, Сьюзен. Это я должен извиняться. Трудно приходится ребенку, живущему с суетливой старой няней и раздражительным дедушкой, который вечно отсутствует.

— У тебя есть работа, — сказала она. — Это — большая тайна. Именно поэтому ты защищаешь меня.

— Что ты имеешь в виду?

Она опустила глаза.

— Я никогда не видела свою мать. Но я знаю, что она умерла при родах, в тот же самый момент, когда Пифия прокляла мир.

— Это старуха рассказала тебе?

— Не Мамлаурея. Моя мать сказала мне. Я все еще слышу ее мысли. И отца тоже. С тех пор, как он погиб в битве.

— На одном из мерзких кораблей Рассилона.

Сьюзен улыбнулась.

— Мать сказала мне, что я являюсь последней из настоящих детей Галлифрея.

— Дорогая, — сказал он. — Именно поэтому ты столь бесценна.

— Но ты всегда будешь со мной, дедушка. Я никогда тебя не забуду.

Дороти наконец заметила лицо Доктора. Он отвернулся. Изумленное опасение промелькнуло во взгляде.

Время застыло, поскольку он увидел призраков в окне.

— О, нет. Не теперь! — Он одёрнул жилет. — Куда делась приватность?

— Мы прибыли, чтобы вернуть тебя, — сказала Инносет.

— Зачем?

— Ради тебя, Доктор, — сказала Романа.

Он посмотрел на Инносет.

— Мы знакомы?

— Да, Улитка. Это — я. Ты вернул меня.

— Инносет? — мягко сказал он. — Я думал, что потерял тебя. — И затем его тон изменился. — О, очень удобно. Любое оправдание сгодится, чтобы провести миленькую

ознакомительную прогулку по времени до семейных проблем.

— Доктор! — сказала Ли́ла. — Никогда не говори так!

— Это может быть удобным случаем, — добавила Романа.

Подошел Крис.

— Мы даже не знаем, кто эти люди.

— Хорошо. Я тоже. Убирайтесь!

Дороти пришла в отчаяние.

— Доктор, разве ты не доверяешь нам?

— Доверять вам? Я даже себе не доверяю.

— Мы не можем уйти, — сказала Инносет.

— Почему?

— Твой разум укрылся в теле Криса. Если мы потеряем тебя, то и его также. Ты этого хочешь?

Он посмотрел на них.

— Вмешивающиеся нахальные спутники.

— Только одни неприятности, — сказала Дороти.

— Абсолютно.

— Никаких подглядываний, — сказала Романа. — Слово президента.

Он кивнул и вернулся обратно.

— Нет, дедушка! Я не оставлю тебя! — Девушка отчаянно цеплялась за него. Ее глаза были красны от слез.

— Ты не можешь оставаться здесь, Сьюзен. На Галлифрее слишком опасно. Семья Мамлауреи позаботится о тебе.

— Я не уйду. Я хочу быть с тобой и помогать.

— Сьюзен! — В его голосе послышалась властная нотка. Она удивилась. — Ты должна пойти. Возможно, я тоже. Надолго.

— Куда? — прошептала она.

— Не знаю. Но я всегда буду с тобой. И однажды я вернусь. А ты будешь вспоминать меня.

Он крепко обнимал ее, когда в комнату вошла старуха с двумя сумками и плащами.

Сьюзен стихла, поскольку она была готова к отъезду.

Он выбрал несколько книг с полок и положил в ее сумку. Затем он вновь обнял ее.

— Пожалуйста, береги себя, дедушка.

— И ты, дорогое дитя.

— Я буду ждать. — Она выбежала из комнаты за няней.

Старик — по крайней мере, он казался очень старым — некоторое время стоял у окна. Вернувшись в комнату, он подошел к полкам, медленно проводя рукой по корешкам книг.

— Всегда одно и то же, — сказал он.

Он спустился вниз по лестнице и вышел на улицу.

— Я думала, что на Галлифрее не было родителей, — сказала Дороти.

Доктор повернулся к ней.

— Некоторые считают это преимуществом, — сказал он и растворился в воздухе.

— Когда-то были родители, — пояснила Инносет. — Смотря, насколько далеко Вы возвращаетесь.

Вновь они последовали за Доктором.

— Я предполагаю, что речь идёт о проклятии Пифии, — подвела итог Дороти.

Далекий пожар затух, но дым все еще дрейфовал по городу, душа серое утро. Строилось множество новых зданий. Здесь присутствовал оптимизм, утраченный в более позднем Капитолии, который они знали.

Верхний город строился на обширных арках. Они пересекались с другими арками и мостами, несущими здания и сады, соборы и колокольни.

Пока они летели к центру города, солнце прорвалось через дым. Это было бледное холодное солнце, но Инносет открыто заплакала при его появлении.

— Лила? — спросил Крис. — Ты в порядке?

Она держала за руки его и Роману, но была бледна, а глаза потемнели.

— Это из-за полёта, — сказала она. — Пройдет.

Впереди была башня высотой в сотню арок. Доктор шел на встречу на высший уровень, который был щедро усажен зеленью.

Человек в темно-красной одежде стоял среди серых роз, растущих там. Он был невысок и носил пышные усы. Он изучал шахматную доску, её фигуры находились в середине игры. Но в пределах каждого квадрата шла еще одна игра с ее собственными фигурами. Игра, которая нужно выиграть, чтобы квадрат смог стать частью большей игры.

Доктор подошел поближе, чтобы посмотреть на это, явно очарованный и неспособный сопротивляться этому.

Глубоко в пределах тех внутренних площадей, были еще площади, невидимые глазу. Доктор то ли сжимался, то ли фигуры росли вокруг него. Другие почувствовали себя вовлеченными.

— Где ты был? — потребовал человек в красном, и игра прервалась.

Другой человек, темный, скрытый, за которым они следовали, стоял перед ним со взглядом презрения.

— Убегал от твоих личных охранников, Рассилон. Почему они пытались убить меня?

Дороти почувствовала, что рука Инносет напряглась при упоминании этого имени.

— Я проинструктировал их найти тебя. Не больше.

— Они превзошли себя.

Правитель Галлифрея изучал глубины шахматной доски.

— Я не могу позволить себе потерять тебя.

— Почему? Что тебе нужно?

— Ничего, — ответил Рассилон. — Ты должен знать, что я предпринял действия, которые счёл необходимыми для продолжения своих реформ.

Другой подошёл к краю сада, где с балкона не был виден город.

— Я предупредил тебя. Чистка — не лечение. Если кровь продолжит литься, ты вскоре утонешь.

— Но у меня так мало времени!

— Поскольку ты не доверяешь никому продолжить твою работу.

— Это слишком дорого. И теперь я даже не могу доверять своим охранникам, чтобы позвать друга.

— Друга? — Другой казался удивленным. Он сложил руки на груди как священник.

— Да, — настаивал Рассилон. — По крайней мере, я могу доверить тебе критиковать меня.

— А те инакомыслящие в храме? Они тоже были твоими друзьями? Это было их мученичество или что-то еще, на усмотрение твоих охранников?

Рассилон последовал за ним мимо роз.

— Ты не должен уходить. Галлифрей нуждается в твоём мудром совете.

— Ошибаешься, — сказал Другой.

— Нет. — Рассилон был серьезен. — У нас есть путешествия во времени. Гармония. Станки и Дома. У нас снова есть будущее. Ничего из этого не было бы возможно без тебя. Перед лицом исчезновения у нас появилась стабильность.

— Слишком стабильно. Слишком большая гармония. Галлифрей без конца. Галлифрей бесконечно. Дети станков Рассилона будут иметь тринадцать жизней. В то время как у нас, дорогой друг, обреченных реликвий другой эпохи, есть только одна короткая жизнь. — Он вздохнул. — Время найти что-то получше.

— Ты не можешь уйти, — сказал Рассилон.

Темная фигура встряхнула головой.

— Я завещаю тебе свои розы, Рассилон. Их мучают, режут ножницами. Ты можешь устроить чистку им.

Как только он начал уходить, в воздухе возникла вспышка. Паутина электрического синего цвета замерцала по саду.

— Ты не можешь уйти, — сказал Рассилон.

Доктор предупреждающе посмотрел на спутников перед приближением к темной фигуре.

— Сети энергии? — сказал человек. — Ты так боишься потерять меня? Чего ты действительно боишься, Рассилон?

Рассилон холодно изучил его.

— Спустя столько времени, я по-прежнему едва знаю тебя.

Это, казалось, понравилось заключенному.

— Они говорят, мой лорд президент, что у тебя слишком много неестественных сил.

— У меня?

— Разве ты не знал? — Он отошёл назад к балкону. Рассилон последовал за ним.

— Наше узкое восприятие считает их неестественными. Я называю их другими силами.

— Их переоценивают, — сказал Другой.

Дороти заметила, как что-то переместилось по беседке. Тень фигуры, которую она не смогла узнать.

Другой изучал мерцающий барьер.

— И это тот, кто утверждал, что презирает суеверия.

— Я изгнал суеверия, — ответил Рассилон. — Я закрыл ворота во Время Хаоса.

— И я могу назвать, по крайней мере, четыре внешних мира, которые возвели храмы в честь Рассилона.

— Против моего специального указа.

Другой обернулся к нему.

— Тогда убери статуи. Или ударь их ударом молнии.

— Это — сила, которую ты никогда не предлагал мне, — сказал Рассилон с кривой улыбкой.

Гнев назрел в глазах его заключенного.

— Я не буду связан сделкой крови или договором. Я просто попробую.

— С моего одобрения, или с твоего?

Другой улыбнулся.

— Рассилон, Народный Бог. Звучит странно.

— Положение, за которое ты, естественно, не несёшь никакой ответственности.

— Я сообщу. Ты не должен слышать.

— Но ты слишком ценен, чтобы уйти!

— Я не буду пленником! — Другой ударил кулаком по сетям энергии.

Фиолетовые искры полились среди роз.

Рассилон отступил назад, заметив фигуру.

— Кто Вы? Что Вам нужно?

Темная фигура выплыла на дымный солнечный свет.

— Мне надоело. Надоело правление великой державой. Кто хочет быть заложником в игре?

— Ты? Бросишь власть и манипуляцию? — рассмеялся Рассилон.

Другой сжал пальцы. В холодном воздухе раздался взрыв. Сеть энергии распалась. И рядом с ним находилась Рука Омеги.

Рассилон следил за коробкой. От ее поверхности исходил пар. Она потрескивала.

— Ты никогда не бросишь это, — сказал он. — А как насчет твоей Семьи? Думаешь, что спрятал ее? Её ты тоже возьмешь с собой?

— Правь мудро, Рассилон, — сказал Другой. — И остерегай учеников поклоняться изображениям, а не человеку.

Он беспрепятственно спустился с башни. Коробка держалась рядом.

— Охрана! — крикнул Рассилон. — Запечатайте причалы времени. Никто не должен уехать!

Доктор пошел за Другим.

— Подождите, — сказала Дороти, но они направились по его следу. — Я кого-то видела. Кто-то еще наблюдал.

— Где? — спросил Крис.

Когда они отошли от башни, другая иллюзорная форма отправилась за ними.

— Кто он? — спросила Романа.

— Чёртов кузен, — сказала Дороти.

— Наш кузен Глоспин, — ледяным голосом произнесла Инносет. — Я должна была знать, что он последует за нами.

Лила попробовала отделиться от группы.

— Я разберусь с этой малодушной бессердечной змеей.

— Не нарушай линию, — предупредила Инносет. — Если ты остановишься, чтобы бросить ему вызов, мы потеряем и тебя и Доктора.

Другой стоял перед новым муниципальным зданием, глядя вниз на город. Коробка держалась рядом.

Проходящие жители игнорировали его.

— Уйди, — сказал он коробке, но она уже исчезла.

В небе появилась вспышка, сопровождаемая эхом взрыва. Шар пламени поднимался от космодрома.

Он шел сквозь поток людей, бегущих из здания. Доктор двигался за ним, сопровождаемый своими спутниками.

Ворота и запечатанные двери открылись, как будто узнали Другого. Он проигнорировал знак опасности и прошел прямо к сердцу комплекса. Огромное хранилище открывалось вверх и вниз; от овальных стен, испещренных прожилками, доносился звук инструментов.

— Предупреждение, — объявил синтетический голос. — Защитное одеяние должно быть надето на дающую потомство камеру.

Доктор шел за Другим по проходу, ведущему в камеру. Сквозь спокойный воздух он предвкушал увидеть специфическое и первое священное место.

Наблюдатели задержались на входе.

— В чем дело? — сказала Ли́ла. — Я думала, что он покинет Галлифрей.

Доктор и Другой остановились перед центром моста.

Романа смотрела на Инносет.

— Вы знали, не так ли?

Кузина Доктора опустила глаза.

— Я думаю, что мы должны уйти, — сказала она.

— Почему? — спросила Дороти. — Мы нужны Доктору.

Крис кивнул.

— Не теперь. Инносет права. Не думаю, что нам стоит смотреть.

Из камеры донесся сильный гул. Взревела сирена.

Дороти оглянулась, когда они потащили ее. Доктор, крошечный рядом с массивной фигурой, обернулся, чтобы посмотреть на них. На мгновение их взгляды пересеклись.

Его голова внезапно повернулась к кому-то другому.

— Это — Глоспин, — крикнула Дороти.

Темный призрак наблюдал с одного из верхних коридоров.

Пока группа поворачивалась в беспорядке, волна энергии достигла максимума. Ослепляющий поток света полился струей с потолка камеры. Он бил в центр моста.

Другой вступил в свет. Сырая энергия, яростный, первобытный, живой материал, болезненный для глаз, истребила дотла человеческую форму.

Раздался вздох.

Доктор стоял один, смотря в глубины света.

Глоспин повернулся и исчез.

— Жаль, — сказала Дороти.

Они передвигались в тишине.

Пролетая по пустынному зданию, Инносет сказала:

— Легенды обманывали. Другой никогда не покидал Галлифрей. Он умер в каскадах энергии, способной дать потомство, так же, как Пифия бросилась в Пропать Воспоминаний.

— Неопровержимое доказательство, кузина, — усмехнулась другая фигура, появившаяся на пути. — Или твой мозг размягчился от пострегенеративной травмы?

— Уйди, Глоспин, — ответила Инносет. — Это личные воспоминания.

— Но он прав, — сказала Романа. — Той камерой был первый станок. Главный распределитель, из которого станки отправлялись в Дома.

Глоспин кивнул.

— Верно, кем бы Вы ни были. Другой ушел в систему. Монстр бросился в случайный генетический поток, чтобы повторно появиться неизвестно где!

— Это ничего не доказывает, — сказала Инносет.

— Но не нам. И кое-что объясняет. Не забывайте Руку Омеги.

Он посмотрел на группу.

— Она оставила Галлифрей, — сказала Романа. — Легенды гласят, что Другой украл ее. Или она улетела за ним к звездам, и никто ее больше не видел.

Дороти подумала о вещах, о которых она не будет говорить. Она видела, что Глоспин наблюдал за ней, пока перебирал пальцами травмированной руки.

— Туда, — указала Лила, поскольку фигура Доктора поплыла в небо.

Она схватила Глоспина за ноги, поскольку тот бросился в погоню.

ГЛАВА 31

НОВЫЕ ВРЕМЕНА ДЛЯ СТАРОГО

Тёмный льющийся свет. Дни и ночи мерцали в быстрой процессии вокруг путешественников. Время двигалось снова.

Здания были достроены. Огни мигали как глаза демонов.

— Разве мы не можем вернуться в Дом? — подумала Дороти. — Что ещё мы можем увидеть?

Не было никаких признаков Доктора.

Наблюдатели следовали за Глоспином над городским пейзажем, пока тот не спустился к высокому парапету, украшенному трепещущим флагом.

Беловолосый человек наблюдал, как процессия спустилась под мост.

— Невероятно. Просто невероятно. — Его плечи дрожали от смеха. Он повернулся, чтобы рассмотреть величественные здания и арки вокруг него.

— Это не может быть он, — прошептала Романа. — Скажите, что я ошибаюсь.

— Это — он, — сказала Инносет. — Первый Доктор. И то, куда он сбежал. В прошлое. Единственное место, где он может не опасаться преследования.

Глоспин, бывший неподалеку, усмехнулся.

— Круг замкнулся, кухня.

Толпа, выстроившаяся вдоль дороги, приветствовала негромко, но рев их мыслей был оглушителен. Церемониальный экипаж тащил рогатый высокий монстр. Его пассажир поднял руки в триумфе.

— Это он, — пробормотал старый Доктор. — Сам Рассилон! Невероятно! Кто он себя возомнил, а? Выглядит как мифический властелин!

Он посмотрел на маленькую пирамиду из желтого камня, нетипичную для сводчатой архитектуры. В одной из сторон открылась дверь, и Рука Омеги, истрепавшаяся с возрастом, выскользнула наружу.

Немедленно взревели сирены, затмив гул толпы.

— Что ты делаешь? — пожаловался старик, поскольку коробка выталкивала его вперед.

Внизу водители быстро увозили экипаж Рассилона. Охранники разгоняли толпу.

Коробка тянула старого Доктора вниз по лестничным пролетам, не обращая внимания на то, что ее могут увидеть, пока они не достигли безлюдного сквера.

Мемориал Омеги возвышался над ними.

— Ну? — сказал старик. — И что мне делать, хм? Почему я здесь?

Коробка проигнорировала его и, подлетев к подножию памятника, улеглась, издав удовлетворенный шум.

Он неопределённо пошевелил тростью венков из серо-жемчужных роз.

Крики встревожили его. Охранники бежали к скверу со всех направлений.

Коробка тут же взлетела, чтобы встретить их. Число охранников увеличивалось. Они несли сверхмощное оружие, явно разработанное для того, чтобы уничтожить Руку.

Когда появились первые вспышки, старый Доктор скользнул за памятник и проворно побежал в укрытие.

Охранники шли за ним. Он метался по переулку в поисках выхода.

* * *

Время снова зыстыло. Доктор в жилете стоял там.

— Кузен Глоспин и Знаменитая Пятерка, — сказал он. — Уже достаточно увидели?

— Я и так знал, — сказал Глоспин. — Это только подтверждает, что ты использовал нас.

— Тогда уходите, — ответил Доктор.

Подошла Романа.

— Мы пришли, чтобы вернуть тебя.

— Зачем? Разве вы не можете позволить себе потерять меня? Ну, буду я с вами. Не смотри так, Инносет. Я не могу помочь тому, кем, возможно, был.

— Ты знал? — спросила Инносет. — Вот что важно.

Доктор посмотрел на старшую/младшую версию себя, пойманную в ловушку в тупике.

— Нет, — ответил он. — Я понятия не имел.

— Лгун! — сказал Глоспин.

Лила ринулась к нему.

— Убирайся назад, змеиный язык!

— Важно? — сказал Крис. — Разве все мы не являемся его должниками?

Дороти кивнула.

— Конечно, да. Кем бы он ни был, он — все еще...—

Она поколебалась.— Он — все еще Доктор.

— Больше, — сказал Крис.

— Да. Много больше.

Глоспин подошел ближе к маленькому человеку.

— Что там происходит, Червоточина? Что ты еще скрываешь?

Доктор улыбнулся.

— Ничего, Кузен. Не имеет значения. Только помни. Я не знал.

* * *

Старый Доктор был пойман в ловушку в переулке. Он поворачивался, чтобы бросить вызов своим преследователям, когда рядом с ним открылась дверь, за которой стояла девушка.

— Дедушка, ты здесь!

Он посмотрел на нее перед тем, как метнуться внутрь. Позади него раздался звук взрыва.

Он позволил ей взять себя за руку и вести между колоннадами, пока они не достигли маленького внутреннего дворика, заполненного тряпками и старой одеждой.

— Дитя, — хрипло сказал он, пытаясь отдышаться, — как мне отблагодарить тебя?

Ее темные волосы растрепались по тонкому лицу. Она смотрела на него огромными карими глазами.

— Дедушка? Ты сказал, что я узнаю тебя, когда ты вернешься.

— Дедушка?

Она отпустила руку.

— О, я знаю, что это ты. Я узнала бы тебя где угодно.

— Невозможно, дитя, — парировал Доктор. — Дедушка!

Я никогда тебя раньше не видел!

— Но это ты. Я уверена. — Она выглядела обиженной.

— Действительно?

— Да.

— И что заставляет тебя так считать?

— Я знаю, дедушка. После пожара ты отправил нас на Терсур, но космодром был закрыт и там произошёл взрыв. Я вернулась домой, но ты ушёл.

— Домой?

— Но я не могла оставаться там, — она вытащила из груды тряпок несколько книг. — Мне пришлось жить на улице. Я меняла книги на пищу. Я целый год ждала тебя, дедушка. Сегодня год.

Он положил руку ей на плечо.

— Я не знаю, дитя. Я действительно не знаю.

Ее глаза умоляли его.

— Ты изменился. Ты выглядишь по-другому, но я узнаю твои мысли. Ты не помнишь меня?

Старик кивнул.

— Нет, юная леди. Я не знаю тебя. — Он посмотрел искоса, словно ему пришла внезапная мысль. — Но твоё имя... Сьюзен?

— Да, дедушка.

Поблизости послышались крики.

— Мы не можем остаться здесь. Я должен вернуться в ТАРДИС.

— Время и Относительные Измерения в Пространстве, — рассмеялась она. — Я подала эту идею.

Он не поверил.

— Куда идти? — спросил он.

Она собрала сумку с книгами и повела его по пустынным коридорам, рассказывая о своей жизни с тех пор, как он оставил ее. Ее няня исчезла, и она ночевала в руинах заброшенного храма. Сегодня первый фестиваль свободы нарушил сигнал тревоги, и теперь был объявлен комендантский час.

В конечном счете, они подошли к пустынному парапету, где стояла пирамида. По-прежнему звучала сирена.

Он посмотрел на нее с нежностью.

— Сьюзен, я думаю, что ты приняла меня за кого-то другого. Кого ты хотела увидеть...

— Нет, — возразила она.

Он поднял палец.

— Позволь мне закончить, дитя. Я не могу оставить тебя здесь. Я изгнан из собственного времени, но на этом старом корабле я планирую сделать небольшой осмотр достопримечательностей перед тем, как где-нибудь осяду. Ты присоединишься ко мне, хм? Думаю, что мне нужна компания.

Она обняла его. Пораженный, он опустил руку, а затем тоже мягко обнял ее.

— Да, я думаю, что мы сработаемся, — сказал он, сопровождая ее в пирамиду. — Но у дедушки осталось небольшое дело, если ты не против.

Когда дверь начала закрываться, наблюдатели взглянули на призрачный длинный черный ящик, который пулей вылетел из тени в сужающийся промежуток.

Они услышали напряженный гул неуклюжих двигателей и пирамида исчезла.

* * *

Доктор исчез. Другие почувствовали себя тянущимися за ним, в то время, как звезды растворялись в темноте вокруг них.

Глоспин тоже стал уходить.

— Давайте посмотрим, как Червоточина вывернется из этого, — позвал он.

— У тебя по-прежнему нет существенных улик, — парировала Инносет.

— Нет? У меня здесь достаточно опытных свидетелей, чтобы испепелить его.

Лила сердито оторвалась от группы.

— Ты заплатишь за это!

Она повисла в воздухе, игнорируя их просьбы. Они уже скользили в пустоту вне ее досягаемости.

Так или иначе, гнев ее был направлен на Глоспина. Он повернулся, чтобы избежать столкновения, но она ухватила за его лодыжку.

Остальные ясно услышали ее голос.

— Возвращайся домой, змеиный язык. Я не могу убить твою душу, но я буду следить за тобой, пока ты не завоешь о милосердии!

Темнота поглотила их всех.

* * *

Они пробудились в кругу. Инносет, Романа, Дороти и Лила.

Круг рук распался.

Доктор резко сел. Он потрогал лицо.

— На что я похож? Я был мертв?

Крис застонал и поднял руку к набухшим венам на висках.

Фигура в черном прошла между охранниками.

— С возвращением, оба президента, — сказал он с улыбкой. — И мои сбежавшие гости тоже. Спасибо, что привели нас сюда.

— Мы знакомы? — спросил Доктор. — Кажется, мы встречались в траншеях Скаро?

— Ферейн, — сказала Романа. — Директор Преданности в НАВ.

— Вы следили за нами, — нахмурилась Дороти.— Нам позволили сбежать из Капитолия.

— Именно, — сказал старик. — И вы все под арестом Дома.

ГЛАВА 32

НИКАКИХ НАРУШИТЕЛЕЙ

— Ты выглядишь лучше, — сказал Крис.

Доктор схватил молодого человека за рукав.

— Я сделал нечто вроде уборки. — Его ноги подкосились.

Измученная группа тихо шла по Дому. Когда они проходили по мосту, Доктор изобразил такой шаблонный прыжок, что Дороти хотелось рассмеяться.

— Я выбросил за борт мое подсознательное, — пробормотал он, когда они изо всех сил пытались вытащить его обратно.

— Это было разумно? — спросила Романа. — Любая энергия, даже артронная, должна куда-нибудь уходить.

— Это того стоило, если помогло Крису.

Он топнул ногой и громко крикнул в сторону охранников:

— Я застрял!

Крис кивнул.

— Спасибо. Голова прояснилась.

— Хорошо. Позаботься о воспоминаниях для меня.

В воде внизу кружилось что-то белое.

— Поднимите его, — крикнул Ферейн. Подошел командир агентов.

— Я сделаю это, — сказала Дороти. Она наклонилась к его уху. — Как глубоко похоронен Дом?

— Зачем?

— Боже, как с тобой тяжело! —вздохнула она. — Помнишь нитро-9, который ты вечно конфисковал у меня?

— Несколько канистр, — согласился он. — Положил в самый большой карман.— Она залезла туда, хотя он сопротивлялся. — Доктор, я знаю, что ты не бережёшь карманы, но этот материал смертелен.

Канистры были влажными и ржавыми.

Она посмотрела ему в глаза.

— Ты в порядке теперь?

Его безграничные глаза, как и Галлифрей, имели своё собственное время.

— В основном. Но я рад, что ты спросила.

Он внезапно согнулся.

— Несите меня, — сказал он командиру. — Я хочу найти моих кузенов прежде, чем они навредят.

* * *

Дом никогда не видел День Другого, похожий на этот.

Недавно вернувшийся Глоспин презрительно улыбался, глядя на еще одну ссору. Пол в Зале был усыпан грудami книг, одежды и других вещей. Капитан Редред пробовал удержать их, но истощенные кузены несли добычу с корабля Доктора как уборщики после стихийного бедствия.

Около станка все еще неподвижно стояли два драджа, смущая открытый труп Квинца.

Из дальнего конца Зала раздался крик, когда Ринд и Оуис выходили из ТАРДИС с очередными охапками одежды.

Вместе с незнакомцами, одетыми в форму, к ним приближался неопиcуемый в своей ярости Доктор.

— Моё! — вопил он, выхватывая вещи у удивленных кузенов. — Убирайтесь из моей ТАРДИС! Вон!

Его глаза сверкали, когда он бросил вещи в двери и повернулся, чтобы взять ещё.

— Это мой корабль! Как вы посмели?

Редред схватил его за руку и был отбит острым крюком.

Доктор оббежал агента и энергично бросился в ТАРДИС, хлопнув дверью.

Агенты окружили дверь, пробуя вытащить его.

— Так, так, — произнёс Глоспин. — Вы больше никогда не увидите его снова.

На верхушке синей коробки вспыхнул свет. Спутники вскрикнули.

Тогда свет погас. Корабль издал предсмертный хрип.

Открылась дверь. Затем появился Доктор и медленно поднял руки.

— Я вывел корабль из строя. Полностью перекрыл энергию. Теперь там ничего нет.

Несколько кузенов сердито забормотали.

— Кто вообще знает, как работают внутренние конфигурации, — прошептал он Романе. Крис и Инносет подошли к ним.

— Надеюсь, что в этот момент там никого не было, — сказал Глоспин.

Оуис посмотрел на Инносет в грязной одежде.

— Это Вы, кузина? Вы одеты не совсем к месту. Мне не нравятся новые волосы.

— Идиот, — пробормотала он.

Глоспин формально поклонился, узнав пожилого человека в черном.

— Здравствуйте, мой Лорд. Вы и ваш штат — почётные гости в Доме Лангбэрроу.

— Этот Дом теперь находится под моей юрисдикцией, — объявил тот. — Я — лорд Ферейн, Директор Преданности в Капитолии. — Он посмотрел на собравшихся и повернулся к агентам. — Где ещё две женщины? Дураки! Пойдите и верните их назад!

Прежде, чем любой из них успел двинуться, один из драджей оставил место у станка, и направился вглубь Дома.

* * *

— Когда это должно случиться? — спросила Дороти.

— Что? — сказала Лила с набитым финиками ртом. Они остановились на кухне, потому что Лила снова почувствовала голод.

— Ты ешь за двоих, не так ли? — сказала Дороти. — Так какой срок?

Лила взяла нож.

— Ты не будешь рассказывать об этом, Дороти.

— Когда-нибудь тебе придется рассказать. Я думала, что Повелители Времени неспособны на это.

— Доктор сказал, что мои предки родом с Земли.

— Ты произведешь чертовский эффект на, как его зовут?

— Андред.

— Да. Или, возможно, он просто выпорет тебя.

Лила зашла в альков кухни.

— Они твои, — сказала она, вылавливая хозяйственные сумки Дороти.

Там не было ничего, кроме упаковки мятной жвачки, которую присвоила Дороти.

Лила исследовала двери алькова.

— Кто-то пробовал прорваться.

— Удивительно, почему они бросили, — сказала Дороти.

— Они почти распилены.

Кто-то пустил слюни с другой стороны. Женщины отступили назад от двери.

— Мы уничтожим это, — сказала Лила и достала нож.

Кто-то ударил в дверь. Бруски раскололись.

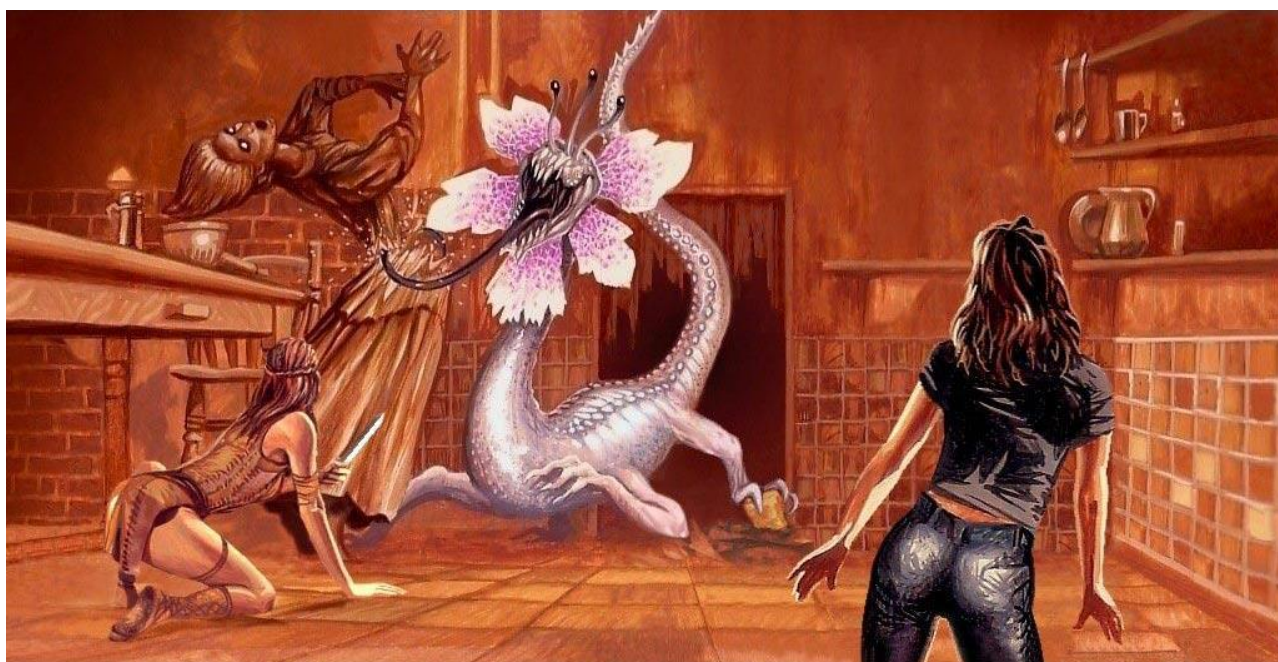
Дверь трещала.

— Время бежать, — сказал Дороти. Она повернулась и врезалась в драджа, возвышающегося над ней как людоед из сказки.

Когда он схватил её, дверь разлетелась. В кладовую, с рычанием и зловонием как от старого сыра, влетел белый дракон. Черный язык высовывался из центра его широкой орхидееобразной головы. Три глаза на тонких стеблях возвышались над красивыми пятнистыми лепестками.

Драдж схватил Дороти, подняв её как снаряд. Зверь быстро побежал на коротких крокодильих ногах. Его язык обвился вокруг деревянного тела слуги.

Дороти кувырком вылетела из рук схваченного драджа. Язык расколол огромного слугу пополам.

Животное блокировало Лилу. Оно с рычанием повернулось к ней. Она прицелилась и бросила нож, влетевший существу прямо в рот.

Оно выплюнуло лезвие. С языка закапала белая кровь, но оно по-прежнему двигалось на нее.

Дороти схватила тяжелую вилку. Она сумела слегка согнуть зубцы.

Его длинный хвост стегал в стороне как кнут.

Лила открыла небольшой мешочек. Она вынула маленький коричневый шип, держа его между пальцами, но существо схватило ее прежде, чем она смогла что-то сделать. Язык обмотал руку.

Шип вылетел.

— Возьми его, — крикнула она, изо всех сил пытаясь высвободиться. Дороти обошла качающийся хвост и подняла шип с пола.

Голова Лилы была в сантиметрах от утробы существа, когда Дороти воткнула шип в заднюю часть головы.

Оно завопило и замерло, где стояло.

— Внушительно, — сказала Дороти, освобождая руку Лилы от языка белой статуи.

— Шипы Янис. Доктор запретил мне использовать их, — сказала Лила, потирая руку, где уже проступали синяки.

— Как и мне взрывчатку. — Дороти вынула из кармана канистры с нитро-9.

— Кажется, мое запястье сломано, — добавила Лила.

Дороти вздохула.

— Ты не должна носить тяжести в своём положении.

— Опять? — сказала Лила.

Дороти душил смех.

* * *

— Вы обвиняетесь в общении со множеством негаллифрейцев. Вы не просто сознательно наблюдали, а вмешивались, без должных причин или инструкций, в их развитие.

— О, и это все? — фыркнул Доктор.

— Кроме того, есть утверждения, что Вы нарушили закон, защищающий прошлое Галлифрея, то есть, что Вы путешествовали назад в историю мира, таким образом, подвергая опасности существующую действительность, в которой мы находимся.

Инносет рассердилась.

— Глоспин? Что ты рассказал?

— Ничего, кузина, — ответил он.

— Не забывай о Дороти, — сообщила Доктору Романа. — Они загрузили копию ее разума в Матрицу.

Доктор одернул воротник.

— Мой Лорд, я подозреваю, что большинство ваших свидетельств окрашено причудливым воображением молодого и совершенно ненадежного ребенка. Мисс Макшейн сама обвинялась в преступлениях, поджогах... и в негаллифрейских ботинках!

Он проигнорировал вздох Криса и вызывающе встал перед следователем.

Глоспин подошел к Ферейну.

— Мой Лорд, у меня есть новое свидетельство для обвинения.

— Один момент, — прервала Романа и отвела Ферейна в сторону. — Все это только делает плохую ситуацию ещё хуже. Доктора уже судили по многим из этих обвинений.

Ферейн следил за нею.

— Вы тоже находитесь под формальным арестом, мадам, несмотря на неприкосновенность, предоставленную вашим статусом. Теперь мы должны узнать степень вины Доктора. Я действую в интересах Галлифрея. И к тому же должен расследовать ваше присутствие здесь.

— Как пожелаете, Ферейн, — сказала она. — Но сначала эти бедные люди должны быть выведены из Дома.

— Мой Лорд Ферейн, — добавил Доктор. — Я хотел бы предупредить несколько дальнейших обвинений. — Он кивнул на шкатулку на станке. — К сведению, я действительно убил покойного Ординал-Генерала Квинца, китриарха Лангбэрроу, и впоследствии осудил собственную

Семью на погребение на шестьсот семьдесят три года в этом удобно забытом Доме.

Редред застонал.

— И я напал на охранника клана Прайдон, который предварительно находился в ловушке в трансмате вышеупомянутый срок.

Несколько из кузенов решили линчевать Доктора, и были удержаны агентами.

— Отойдите в сторону! — раздался в Зале голос Саттралоп.

Она держала часы, смотря на них с нижней галереи. Ее волосы растрёпаны.

— Вас никто не звал. Это — семейные дела!

— Я пригласил их, — сказал Глоспин. — Они вскоре выведут нас отсюда.

— Никогда! — Ее движения были резкими и размашистыми.

— Хорошо, Саттралоп, — произнёс Доктор. — Вы сделали выбор. Я — здесь. Завещание у Вас. Есть Квинц, мертвый в своем гробу. Так чего Вы ждете? Вы скажете Дому или я?

Драдж повернулся взглянуть на Саттралоп. Ему пришлось нелегко, так как головы у него не было.

— Он спит. — Она смутилась при виде коричневого скелета. — Он спит!

Она повернулась и исчезла с галереи.

Доктор обратился к Ферейну.

— Домоправительница скрывала убийство китриарха.

— Убийство, которое совершил Доктор, — сказал Глоспин.

— Она думала, что Дом уничтожил бы их всех, если бы узнал, — продолжил Доктор. — Но убедив Дом, она убедила также и себя.

Инносет обвела взглядом галереи.

— Не думаю, что это было речью Саттралоп.

— Что это значит? — сказал Ферейн.

— В её обязанности входила роль медиума между Домом и Семейей.

Доктор застонал.

— Мы говорили с самим Домом. Саттралоп здесь больше нет. И я никогда не извинюсь перед ней должным образом.

— Командир. — Ферейн указал на Доктора и Роману. — Сопроводите этих заключенных назад в Капитолий.

Когда оружие было направлено на Доктора, со всех концов Зала раздался вопль.

Массивный Барсук схватил кузенов и швырнул. Два агента отлетели как кегли.

— Нет, Барсук, — скомандовал Доктор. — Они не ранят меня.

— Вы не уйдете, — сказал огромный косматый робот.

— Не волнуйся. Никто не уходит, — ответил Доктор. — Пока.

Ферейн сердито повернулся к командующему.

— Я хочу эвакуировать Дом полностью!

Когда командир снял устройство с запястья, драдж выхватил его и раздавил в кулаке.

Дом зашумел, множество дверей одновременно захлопнулись. Толпа кузенов разошлась, чтобы пропустить крошечную фигуру Саттралоп.

— Никто не уйдет, — объявила она, — пока Квинц не будет разбужен.

Доктор вышел вперед.

— Саттралоп, это Вы?

Не дождавшись ответа, он повернулся к остальным.

— Кузены и гости, в отсутствие существенного свидетельства относительно предполагаемого убийства Ординал-Генерала Квинца, я желаю вызвать неожиданного свидетеля.

Он мягко подвел Саттралоп к стулу.

— Я вызываю одного из старейших из живущих на Галлифрее объектов, Дом Лангбэрроу. Позвольте ему быть и свидетелем и судьей.

* * *

— Ты должна будешь сказать Андреде, — сказала Дороти.

В лесу негабаритной мебели на чердаке не было признака маршрута. Мебель перемещалась и перетасовывалась. Это походило на ходьбу сквозь стадо беспокойного рогатого скота.

— Это нелегко, — сказала Лида, обмотав руку. — Я не знаю, что сказать. Не думаю, что они поймут. Даже Романа.

— Держу пари, она уже знает.

Лида смутилась.

— Я никому не говорила.

— Это довольно очевидно.— Дороти увернулась от стола.
— Доктор. Скажи ему. Он будет блестящей акушеркой.

Но Лила отчетливо колебалась.

— Он очень молод, — продолжила Дороти. — Я имею в виду Андреда.

— Это ещё одна проблема. В то время как я становлюсь старше, он остается тем же самым.

— Там, откуда я приехала, это зовется Клиффом Ричардом. Разве никто не сказал, когда вы впервые встретились?

— Я выбрала Андреда. Он редко затрагивает этот вопрос.

Полагаю, что так, подумала Дороти. Она остановилась. Перед ними стояла лестница, ведущая к окну в крыше.

— Хуже уже не будет, — сказала она и поднялась вверх.

Она повернулась и посмотрела на Лилу.

— Мы поговорим с Доктором. Он знает, что делать с сама знаешь чем.

* * *

— Убийцей был...

Крис не мог вспомнить, когда он в последний раз вставал на суде, действующем по нормам общего права. Роз всегда напоминала ему.

Он посмотрел на Доктора, который кивнул в подтверждение.

— Он был стариком с зачесанными назад белыми волосами.

— Вы узнали его? — продолжил Доктор.

Крис сделал паузу. Ему не понравился взгляд Саттралоп.

— Действительно ли это был Первый Доктор? — спросил Глоспин.

— Да, — ответил он. — Я видел... Я видел картину.

— Сказал ты, — произнёс Доктор.

Ферейн покачал головой.

— Простое видение, однако, не окончательное свидетельство.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Запомни это, Глоспин.

Инносет встала.

— Я видела, как Первый Доктор вышел из комнаты Квинца непосредственно перед тем, как я нашла тело.

— Интересно, — Доктор вернулся к Крису. — Ты сказал, что Квинц узнал убийцу.

— Определенно. Но я не смог услышать, что он сказал.

Доктор посмотрел на Роману, спокойно беседующую с Редредом.

— Дом был отключен, — сказала она. — Кузены регенерировали в это время?

— Я, — ответил Глоспин. — Со мной была Саттралоп. Она лично нянчила меня.

— Нет, — сказала Домоправительница.

Кузены зашептались.

Ее голос зазвучал с новой силой.

— Не во время изменения. Он отправил Домоправительницу Саттралоп подальше. Даже Дом не видит. Это — личный момент.

— Да, да, правда, — сказал Глоспин. — Но я изменился в свою третью инкарнацию, каким вы видите меня сейчас.

— Кажется, Ваша виновность подтверждается, Доктор, — сказал Ферейн.

Доктор кивнул.

— Пусть будет так.

— Нет, — раздался снова голос Саттралоп.

— Нет? — переспросил Доктор.

— Дом не видит регенерацию, но станок делает запись генетической метаморфозы.

Доктор улыбнулся.

— Расскажите нам.

Она встала. Ее старое тело согнулось.

— В отчете станка говорится, что в тот день наш кузен Глоспиннинимортерас подвергся процессу регенерации дважды. В настоящее время он находится в своей четвертой инкарнации, не в третьей.

Глоспин рассмеялся.

— Изменение было усложнено инфекцией. Я чуть не умер.

Доктор театрально прочистил горло перед тем, как обратиться к притихшему собранию.

— Я напоминаю каждому, что Глоспин является, или был в своё время, генетиком. Высочайшим специалистом в своей области. За день до Годовщины смерти Квинца он нарушил мое уединение в Капитолии. Мы оба переживали, но он отчаянно пытался обеспечить себе наследство, потому что считал, что Квинц мог передать его мне. Мы стали бороться, и в перепалке он сказал, что получил образец моей кожи.

— Спросите, как он убежал, — произнёс Глоспин. — Спросите, что спасло его!

— Продолжайте, Доктор, — сказала Саттралоп.

— Глоспин вернулся в Лангбэрроу. После Годовщины смерти он преднамеренно сделал себя больным. Он использовал образец ДНК, чтобы регенерировать с моим лицом.

Инносет часто задышала.

— И затем он убил Квинца!

— Но Вы видели меня, Инносет, по крайней мере, Вы предполагали, что это был я, выходя из комнаты Квинца, как он и хотел. Он снова регенерировал, уже в нынешнюю форму. Его четвертая инкарнация, не третья.

Инносет подошла к Глоспину.

— Ты настолько отчаялся? Нет ничего, к чему бы ты не приложил руку.

— Докажите, — сказал Глоспин. — Они лгут.

Тело Саттралоп начало дрожать.

— Я видел убийство, — прорычало существо. — Саттралоп сказала, что Квинц выжил. И противник... — Её глаза сверкали. — Я вижу это. Вновь переживаю. Это отзывается эхом в моих стенах и коридорах. Противник вынимает двойное лезвие. Оно жжет его руку. Жжет столь глубоко, что никакая регенерация не может заживить это!

Дом задрожал.

Глоспин схватил Доктора и вытащил вперед.

— Спросите, где я получил ожог. Спросите Редреда о доказательстве, которое я дал ему. Мы видели, кто он. Спросите Редреда!

Ферейн посмотрел на капитана.

— Хорошо, где это доказательство?

— Я передал его моему начальнику, мой Лорд. Президенту Романадворатрелундар.

— Президенту? — удивилась Инносет.

Глоспин гневно указал на Доктора.

— Он использовал нас. Он намного сильнее, чем показывает нам. Он использовал нашу Семью. Когда-то давно он жил на Галлифрее и был известен как Другой. Вот куда пришла легенда. К нашей Семье. И Вы еще спрашиваете, почему мы все безумны? Когда он напал на меня, его спасла мифическая Рука Омеги!

Все собравшиеся с недоверием уставились на Глоспина.

— Инносет знает, — кричал Глоспин. — Спросите ее. Она знает, кем он был!

Инносет посмотрела на Доктора.

— Я не знаю ничего подобного, — сказала она.

Глоспин громко рассмеялся.

— Мой Лорд Ферейн, — сказал Доктор. — Я умываю руки.

— Минутку, — произнес Крис. — Не забывайте об Аркхью. Он тоже видел убийство, и он узнал Глоспина.

Глоспин смеялся, стоя между агентами.

— Ах, да, тот маленький карлик пришел ко мне, выкрикивая обвинения. Но я не убивал его. Оуис сделал это. Задушил и бросил в грибы.

Из группы кузенов донеслось хныканье.

— Маленький обжора, — прорычал Ринд.

Оуис визжал как загнанный в угол поросенок.

— Он сказал мне сделать это! Глоспин сказал мне, если я не избавлюсь от Аркхью, то буду уничтожен как незаконная замена!

Он исчез под градом ударов от его кузенов. Агентам пришлось оттащить его.

Доктор протянул Саттралоп руку.

— Время огласить завещание.

Она сжала ядро данных.

— Он мертв, — сказала она. — Саттралоп солгала. Квинц мертв.

— Да, — сказал Доктор. — Пожалуйста, отдайте завещание.

— Если Вы это сделаете, — крикнул Глоспин, — тогда Доктор получит все! Вы этого хотите? Он ведь даже не останется здесь!

Старая Домоправительница качнулась. Раскат грома пронесся по Дому.

Кузены начали приближаться к Доктору. Безголовый драдж качнулся в другую сторону.

Доктор выхватил завещание из рук Саттралоп.

— Барсук! — крикнул он, бросая завещание в Зал.

Массивный робот поймал ядро данных и изящно зажал между когтями.

Ядро мерцало, выделяя энергию.

Призрак Квинца стоял рядом с гробом.

— Пожалуйста, не травмируйте моего преемника, — сказал он.

* * *

С помощью рычага Дороти открыла окно в крыше. Ливень из почвы и камней почти сбил ее с лестницы.

— Ладно, — отплёвываясь, сказала она. — Давайте пустим немного свежего воздуха в этот мавзолей.

Она достала канистры с нитро-9. Они были липкими.

— Что это? — спросила Ли́ла. — Оружие?

— Они влажные. И Бог знает, насколько старые. Не знаю, сработают ли они.

* * *

Квинц посмотрел вниз на свой скелет.

— Я ожидал большего, — мрачно сказал он. — Когда появился Доктор, я проконсультировался с Матриархальной скамьей. Среди прочего, они предсказали мое убийство. Но они также сказали, что Доктор окажет важное влияние на будущее Галлифрея. Именно поэтому я скрыл завещание от Саттралоп и передал разум не в Матрицу, а в другое место.

— В Барсука, — сказал Доктор. — Сохранен в его позитронном мозге. Именно поэтому он всегда защищал меня. Защищал от убийства.

Инносет отвернулась.

Квинц обнял Доктора с отеческой нежностью. Кровавый кинжал торчал из его груди.

— Вы очень ценны для нас, мой мальчик. Наши надежды всегда опирались на Вас.

Доктор вздохнул.

— Неуместные надежды, Квинц. Высокомерие — семейная черта. Я хотел идти своим путем так же, как и Вы.

Квинц улыбнулся.

— Но теперь ты вернулся, как я и предполагал. Все это твое. Я завещаю тебе Дом Лангбэрроу со всем его имуществом и всей несчастной Семейей. Добро пожаловать к ним!

— Что? — спросил Доктор.

— Все это твоё, китриарх. Будь достойным! Ты не выполнил ничего из того, что мы ожидали. Ты — позор нашего имени!

Кузены начали свистеть.

— Минутку, — перебила Романа. — Так не позволено обращаться к прежнему президенту Высшего Совета Галлифрея!

— Президенту? Какому президенту? — Квинц поднял призрачные брови. — И кто Вы?

— Она — мой преемник, — сказал Доктор, и Романа показала свое кольцо.

— Доктор с честью уступил место, — сказала она.

— Ну, не совсем, — смущенно сказал Доктор. — Я больше не президент, потому что я не хотел ввязываться в политический бизнес.

— Президент? — прошептал Квинц. — Ты был президентом Галлифрея?

— Больше, — сказала Романа. — Намного больше.

— Квинц! — позвал Глоспин. — Измените завещание. Сделайте меня вашим преемником. Это — мое право.

Старый призрак повернулся к нему.

— Убийца! Я знаю, что ты убил меня. Я видел тебя сквозь маску. Я ничего не изменю, потому что я ненавижу воровство

и заговоры. Дом останется с Доктором. Мой мальчик, новый Китриарх и прежний президент.

Вспыхнул бунт. Кузены изо всех сил пытались достать Доктора.

— Ложитесь! — на верхней галерее появилась Ли́ла. — Ложитесь, все вы!

Вверху прогремел взрыв. Древесина и штукатурка посыпались дождем. Воздух был пропитан дымом и гневом.

ГЛАВА 33

ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ ДОМЕ

Большие часы Лангбэрроу взорвались наружу. Его винтики и диски полетели вниз сквозь дым.

Призрак Квинца замерцал и исчез.

Дом гневно дрожал, сбивая с ног большинство из них, включая оставшегося драджа.

Кузены столпились вокруг станка, цепляясь за него как дети, цепляющиеся за свою мать.

Дороти с черным от сажи лицом появилась на галерее рядом с Лилой.

— Сюда! — звали они. — Мы пробили отверстие в горе!

Кузены оставили станок и бросились к лестнице. Агенты пошли за ними, игнорируя протесты Ферейна.

Саттралоп ползла по полу. Вокруг нее расходились трещины.

— Ушел, — жаловалась старуха. — Дом больше не слушает. Он больше не во мне. — Она закричала, поскольку деревянное кольцо на ее пальце вспыхнуло.

Доктор подбежал к ней, но она отодвинулась.

— Я — Хранитель Дома! — Она забралась на стул. Огонь полыхал в ее юбках. — Мой Дом! — Деревянные пальцы стула сжались, раздавив ее в кулаке. Ключи выпали на пол.

Доктор застыл на месте.

Крис потянул его за плечи.

— Мы должны уйти!

Доктор встряхнулся.

— В ТАРДИС. Возьми Инносет и Роману.

— Но там ничего нет, Доктор!

Он пошел к кораблю, но Крис удержал его. Лавина каменной кладки обрушилась вокруг ТАРДИС, блокируя их спасение.

— Это сделано намеренно! — крикнул он на крышу.

— Следуй за остальными, — сказал Крис. — Идем.

— Ты иди. Я догоню. — Доктор начал оттаскивать камни от ТАРДИС. — Барсук! Я теперь ответственный, так что приди и помоги!

Крис колебался.

— Иди же, Крис!

Молодой человек отрицательно качнул головой, но Инносет взяла его за руку.

— Быстрее, Крис.

Он позволил увести себя.

Барсук начал поднимать щебень.

Романа задержалась рядом с Доктором.

— Доктор, что ты сделал с посылкой, которую я отправила тебе?

— Ничего.

— Ты должен спасти ядро станка. Перенести дух места.

Он сомневался.

— Сделай это, Доктор. Это приказ Президента.

Ферейн догнал их.

— Если бы Вы сделали это раньше, то избавили бы нас от неприятностей. — Он вынул стазер. — Вы оба все еще под арестом!

Доктор рассмеялся.

— НАВ прыгает в закон и обратно как палка поуго.

— Прямо как их предшественники — охрана Рассилона,
— добавила Романа.

— Не доверяйте ей, Доктор, — сказал Ферейн сквозь рев Дома. — Она сказала, почему она действительно вызвала Вас домой?

Доктор посмотрел на Роману.

— Она скажет, когда будет готова.

К ним подошел Барсук.

— Отзовите эту скотину, — предупредил Ферейн.

Раздались шаги.

Пыльная фигура врезалась в Доктора, сбив его на пол. Глоспин прижал длинное, декоративное оружие к груди Доктора. Это был один из огромных ключей Саттралоп.

— Ты украл все, что было по праву моим! — вопил он.— Ты разрушил эту Семью! Я даже не знаю, смогу ли я убить тебя! Монстр!

Он поднял оружие, чтобы ударить.

— Нет! — крикнул Доктор.

Барсук схватил Глоспина как куклу. Он бросил его в Зал. Глоспин остался неподвижно лежать на полу.

Романа выбила стазер из руки Ферейна.

— Романа, уходи отсюда, — сказал Доктор. — Я буду иметь дело со станком.

— Но..., — возразила она.

— Это экспрезидентский приказ.

Он наблюдал, как она отошла подальше от Ферейна.

Когда он повернулся к станку, всё здание дало сильный крен. Он упал. Строение начало перемещаться.

* * *

На полпути по дрожащему коридору Ферейн догнал Роману.

— Кто на самом деле Доктор?

— Зачем Вам это? — спросила она. — Агентство использовало его достаточно часто.

— Поскольку Вы намереваетесь использовать его, мадам, — сказал Ферейн. — Слухи о нем распространяются множество лет. Чем абсурднее они становятся, тем вероятнее и тревожнее я их нахожу.

— Как прежний президент, Доктор находится под моей защитой. — Она достала оружие. — Теперь Ваш ход, Ферейн.

Он отодвинул оружие.

— Мадам Президент, Высший Совет призывает к Вашему импичменту.

Она пожала плечами.

— Доктор важнее. Вы ненавидите его, потому что он нарушает ваши драгоценные законы. Но Галлифрей во многом обязан ему.

Здание покачнулось. Сверху посыпалась пыль.

Ферейн был спокоен и холоден.

— Отправьте его на задание, которое планировали для него, и я клянусь, что Агентство оставит его в покое.

Романа сделала паузу. Она глубоко вздохнула и кивнула. Они скрестили пальцы.

* * *

Они чуть не задохнулись от воздуха и света.

Оуис задержался в проеме горы, избегая холодного ветра, огромного неба и своих кузенов.

— Как насчет птичьих гнезд? — сказал он, смотря обратно во мрак.

Лила вытянула его на открытое пространство. Основание было усеяно мертвой рыбой. Прочие кузены и агенты толпились около взрывной скважины. Серые облака угрожали дождем и скрывали вершину горы Ланг. Заброшенные сады разрослись на нижних склонах.

— Мой байк, — вспомнила Дороти.

Лила схватила ее.

— Ты не можешь вернуться.

Из отверстия появились Крис и Инносет.

— Всё разваливается, — сказал он.

— Где Доктор?

— Он сказал, что последует за нами.

— Какого черта, Крис!

Гора сотрясалась. Почва лилась водопадом из отверстия в крыше.

Крис потащил Дороти.

— Нужно выбираться отсюда.

Появились еще две фигуры, покрытые пылью.

— Дом перемещается, — сказал Ферейн.

— Уходите с горы. Бегом! — закричала Романа.

Раздался писк и щебет птиц, летящих с чердака в небо. По земле текли рекой крошечные грызуны.

Оуис стоял и смеялся, пока Лила не потащила его.

Когда паникующие беженцы скользили и скатывались в дикий сад, Крис вернулся в отверстие.

Склон горы раскрылся с ужасным ревом.

Из земли, выливая почву и камни из башенок, дымоходов и крыш, появился давно похороненный Дом Лангбэрроу.

Новые конвульсии сбили Доктора с ног. Он присел около станка, наблюдая за передачей энергии в небольшое ядро данных, которое Романа дала ему.

Стеклянный гроб разрушился, и рука скелета опустилась вниз.

Он обернулся. Призрак Квинца стоял рядом.

— Лорд Президент, а? — сказал старик. — Нравится вкус власти?

Вновь упала каменная плита.

— «Нравится» — субъективное слово, — ответил Доктор, стряхнув пыль со шляпы. — Мне нравятся тиканье часов и звуки флейты. Песни во время сбора урожая. Решение задач непосредственно мной. Мне нравятся идеи других людей. Мир, спокойствие. И чашка хорошего чая.

Дом тряхнуло, и дневной свет появился в окне.

* * *

Из окна этажом выше Крис наблюдал за землей, пролетающей мимо.

Всё, что он мог увидеть сквозь качающиеся серебряные деревья, медленно пульсировало волнами, исходящими от Дома.

Огромное здание двигалось. Оно направлялось к утесу.

* * *

Драдж встал перед Доктором.

Засунув голову в нижнюю часть станка, он не слышал ни рева Барсука, ни бурю, бушевавшую в Зале.

— Кто Вы? — потребовал призрак Квинца. — Кем Вы себя считаете, отказываясь от власти, которую я дал Вам?

Доктор игнорировал старый фантом. Он чувствовал генетическую ткань матрицы станка. Назад во мрак, перед мраком. Станок и Дом — единственная реальность

— Ты знаешь меня, не так ли? — сказал он, углубляясь в его материнскую теплоту. — Вспомни. Верни к своему началу.

Дрожь Дома смешалась с ревом Барсука и воплем драджа, поскольку они погрузились в трещину в полу.

— Да. Ты помнишь меня. Когда ты был саженцем. Так давно. Когда ты был семенем. Когда ты был только иллюзорной идеей.

— ЛАНГБЭРРОУ! — ревел Дом.

— Вспомни своего создателя.

Малейший момент колебания или признания. Затем Дом вскрикнул.

— Теперь ты тоже Лангбэрроу, — сказал Призрак. — Семья — Дом. Ты — Дом.

— Призраки не могут травмировать меня.

— Я могу взять твою душу.

Призрак залез в грудную клетку Доктора и вырывал из него жизнь.

Генетическая ткань запутывалась в ячейках его сотканного тела и начала душить его.

Что теперь имело значение? Он ожидал конца. Он должен остаться. Семья — то, чего он хотел. Семья и дом. Где-нибудь обосноваться, наконец.

Без будущего.

Восьмой Связанный Человек.

— КТО ВЫ? — потребовал Дом/ Призрак. — ЧТО ВЫ?

Доктор закричал.

Руки тянули его за дрожащие плечи, тянули его из новой тьмы.

С испугом он схватился за своего спасителя.

— Я не хочу знать. Я не хочу знать!

— Всё в порядке, — сказал Крис.

— Экстрактор, — прохрипел Доктор, указывая на станок.

— Он остановит это.

Крис выдернул устройство из открытого станка.

Пульсация остановилась.

Доктор попробовал встать и упал рядом с Крисом. Кровавая слеза выкатилась из глаза.

Но Дом продолжал дрожать.

Из окна они видели раскачивающуюся землю. Утес был менее чем в пятидесяти метрах.

— Синдром безголового цыпленка, — пробормотал Доктор и повернулся к ТАРДИС.

Дрожащий пол дробился под кораблём.

— Сепалчезм! — выдохнул Доктор, и увидел, как полицейская будка рухнула в пропасть.

Она застыла на середине трещины.

Доктор смотрел вперед, схватив Криса за руку.

ТАРДИС медленно поднималась вверх. Она вылетела из трещины и приземлилась на усыпанный щебнем пол.

Доктор упал Крису на руки. Молодой судья понес его к дверям корабля.

— Подготовься к удару, — сказал Повелитель Времени, когда они оказались внутри.

Дом испустил решительный вопль смерти.

* * *

Оставшиеся в живых стояли на холодном склоне горы, в тишине наблюдая за происходящим. Белоствольное здание на мгновение застыло, а затем с отчаянным криком рухнуло с утеса в долину.

ГЛАВА 34

ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Тлеющие угли солнца Верхнего Экстанса скатывались в море. Звезды уже высыпали на темное лавандовое небо. Воздух пах фруктами.

Крис высунул руку из гамака и взял стакан, осушив последний коктейль.

Доктор не притронулся к напитку. Фрукты на подносе начали сохнуть.

Он сидел в шезлонге, уставившись на море и рассеянно поворачивая ряд тяжелых ключей на металлическом кольце.

Крис откинулся назад и попробовал расслабиться, сделать летний день праздником, где плещут волны, шелестят пальмы и играет отдаленная музыка. На берегу местные жители развели костёр. Их смех и пение отражались от песка. Крис вздохнул и поставил стакан обратно на антигравитационный поднос.

— Это не работает, не так ли? Я думал, что это, возможно, поможет.

Небольшие птицы бегали взад-вперед по краю воды. Ключи Доктора поворачивались. *Щелк. Щелк.*

— Доктор?

— Это должно быть выпущено.— Голос Повелителя Времени казался далеким.

О, Богиня, подумал Крис, приехали.

— В смысле? — громко спросил он.

Доктор вздохнул.

— Старая колыбельная, напевавшаяся няней. Смерть и вечный мир забвения. Так обычно и заканчивается...

— Гм... Я предполагаю, что есть и другие варианты.

— За исключением Повелителей Времени, когда это продолжается снова и снова.

Щелк. Щелк. Щелк.

Двое из местных жителей, девочка и мальчик, оба с алыми лентами в волосах, помахали им.

— Присоединяйтесь к банкету.

Крис махнул в ответ.

— Мы придем позже.

— Можешь идти, если хочешь, — сказал Доктор. Он свернул шезлонг и пошел к ТАРДИС. Маленькая фигурка, по-прежнему в шляпе, несмотря на жару, проскользнула в дверь полицейской будки.

Листья пальмы трещали как аплодисменты от теплого бриза. Краб зарылся в песок, махнув на прощание когтем. Крис бросил последний взгляд на море и коралловый берег, погружающиеся в сумрак. Затем он поспешил за Доктором.

Внутри было прохладно. Доктор снова поставил шезлонг. Он сидел и наблюдал за новой консолью ТАРДИС. Или он только восхищался старинной древесиной красных тропических пород и черепаховым панцирем?

— Крис, дверь закрывается, — сказал он и махнул рукой.

— Пора идти.

Крис потянул рычаг из слоновой кости, и дверь закрылась.

— Снова домой, — бодро сказал он. Он пробрался через рухлядь, разбросанную на полу, и уселся на стул.

Вновь изменившийся интерьер ТАРДИС удивил его. Деревья и камни возвышались там, где когда-то были чисто функциональные белые соты.

— Домой, — пробормотал Доктор.

И это походило на дом Доктора. Как будто корабль понял потерю Дома и компенсировал пустоту. Темные коридоры, альковы и лестницы, тайна на каждом повороте. Как то, что было в голове Доктора. Как его жизнь, детали которой походили на обломки на полу.

Крис не знал, как долго он сидел, чувствуя мурлыканье двигателей ТАРДИС, поскольку они пробовали ослабить его собственную боль. Его голова очистилась от мыслей других людей, вины и усилий. По сравнению с ними, его собственные беды ничего не значили.

Он думал о Роз, о том, как она сердилась, о ее темном взгляде и строгом выражении лица в течение многих дней, как она смеялась, когда он тосковал без нее. Он принес ее полотенце из ванной и положил в сумку.

Щелк. Щелк. Щелк. Доктор поворачивал ключи снова, уставившись в точку на консоли... ожидая.

— Куда бы ты хотел пойти? — спросил Крис.

Маленький человек грустно улыбнулся.

— У меня больше таких мест, чем у тебя, Крис. — Он поднялся из шезлонга, сделал несколько шагов вокруг консоли и опустился в древнее кресло. — Разве это не время,

которое ты вычеркнул? Твоя собственная история? Ты достаточно пропутешествовал со мной.

— Нет, — возразил Крис.

— Но..., — сказал Доктор.

— Хорошо, да. Есть места, которые я хотел бы увидеть.

— Я знаю, что есть.

— Прежде, чем я настолько состарюсь, что они засмеются, когда я выйду из двери.

— Они? — Доктор казался потрясенным. — Они никогда не смеются надо мной.

— Гм... — Крис увидел проблеск смеха в глазах Доктора.

— Ты просто пытаешься утешить меня.

— Я действительно пытаюсь, — согласился Доктор.

Крис внезапно наполнился любовью к этому странному, всемогущему, раздражающему кем бы он ни был человеку.

— Что насчет тебя? Это еще труднее. Я должен быть здесь.

Доктор покачал головой.

— Поговори с Романой. Она найдет для тебя транспорт.

— Да, но... — заволновался Крис. — Романа? Мы возвращаемся?

— Три дня здесь в раю — достаточно, спасибо. И затем снова бежать? Этого не будет, не так ли?

— Предположим не...

— Нет, — он поднялся и подошел к недавно старинной консоли, оживленно приспособливая эбеновые диски.

— Прямо туда, где мы их оставили, — его глаза были полны слез.

— Доктор, — сказал Крис. — Ты замечательный.

— Знаю, знаю, — ответил он с улыбкой. — И если бы я не существовал, меня стоило бы придумать.

* * *

Солнце прорвалось через облака, и ветер смягчился. Птицы клевали рыбу.

Инносет, идущая по горе Ланг с Лилой и Дороти, внезапно остановилась и сняла ботинки.

— Конечно, они выберутся, — сказала Дороти. — Они всегда выбирают.

Они услышали зов и увидели, что Романа бежит по склону к ним. Бездомные кузены за ней напоминали оживленный благотворительный базар. Люди и охранники ходили среди них.

— От Капитолия прибыла помощь, — сказала она. — У нас есть провизия и медицинская помощь. Мы скоро переместим кузенов в безопасное место.

Инносет кивнула.

— И я поговорила с капитаном Редредом. Он кажется потерянным, но я сомневаюсь, что бедный человек понимает, что случилось.

— Его Семья позаботится о нем, — сказала Лила.

— Они и твоя Семья тоже, — напомнила ей Романа.

— Семья Андреда. — Лила серьезно смотрела на президента. — Что насчет тебя?

Романа улыбнулась.

— Вполне, — сказала она. — Увидим.

Это секрет, подумала Дороти.

— Все еще никаких признаков Доктора, — сказала она.

— Он вернется, — ответила Романа. — Когда вы меньше всего ожидаете.

Раздался крик, и все побежали навстречу ему.

Крис выглядел удивительно чистым и отдохнувшим. Так или иначе, он нашел время побриться и принять ванну. Его одежда тоже сменилась.

— Как Вы выбрались? — спросили они. — Действительно ли Доктор в безопасности? Где ТАРДИС?

— Доктор в порядке, — сказал он после того, как он обнял их всех, включая Инносет, к ее удивлению. — Но он чертовски шокирован.

— Как и все мы, — сказала Романа.

Крис кивнул на гору.

— Поднимитесь и посмотрите сами. Компания улучшит его. И вы не поверите, на что стала похожа внутренняя часть ТАРДИС!

Крис смотрел, как они идут вверх. Романа осталась, внезапно выглядя серьезной, что заставило его почувствовать себя неловко.

— Вообще-то, у меня есть просьба.

— Конечно, — сказала она.

— Хорошо, мы говорили об этом. Не то, что бы я не хотел остаться с Доктором. Я буду ужасно тосковать без него...

— Но его было слишком много в последнее время.

— Верно, — сказал Крис. — Я думал, мы нужны друг другу. Но теперь я хотел бы жить сам.

Романа улыбнулась.

— Куда Вы отправитесь?

— Ну, для начала у меня есть друг по имени Бернис.

— Бернис Саммерфилд, — сказала Романа. — Мы встречались. Она — археолог. Довольно хороший. Она могла бы преподавать нам, Повелителям Времени, пару вещей.

Крис усмехнулся.

— Если хотите, то я открою кольцо времени, — продолжила она. — Но сперва подумайте, Крис. Доктор, возможно, нуждается в Вас. — Она подхватила его за руку. — Идём, мы должны присоединиться к другим.

Крис обернулся и увидел маленькую и официальную вечеринку.

* * *

Небольшая фигура сидела на склоне горы под деревом. Её глаза были закрыты.

— Тут жил наш отшельник, — сказала Инносет, когда компания приблизилась. — Доктор пропадал здесь неделями. Это приводило Саттралоп в бешенство.

— Он радовался этому, — сказала Дороти.

— Вы все. — Доктор встал. — Я поставил чайник, только у нас нет чая.

Он выглядел уставшим и, хотя все вокруг улыбались, никто не знал, что сказать.

— Это шок, — добавил он спокойно.

Когда он увидел Роману, он вынул из кармана экстрактор данных.

— Мои Дом и Семья, — сказал он. — Предметы первой необходимости. — И он качнул связкой тяжелых ключей.

— Хорошо, — сказала Романа.

Он передал вещи Инносет.

— Теперь ты Домоправительница, кузина. Пожалуйста, позаботься о них.

Он посмотрел на группу, которая сопровождала ее.

— Ты была занята, Романа. Ты все еще являешься Президентом?

— Канцлер Теора? — сказала Романа.

Женщина вышла вперед, гордо держа свою лабиринтообразную скульптуру волос, устойчивую на ветру.

— Пожалуйста, скажите Романе вернуться в Капитолий, Доктор. Прежний Кастелян Спандрелл говорил с Высшим Советом в пользу Президента. Они готовы выслушать, как она только вернется.

Доктор следил за Романой.

— Без сомнения, ты хочешь вынуть что-то поразительное из своей президентской шляпы.

Она кивнула.

— Кое-что монументальное случилось на Галлифрее.

Она указала на высокую женщину, одетую в красное.

— Это — жрица Чаркеста.

— Вы — новый Посол от Карна, — сказал Доктор.

Женщина сделала приветственный жест.

— Долгая трещина между Галлифреем и нашими сестрами излечена. Есть множество благоприятных предзнаменований.

Она повернулась и поклонилась Лиле, точившей нож об камень здоровой рукой.

— Я так и думала, — сказала Дороти. — Я думала, что они знали.

— Конечно, — сказал Доктор. — Проклятия не могут длиться вечно. Рано или поздно два человека с правильным потенциалом должны были встретиться. Поздравляю, Лила. Ты и Андред должны быть счастливы.

— Мы будем, когда я скажу ему, — ответила она.

Доктор поклонился Чаркесте.

— Вмешательство сестер является долгожданным и своевременным. Я надеюсь на Роману.

Жрица кивнула.

— Время перемещается по кругу, Доктор. Предзнаменования для президента наиболее благоприятны. На Галлифрее вновь восстановлен матриархат.

— Не думаю, — сказал Доктор, — что он когда-либо действительно исчезал.

Романа глубоко вздохнула.

— Первый ребенок на Галлифрее за многие тысячелетия. Мы должны заботиться о вас.

— Не слишком большая забота, — сказала Лила.

— Президент Романа? — сказал Доктор. — Поэтому я был вызван домой?

— Да, верно, — быстро ответила она. — Я подумала, что ты должен узнать первым.

— Тогда не выгляди настолько мрачной. Любой решил бы, что случилось нечто ужасное.

* * *

— Романа отправит тебя домой, — сказал он Дороти. — Я сожалею о мотоцикле.

Он сидел на краю, исследуя алокрылую муху, приземлившуюся ему на палец.

— Не волнуйся, — сказала она. — Я нашла двух получше в конюшне.

— Кадияту Летбридж—Стюарт, — он улыбнулся. — Всегда готова ко всему.

— Доктор?

— Хм?

— Помнишь, ты однажды сказал мне пойти в Академию? — Она перевела дыхание. — Так вот, если ты хочешь, чтобы я поступила...

— Эйс... Я подразумеваю Дороти. Ты поразительна.

— Я догадывалась.

— Я знаю. Но только если ты хочешь.

Она засунула руки в карманы и пнула мертвую рыбу.

— Не совсем.

— В любом случае, спасибо, — сказал он. — Только продолжай быть Линчевателем Времени.

— Спасибо, чемпион, — ответила она и обняла.

К ним подошла Инносет.

* * *

Они наблюдали за Доктором и Инносет, идущими по склону горы.

Слов не было слышно. Только движение голов. Паузы в шагах. Момент, когда они остановились исследовать цветок.

Доктор зашел в ТАРДИС, едва заметную среди захудалых кустарников. Он появился спустя мгновение, толкая разбитую тачку, загруженную книгами.

Инносет протянулась и коснулась руки Доктора.

Раздраженные кузены шептались, когда Доктор и Романа оказались перед ними.

— Говори ты, — сказала она.

Он снял шляпу.

— Кузены Лангбэрроу, вы быстро транспортируетесь в Капитолий. Президент Романа уверяет меня, что о вас будут хорошо заботиться.

— Недостаточно! — крикнуло несколько из них.

— Кроме того, отлучение отменяется, и Семья восстановлена в клане Прайдон.

— Что насчет нашего Дома? — спросил Ринд.

— И будет новый Дом, реструктурированный от оригинального шаблона. Что еще я могу сделать для Вас?!

Они одновременно повернулись спиной.

— До свидания, лангбэрровианцы, сказал он. — Не волнуйтесь. Я не прошу вашего прощения. Время бежит по кругу. У меня есть другие семьи!

Он посмотрел на спутников. Рядом стоял Директор Преданности с несколькими агентами.

— Если я останусь на посту, — сказала Романа, — я временно отстраню Лорда Ферейна по обвинению в преувеличении должностных полномочий. Я открою двери Агентства для Общественного Видеорегистра для полного исследования.

— Вот что значит иметь власть, — сказал Доктор.

— Тебе ли не знать. — Она схватила его за руку и попробовала отвести подальше от Ферейна.

Пожилой человек догнал Доктора.

— Она сказала Вам, почему она все же вызвала Вас?

Романа нахмурилась.

— Уйдите, Ферейн.

— Она сказала Вам о миссии?

— Я передумала, — сказала Романа. — Доктор тут не при чем.

— Какая миссия? — спросил Доктор.

— На Скарро, — ответил Ферейн.

— Каир?

— Нет, Скарро.

Доктор качнул головой.

— Это какой-то новый Скарро? Или тот, который я разрушил Рукой Омеги?

Романа крутила оружие.

— Я сказала, что это не имеет значения!

Лила, Крис и Дороти были привлечены звуком ссоры.

Ферейн самодовольно отступил назад, пока Доктор и Романа спорили.

— Нет, Доктор. Я отправлю кого-нибудь другого.

— Если это — Мастер, мне следует быть там.

— Это слишком опасно!

— Что может быть хуже выступления перед моими несчастными кузенами! Заполнение отчетов Летбридж-Стюарту? Завтрак с ужасной Зодин...?

— Но это верно. Матрица предсказывает девяносто шесть процентов фатальной раны, — сказал Ферейн.

Доктор закрыл глаза и спокойно сказал:

— Тогда у меня остается четыре процента.

— Не будь таким легкомысленным! — сказала Романа.

Доктор засмеялся.

— Вы должны видеть себя. Президент и НАВ, запертые в своих вечных перестрелках. Одна сторона всегда наклонена.

— Это удерживает баланс, — ответила Романа.

Директор Преданности мрачно улыбнулся.

— Таким был путь Галлифрея, начиная с Интуитивного Открытия.

— Но это уже должно надоесть, — сказал Доктор. — Похороненный в состоянии бесконечной Гармонии. Неудивительно, что вы играете в эти игры.

— И что Вы сможете преподать нам с Вашей разнообразной мудростью? — спросил Ферейн. — Кем бы Вы являетесь или были?

Доктор встретил взгляд старика. Ветер стих.

— Чего Вы хотите, Ферейн? Чем Вы хотите, чтобы я был? Я покажу мою сверкающую власть? Я отмечу зло и хаос? Повторно отмечу курс звезд?

Он сделал паузу.

— Хорошо, не буду. Я не я, если смог бы. Как Вы думаете, кто я? — Он ткнул пальцем в грудь. — Я — это я. Доктор. Что я, кто, каков я буду — как я могу сказать? Я не бессмертен. Я пойду на этот Скаро, заберу останки Мастера и верну их президенту Романадворатрелундар.

— С такой поддержкой, — сказал Ферейн, — как она может потерпеть неудачу?

Глаза Доктора вспыхнули.

— Тише, мой Лорд. И помните своё место!

Птицы прекратили петь.

Ферейн затих.

— Пожалуйста, будь осторожен, — сказала Романа.

Доктор серьезно посмотрел на неё.

— Далеки. Мастер. Романа, ты все сказала?

* * *

Инносет листала книги одну за другой. Заплесневелые запахи страниц и обложек могли рассказать собственные истории.

Одна поблекшая книга содержала картину упитанного существа, плавающего под дирижаблем, окруженным красивыми облаками.

Слова были неразборчивы. Телепатический переводчик мог сделать работу немедленно, но это уничтожит годы кропотливой работы. Что-то, чем можно наслаждаться, пока рос новый Дом. Она и ее Дом. Она надеялась, что Доктор приедет на их свадьбу.

Она оглянулась в поисках Доктора, но ни его, ни спутников не было рядом.

* * *

Они стояли возле ТАРДИС.

— Пожалуйста, — сказал Доктор, — я не просил провожать.

— Грубиян, — ответила Дороти. — Держи. — Она вынула последнюю разбитую коробку с чаем из кармана.

Он смотрел на Лилу в течение долгого времени, глядя в ее глаза, как будто что-то узнавая.

— Этот плод любви, — размышлял он. — Интересно. Отец с Галлифрея и мать с Земли. Необычная родословная.

— У меня нет ничего для тебя, Доктор, — смущенно сказала она.

— Только назови его после того, как я уйду.

Она выглядела пораженной, а затем кивнула.

— Кто такой ужасный Зодин? — поддел Крис. — Галактический император, страдающий манией величия?

Глаза Доктора затуманились.

— Зодин была знаменитой шпагоглотательницей на Великом Фестивале Зимимис Мидамор. Она ловко управлялась с ятаганом.

Крис подхватил Доктора.

— Ставлю, что я никогда не сумел бы сделать это, — сказал он. — Затем опустил Доктора и поднял его шляпу.

— Передай привет от меня Бернис, — сказал Доктор, сжимая руку Криса.

— И спросите, хочет ли она читать лекции в Академии, — добавила Романа.

Она повернулась к Доктору.

— Я знаю. Я буду осторожен, — сказал он.

— Я хочу, чтобы у тебя было это. — Она вложила металлический объект в его руку. — Это — моя звуковая отвертка.

Он улыбнулся.

— Спасибо, мадам президент. Скоро увидимся.
Возвращайтесь в Капитолий.

Он шел к ТАРДИС — маленькая фигура, сжимающая подарки. Он повернул ключ и зашел внутрь.

— Он вернется? — спросила Лила.

— Дороти! — Голова Доктора высунулась из двери. — Я только что вспомнил. Я не был Мерлином!

Он закрыл дверь и исчез.

— Что? — хором спросили другие, но Дороти лишь рассмеялась.

Свет на ТАРДИС сиял как яркая идея.

Удивленные птицы вспорхнули с деревьев, когда ТАРДИС исчезла.

Они стояли одни на солнечном склоне горы.